

Российская Академия Наук
Институт научной информации
по общественным наукам

Современная Испания

Реферативный сборник

Москва
2003

ББК 63.3 (Исп.)
С56

Серия
«Европа. XXI век»

***Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем***

Отдел Западной Европы и Америки

**Составитель, автор введения и рефератов
д-р ист. наук С.М.Хенкин**

Редакционная коллегия:

**Т.Г.Пархалина,
Е.А.Нарочницкая (ответственный редактор),
Б.С.Орлов, Т.Н.Мацонашвили, И.С.Новоженова**

С56

**Современная Испания: Реф. сб. / РАН. ИНИОН.
Центр научно-информ. исслед. глобал. и регионал. пробл.
Отд. Западной Европы и Америки. – Составитель, автор
введения и рефератов Хенкин С.М. Ответственный редак-
тор Нарочницкая Е.А. – М., 2003, 144 с.**

В сборник вошли рефераты монографий, в которых исследуются различные стороны общественно-политической жизни постфранкистской Испании: становление и консолидация демократии, особенности политических институтов и политической культуры, роль монархии, сдвиги в расстановке социально-политических сил, национальные и региональные отношения, истоки и характер терроризма в Стране Басков, основные направления внешней политики.

The volume presents digests of books analyzing various aspects of post-Francoist Spanish politics, such as transition to and consolidation of democracy, characteristics of political institutions and political culture, the role of monarchy, recent shifts on the national political scene, ethnic and regional issues, terrorism in the Basque Country, foreign relations.

ISBN 5-248-00182-X

© ИНИОН РАН, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
<i>Ч.Пауэлл.</i> Испания в годы демократии, 1975–2000	12
Политическая система Испании.....	47
<i>С.Фриас.</i> Политическая культура в Испании: Сознание, позиции и практика	62
<i>Х.Д.Медрано.</i> Разделенные нации. Классы, политика и национализм в Стране Басков и Каталонии.....	82
<i>И.Санчес-Куэнка.</i> ЭТА против государства. Стратегии терроризма	95
Испания – заметное действующее лицо на международной арене	124

С.М.ХЕНКИН*
**ВВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ПЕРЕХОДА ИСПАНИИ К ДЕМОКРАТИИ**

В последние десятилетия Испания оказалась в числе стран, попавших в фокус внимания международной общественности. Ее переход к демократии стал одним из наиболее успешных процессов в рамках «третьей волны» демократизации. Важность достигнутого особенно отчетливо видна, если вспомнить тот тяжелый, временами трагический путь, которым шла Испания к современной политической системе. Ее страна поистине выстрадала.

Отправной точкой испанского пути к демократии можно считать знаменитую либеральную конституцию 1812 г., принятую в Кадисе во время победоносной борьбы испанского народа против вторжения Наполеона. Кадисская конституция разрывала с вековыми устоями испанской монархии, исходившими из принципа божественного происхождения королевской власти. Носителем верховной власти в стране объявлялась нация, которая свободна и не может быть ничьей наследницей. Монархия становилась парламентской, устанавливалась избирательная система. Условия того времени не позволили либералам претворить Кадисскую конституцию в жизнь.

Переход Испании к демократии, начатый в Кадисе, продолжался до середины 80-х годов XX в. — времени консолидации демократической системы. За эти примерно 170 лет страна пережила множество переворотов, восстаний, революций, гражданских войн, диктатур. Страна прошла три стадии государственного и культурного развития: монархию (до 1931 г.), республику (1931—1939 гг.) и франкистскую диктатуру (1939—

* Хенкин Сергей Маркович — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

1975 г.), причем на каждой из этих стадий отвергалось многое из предшествующих форм организации власти, прежних норм и ценностей. По существу, 170 лет ушли на то, чтобы подготовить к демократии социально-классовую структуру общества, национальный характер, выработать соответствующую политическую культуру.

Ныне впервые за всю историю в Испании сложился легитимный, стабильный и эффективный строй представительной демократии. Уже четверть века страна функционирует в режиме четкого разделения властей, созданы современная партийная система и избирательное законодательство, регулярно проводятся выборы в центральные и местные органы власти. Испания играет все возрастающую роль на международной арене. Ее место в современном мире кардинально изменилось по сравнению с тем, которое она занимала еще совсем недавно.

Страна сменила парадигму политической и духовной культуры, преодолев авторитарную традицию, разорвав казавшийся бесконечным круг насилия. Распутаны многие узлы и противоречия, решены «проклятые» вопросы, веками лихорадившие Испанию. Прочность нынешней государственности определяется решением ряда ключевых проблем.

Первое. Испании удалось восстановить национальную идентичность, обрести утраченное правопреемство. Если прежде в этой истерзанной общественными противоречиями стране и достигалась идентичность как основа социального согласия, то только на религиозной основе. Ныне впервые в своей истории Испания обрела национально-гражданскую идентичность. Трудно переоценить роль в этом процессе короля Хуана Карлоса I, первого в истории страны представителя королевской семьи, который не стремился сохранить статус-кво, а пошел наперекор традиции и, опираясь на поддержку демократических сил, возглавил ликвидацию диктаторского режима. Король восстановил историческую преемственность власти, соединил прошлое, настоящее и будущее страны. Современная испанская монархия отличается от всех предшествующих типов королевской власти в Испании. Хуан Карлос играет в управлении страной меньшую роль, чем любой из его предшественников. И тем не менее монархия — стеновой хребет нации, а огромный моральный авторитет короля — гарантия стабильности политического развития Испании. Король стал необходимой фигурой для населения страны, у которого многие годы сохранялся страх перед возможностью новой гражданской войны.

Современную монархию отличает от предшествующих форм королевской власти в Испании и то, что она носит не сословный, а нацио-

нальный характер, служит интересам всех испанцев, стоит «над партиями» и никому не подыгрывает. Под эгидой монархии последовательно сменяли друг друга у власти партии, принадлежащие к различным частям политического спектра: правоцентристский Союз демократического центра (1977–1982 гг.), традиционно считающаяся левой Испанская социалистическая рабочая партия (1982–1996 гг.), консервативная Народная партия (с 1996 г.). Во всех случаях король оставался и остается своего рода высшим попечителем, который доверяет народу, избирающему парламент, и подтверждает законность его выбора.

Второе. Законодатели урегулировали церковно-государственные отношения – исторически один из основных факторов раскола общества. Ведь в 30-е годы, в период республики в Испании господствовал яростный антикатолицизм. Напротив, франкистское государство было профессиональным по характеру. В нем католицизм пронизывал всю жизнь нации. На этапе демократизации церковь была отделена от государства. Хотя многие вопросы образования, брака, семьи, регулирования рождаемости становились предметом острых дискуссий, церковь в целом не ставила под сомнение органичность для современной Испании светского и демократического пути развития.

Испанский опыт – в ряду политических практик других стран – показал несостоятельность весьма распространенной точки зрения о несовместимости католицизма и демократии. Социально-экономическая модернизация страны привела к обновлению местного варианта католицизма и изменению его отношения к демократии. Многие современные установки католицизма не только не противоречат концепции представительной демократии, а усиливают ее.

Третье. В годы демократизации окончательно был решен «военный вопрос». В прошлое ушла традиция военных переворотов (в XIX–XX вв. произошло несколько десятков «пронунсиамьентос»). Армия перестала выступать в роли арбитра внутривнутриполитической жизни. После присоединения Испании к НАТО (в 1986 г.) внимание военных переключилось с внутривнутриполитических проблем на вопросы евро-атлантического военного строительства. ИСРП, придя к власти, поставила вооруженные силы под гражданский контроль, военными министрами стали назначаться гражданские лица.

Четвертое. Был найден удачный (по крайней мере, на достаточно длительный период времени) способ решения национально-региональной проблемы – традиционно крайне болезненной и конфликтной. «Государство автономий» стало промежуточной, компромиссной формой между

централистским унитарным государством и федерацией. При том, что эта форма урегулирования национально-региональных противоречий удовлетворяет не все влиятельные национальные меньшинства, она доказала за четверть века свою жизнеспособность, уберегла многонациональную страну от дезинтеграции, ослабила националистические и сепаратистские тенденции.

Пятое. В годы демократии завершился вековой спор между «европеистами» и «почвенниками» — сторонниками самобытного пути развития Испании, стоявшими на изоляционистских позициях. Присоединившись к ЕС, НАТО и другим региональным организациям, Испания стала полноправным членом европейского сообщества.

И, наконец, шестое — по порядку, но не по значимости. Впервые в испанской истории в стране сформировалось прочное и устойчивое национальное согласие на демократической основе. Еще несколько десятилетий назад здесь было немало взаимной нетерпимости. Через всю историю Испании проходит глубокий раскол между традиционалистами и сторонниками модернизации. Столкновения двух противоположных лагерей приобретали характер острейших общественных конфликтов. Такой сшибкой стала, например, гражданская война 1936–1939 гг., в ходе которой репрессии, убийства, месть и ненависть захлестнули страну. В 40-е годы, да и в последующие десятилетия, франкистская пропаганда настойчиво насаждала образ врага, ополчаясь прежде всего против коммунистов. И в левом лагере было немало людей, жаждавших реванша за поражение в гражданской войне. Однако в 70-х годах духовный и политический климат в стране изменился настолько, что в массовом сознании «образ врага» оказался уже достаточно размытым.

Демократический консенсус в Испании был достигнут благодаря глубокой переоценке ценностей как франкистами, так и антифранкистами. Вчерашние сторонники каудильо, легализовав левые партии и профсоюзы, обеспечив проведение выборов в центральные и местные органы власти, предоставив автономию национальным областям, приняли многие ценности побежденных в гражданской войне, согласились с теми требованиями, из-за неприятия которых правые силы когда-то с оружием в руках сражались против республики.

Показательна эволюция нынешней правящей партии Испании — Народной партии. В первые годы демократизации она выступала в ряде аспектов как антирежимная, неофранкистская партия. Ее исторический путь — это длительный, сложный, порой мучительный процесс приспособления к системе представительной демократии, сопровождавшийся

модернизацией и сдвигом к центру, словом, приближением к существующим западноевропейским образцам. Благодаря приходу к руководству партией нового поколения политиков во главе с Хосе Мариа Аснаром, не связанных с франкистским прошлым, она сумела совершить радикальное политико-идеологическое обновление. Обретя «второе дыхание», Народная партия заняла лидирующие позиции в современной Испании.

Не менее интересна эволюция ведущих левых партий — социалистической и коммунистической. Обе они также обнаружили способность к компромиссу, отказавшись от «возмездия» и «реванша», от требования привлечь к ответственности лиц, виновных в репрессиях франкистского периода. Антимонархисты по убеждению, они признали монархию.

Особенно важное значение имел сдвиг к умеренности, происшедший в компартии Испании, — одной из первых компартий Западной Европы, вставшей на путь пересмотра традиционных идейно-политических догм. При всем политическом мастерстве правящего класса путь к демократии мог оказаться намного сложнее, если бы его курс не нашел поддержки у влиятельной компартии.

Надо сказать, что в 70-е годы в Испании произошло редкое в истории совпадение многих объективных и субъективных обстоятельств, благоприятных для перехода к демократии и ее консолидации. Среди них — экономический бум предшествующего десятилетия и формирование многочисленного среднего класса, ориентирующегося на западноевропейские образцы, стремление миллионов испанцев избежать радикальных экспериментов по образцу 30-х годов и сдвиг к центру ведущих политических организаций, умение их лидеров подняться над узкопартийными амбициями и пойти по пути национального примирения, преодолевая непонимание и сопротивление собственной среды, присутствие в ближайшем окружении короля такого блестящего советника, как профессор права Торкуато Фернандес-Миранда. Король Хуан Карлос так оценил свою роль в испанском политическом процессе последних десятилетий: «Я нужный человек, появившийся в нужном месте в нужный момент»¹.

Велико международное значение испанского опыта. К нему долгие годы обращаются политики и эксперты при решении самых разных проблем перехода к демократии, будь то обретение страной правопреимства

¹ Vilallonga J.L. Conversaciones con D. Juan Carlos I de España. — Barcelona: Plaza & Janes, 1993, p. 99.

и национальной идентичности, механизмы формирования консенсуса, роль политических лидеров или преобразование межнациональных отношений и региональной сферы. И интерес этот не угасает. В последние годы — в связи с оживлением дискуссии о возможности восстановления института монархии в России и во многих других постсоциалистических странах Восточной и Центральной Европы — в эпицентре внимания оказались политическая роль испанской монархии и фигура короля Хуана Карлоса.

С высоты сегодняшнего дня очевидно, что испанский вариант демократизации явился определенным рубежом в развитии мировых процессов перехода к демократии. Если при свержении фашистских диктатур в европейских государствах в 40-е годы решающую роль играли внешнеполитические факторы (поражение во Второй мировой войне и оккупация иностранными державами) и факторы того же рода ускорили крах авторитарных режимов в Португалии и Греции в 1974 г. (соответственно, антиколониальная борьба и авантюристическое военное вторжение на Кипр), то в Испании толчок трансформационному процессу был дан изнутри. Эта страна стала своего рода полигоном, на котором велась обкатка новой модели демократизации: перестройка недемократического режима сверху реформаторской частью правящей элиты, пошедшей под давлением оппозиции на переговоры и соглашения с демократическими силами. Впоследствии некоторые элементы этой модели были использованы в странах Восточной Европы и Латинской Америки.

Отмечая внушительные успехи, которых добились испанцы в деле создания стабильной системы представительной демократии и поистине всемирно-историческое значение опыта их перехода к демократии, не следует забывать, что путь к новому политическому режиму не был для них легким и безоблачным. Демократический процесс здесь прошел через множество рифов и подводных камней, препятствий и политических кризисов.

Некоторые проблемы, оставшиеся от прошлого, не решены до сих пор. Наибольшую тревогу вызывают действия баскской террористической организации ЭТА. При том, что демократия в Испании давно консолидировалась, там продолжает литься кровь. Деятельность ЭТА уже более 30 лет держит страну в напряжении, порой вызывая острые политические кризисы. Этаровцы, первоначально боровшиеся против франкистской диктатуры, в годы демократизации превратились в основную силу, дестабилизирующую общественную ситуацию в Испании. Их требования (освобождение «от испанского ига» и создание на территории

испанских и французских провинций, населенных басками, независимого государства) находят определенную поддержку в баскском обществе, чем и объясняется долголетие организации.

Испания интегрировалась в сообщество западных демократий, сохранив национально-историческую специфику. К примеру, элементы традиционного «авторитарного комплекса» так или иначе продолжают жить в массовом сознании. Некоторые партии, профсоюзы и организации, как правые, так и левые, остаются в плену традиционных — патерналистских и каудильистских — представлений о власти, веками складывавшихся в стране. Положение в них характеризуется господством руководящей верхушки, бюрократизацией аппарата, пассивностью рядовых членов, отстраненных от принятия решений.

Проблема отчуждения масс от партийно-политической деятельности, типичная для всех стран Запада, проявляется в Испании с особой остротой. И это также наследие авторитарной политической культуры. Согласно различным социологическим обследованиям, степень вовлеченности населения в партии и профсоюзы здесь одна из самых низких в Западной Европе.

По существу, многие традиции в Испании вписались в демократическую реальность, стали составной частью новой государственности. И относиться, по крайней мере к части их, следует не как к препятствию на пути модернизации, а как к фактору, составляющему самую суть национальной специфики, национальной самобытности.

В настоящий сборник вошли рефераты индивидуальных и коллективных трудов, в которых исследуются разные стороны испанской действительности за последние десятилетия: становление и консолидация демократии, особенности политических институтов и политической культуры, национальные и региональные отношения, терроризм ЭТА, основные направления внешней политики. Можно надеяться, что знакомство с книгой позволит российскому читателю лучше понять реалии современной Испании.

ЧАРЛЬЗ ПАУЭЛЛ ИСПАНИЯ В ГОДЫ ДЕМОКРАТИИ, 1975—2000

POWELL CH.
España en democracia, 1975—2000. —
Madrid: Plaza Janes, 2001. — 685 p.

В монографии известного испаниста, профессора Оксфордского университета Ч.Пауэлла, ныне работающего в Испании, воссоздана объемистая и многоаспектная картина становления, развития и консолидации демократии в этой стране. Работа, получившая в Испании одну из престижных национальных премий по общественным наукам, состоит из четырех крупных разделов, где анализируются предпосылки краха франкизма, переход к демократии, правление Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и политика Народной партии (НП).

Автор анализирует социальный характер франкистского режима, стремясь выявить те его аспекты, которые облегчили последующий переход к демократии. При этом Ч.Пауэлл исходит из определения авторитаризма, сформулированного в 1964 г. известным американским политологом испанского происхождения Хуаном Линцем (эмпирической основой линцевского определения как раз и послужил испанский опыт), и квалифицирует этот режим как авторитарный.

В монографии выделяются существенные характеристики франкизма. Прежде всего, это — ограниченный плюрализм и дозированное инакомыслие в «верхах». Вокруг Франко с 1936 г. сложилась коалиция, включавшая военных, фалангистов, монархистов и католиков. Каудильо балансировал между этими весьма пестрыми по своим интересам и установкам силами, манипулировал ими. Другая характеристика диктатуры, тесно связанная с первой, — отсутствие четкой идеологии, что позволило различным «семьям» выдвигать и защищать самые разные проекты,

зачастую несовместимы. Еще одна отличительная особенность франкизма — его слабая способность к мобилизации. Режим отказался от политической мобилизации населения, требуя по отношению к себе не активных проявлений преданности, а пассивного подчинения и лояльности.

Последнее обстоятельство во многом связано с тем, что господствующие позиции в политической системе франкизма принадлежали не фашистской партии — Фаланге, а традиционно-консервативным силам. Фаланга (позже она была переименована в Национальное движение), образованная в 1938 г. с тем, чтобы служить посредником между обществом и государством и воспитывать испанцев на принципах, провозглашенных последним, никогда не выполняла эти задачи и обладала очень ограниченными возможностями для проникновения в социальную среду. А после 1957 г., когда были пресечены попытки Национального движения поставить под свой контроль деятельность кабинета министров, оно превратилось в чисто бюрократическую структуру, не имевшую серьезного политического влияния. В 1966 г. сам Франко в частном разговоре охарактеризовал движение как «клаку», главная миссия которой состоит в том, чтобы помогать политикам — ставленникам правительства (с. 91). В 60—начале 70-х годов, по заключению Пауэлла, франкизм представлял собой не однопартийный, а беспартийный режим (с. 91). Незначительная роль Фаланги облегчила переход к демократии, так как в распоряжении диктатуры не было эффективных институтов, с помощью которых ортодоксальные франкисты могли бы активно сопротивляться процессу перемен.

В авторитарных режимах единственную партию часто заменяет армия, особенно в начальный период правления, когда еще свежи воспоминания о ее участии в захвате власти. Консолидация же системы авторитарного правления сопровождается снижением роли военных. В испанском случае участие армии в мятеже 18 июля 1936 г. и постоянное сосредоточение верховной власти в руках генерала Франко привели к преувеличению роли «милитаристского элемента» при оценке франкистского режима, который не может именоваться военной диктатурой в полном смысле этого слова, за исключением начального периода. В Испании действовала «диктатура военного, а не военная диктатура» (с. 92). Еще в сентябре 1936 г., отмечает Ч.Пауэлл, армия передала всю власть в новом государстве Франко. Благодаря огромному авторитету Франко среди его товарищей по оружию, вооруженные силы никогда не стремились контролировать своего верховного главнокомандующего, который

правил как глава государства и председатель правительства (до 1973 г.) и только во вторую очередь — как генералиссимус трех родов войск. И хотя в первое двадцатилетие существования франкизма многие военные занимали

посты в государственном аппарате, это был отнюдь не контроль армии над государством, подобный тому, который имел место в ряде латиноамериканских стран в 60–80-е годы. Более того, с конца 50-х годов присутствие военных в аппарате власти стало сокращаться. Так, в середине 70-х они занимали лишь пятую часть министерских постов. В кортесах доля офицеров уменьшилась с 22,9% мест в 1955–1958 гг. до 11,3% в 1971–1976 гг. (с. 93). Сокращались и расходы на оборону. В 1973 г. Испания тратила на военные нужды 1,9% ВВП, т.е. меньше, чем любая другая западноевропейская страна, кроме Люксембурга, причем подавляющая масса средств шла на выплату жалования (с. 94).

Наряду с характером власти, на перспективы перехода к демократии серьезное влияние оказывает степень подготовленности к ней общества, прежде всего так называемый социально-экономический фактор. Разумеется, здесь нет прямой зависимости. Исторический опыт показывает, что демократия возможна и в относительно отсталых странах (Индия, Коста-Рика), а хорошие экономические показатели не исключают господства авторитаризма (Южная Корея, Тайвань в 80-е годы). Вместе с тем очевидно, что высокий уровень социально-экономического развития и благоприятная хозяйственная конъюнктура способствуют созданию условий для становления и консолидации демократии.

В Испании социально-экономические предпосылки перехода к демократии созревали несколько десятилетий. Гражданская война, помимо того, что она была огромной человеческой трагедией, обернулась катастрофой для национальной экономики. В 1940 г. доход на душу населения упал на 14% по сравнению с 1930 г. Так, если в 1930 г. доход на душу населения был в Испании на 13% ниже, чем в Италии, то в 1950 г. разрыв составлял уже 40%. Франции и Италии понадобилось только три года на послевоенное восстановление, Испании — свыше десяти (с. 22).

Экономическая отсталость усугублялась осуществлявшейся франкизмом политикой автаркии, ориентированной на сокращение импорта и налаживание производства недостающих товаров. Курс на самообеспечение национального рынка отвечал интересам социальных групп, поддерживавших франкистский режим, и господствовавших политических «семей». Вместе с тем политика автаркии объяснялась изоляцией,

которую навязали франкизму западные демократии, победившие во Второй мировой войне.

Однако начавшаяся во второй половине 1940-х годов «холодная война» сделала международную обстановку намного более благоприятной для франкистского режима. Западные демократии боролись теперь уже не с фашистской, а с коммунистической угрозой. После 1945 г. фалангисты стали оттесняться от вершин власти представителями католической «семьи», которая вызывала намного меньше опасений в западных столицах. США, прежде относившиеся враждебно к франкистскому режиму, теперь начали видеть в нем своего союзника по глобальному противостоянию коммунизму. В 1953 г. было подписано испано-американское соглашение (так называемый Мадридский пакт), предусматривавший, в частности, предоставление Испании экономической помощи. Последняя, будучи существенно ниже, чем та, которую получали другие страны по плану Маршалла, тем не менее имела важное значение.

Благодаря начавшейся индустриализации темпы роста испанской экономики были довольно высокими. Однако развитие промышленности сталкивалось с серьезными трудностями, связанными прежде всего с нехваткой сырья и отсутствием достаточных средств для его приобретения. В целом автаркия, административное вмешательство государства в экономику, контроль над частной инициативой создавали серьезные препятствия для развития национального производства. В 1959 г. разразился финансовый кризис, сопровождавшийся вышедшей из-под контроля инфляцией и дефицитом государственного бюджета. На повестку дня встал вопрос о глубокой экономической реформе, способной ослабить вмешательство государства в экономику, восстановить роль деформированных товарно-денежных отношений, обеспечить приток в страну иностранного капитала. В правящем лагере усилились разногласия между технократами в лице католической организации «Опус Дей», выступавшими за хозяйственную реформу, и фалангистами, требовавшими продолжения политики автаркии. В этом споре победу одержали технократы, опиравшиеся на поддержку Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международный валютный фонд (МВФ). В 1959 г. был принят «план стабилизации», предусматривавший, в частности, постепенную отмену государственного контроля над хозяйственной деятельностью, ценами и заработной платой, девальвацию песеты и превращение ее в конвертируемую валюту, сокращение финансового дефицита, предоставление иностранному капиталу более

широкого доступа на внутренний рынок. Благодаря этому плану Испания сумела найти выход из валютно-финансового кризиса и встала на путь реформирования экономики.

В 1961–1975 гг. темпы роста экономики составляли 6,7% в год – среди стран ОЭСР они были выше только у Японии (с. 24). Примечательно, что, хотя бум совпал с самым значительным в истории XX в. периодом расцвета мировой экономики, уровень жизни во франкистской Испании возрастал быстрее, чем в странах как с правоавторитарными диктатурами (Португалия, Латинская Америка), так и с тоталитарными режимами (Восточная Европа).

Экономическое «чудо» было связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, с доходами от иностранного туризма (численность посещавших Испанию туристов возросла с 6 млн. в 1960 г. до 34 млн. в 1973 г.). Во-вторых, с иностранными инвестициями, увеличившимися с 40 млн. долл. в 1960 г. до 322 в 1965 и 697 млн. долл. в 1970 г. В-третьих, с валютными поступлениями от рабочих-эмигрантов. По официальным данным, в 1960–1973 гг. 2,3 млн. испанцев выехали на заработки в основном в страны Западной Европы, – цифра значительная для страны, население которой составляло примерно 12 млн. человек (с. 25).

В годы бума экономика Испании серьезно трансформировалась. Значительно сократилась роль аграрного сектора – с 24% ВВП в 1960 г. до 9% в 1976 г. С 1960 г. ежегодный прирост индустриального производства составил 11%. Бурно росла и сфера услуг – 51% ВВП в 1976 г. (с. 26).

Бурный экономический рост сопровождался впечатляющими социальными последствиями. Перемен такой глубины и масштабов не знала вся предшествующая история страны. Наблюдался интенсивный исход сельского населения в города. Если в 1950 г. примерно половина экономически активного населения была занята в аграрном секторе (между прочим, как и в 1914 г.), то в 1975 г. здесь трудилось лишь 23% населения. Сокращение доли жителей деревни с половины до четверти всего экономически активного населения заняло в Испании чуть более двадцати лет, в то время как во Франции этот процесс продолжался 3/4 века, 50 лет в Германии и 30 лет в Италии (с. 29). Одновременно доля занятых в промышленности увеличилась с 25% в 1950 г. до 38% в 1975 г. Во многом сходная картина имела место и в сфере услуг.

В 1970 г. 2/3 населения проживало в городах, насчитывавших свыше 10 тыс. жителей, и примерно половина — в городах с численностью населения свыше 50 тыс. Вместе с тем в Авиле, Памплоне, Сории и

Сеговии в 1975 г. насчитывалось меньше жителей, чем в 1900 г., и это при том, что население Испании за этот период возросло с 18 до 35 млн. человек (с. 29).

По сравнению с первыми послевоенными годами резко улучшилось имущественное положение населения, сформировался многочисленный средний класс. В 1955 г. средняя заработная плата по стране составляла 290 долл. в год (не достигая уровня 1935 г.), в 1964 г. — 497 долл., а в 1975 г. — уже 2486 долл. (с. 37). Уровень потребления резко возрос. Если в 1960 г. на каждую тысячу населения приходилось 59 владельцев телефонов, 5 — автомобилей и 10 — автомобилей, то в 1975 г. эти цифры возросли соответственно до 200, 653 и 111 (с. 41). Правда, при этом не следует забывать, что для трудящихся рост доходов и потребления означал сверхэксплуатацию. В 1976 г. более половины экономически активного населения работало свыше 46 часов в неделю (с. 37). Кроме того, плоды экономического роста распределялись неравномерно среди различных групп населения. В 1974 г. 10% самых богатых семей владели 40% национального дохода. В Италии, Франции и Германии соответствующая цифра составляла 30% (с. 38). Авторитарная природа франкизма не позволила ему использовать возможности, открывавшиеся для социального развития общества. К примеру, расходы на образование составляли в Испании 2% ВВП, в то время как в Германии и во Франции — 5% (с. 40).

В годы бума стала заметна эволюция режима: власти смягчили цензуру, признали право трудящихся на заключение коллективных договоров и экономическую забастовку, допустили создание ассоциаций, не носящих характера политических партий. Проводя эти реформы, франкизм рассчитывал на укрепление своих позиций. Однако на практике произошло обратное. В Испании забурилась общественно-политическая жизнь, начало формироваться гражданское общество — сеть независимых от государства организаций и ассоциаций, которые подтачивали устой существующего порядка. Особенно важное значение имели изменения в менталитете испанского общества — самые заметные за всю его историю. Трансформируясь, франкизм, в известном смысле, занимался политическим самоубийством и подготавливал почву для своей ликвидации «внутрисистемными» реформаторами.

Ч.Пауэлл обстоятельно рассматривает основных участников антидиктаторской борьбы, к числу которых он относит прежде всего рабочих. В контексте франкистской либерализации трудовых отношений на

многих предприятиях возникли полулегальные профсоюзы — Рабочие комиссии, которые действовали в обход официальных корпоративных («вертикальных») синдикатов и реально защищали интересы трудящихся. На годы «экономического чуда» пришлось наибольшее по силе и масштабу социальных конфликтов за весь период диктатуры. Развитие капитализма привело к серьезным сдвигам в политической культуре рабочего класса — отказу от традиционно максималистских требований и готовности к переговорам с предпринимателями. Профсоюз стал восприниматься «как орудие борьбы за улучшение условий труда, а не как инструмент осуществления социальной революции, что явно контрастировало с традиционной культурой революционного синдикализма испанского рабочего класса» (с. 32).

Со второй половины 50-х годов важным бастионом противостояния франкизму стала университетская среда. Значение студенческих выступлений, развивавшихся в отрыве от других слоев общества, определялось в первую очередь тем, что в университете «происходила политическая социализация значительной части испанской молодежи и, что особенно важно, — будущего политического класса демократического общества» (с. 50).

В то же время испанская деревня оставалась по большей части в стороне от антифранкистского движения. По сравнению с 30-ми годами, когда требование аграрной реформы, исходившее от радикально настроенных низов, оказалось одним из главных факторов раскола общества, ситуация резко изменилась. Массовая миграция сельского населения в города и индустриализация привели к тому, что главной фигурой в деревне стал средний собственник, не видевший в государстве эксплуататора и непримиримого врага. Крупные землевладельцы — важная социальная опора франкизма — потеряли свое экономическое и политическое влияние в обществе. В результате аграрная реформа не была включена в программу оппозиции.

Делегитимации режима способствовало дистанцирование от него все более широких слоев католической церкви. Франкизм был особенно восприимчив к критике со стороны церкви. Последняя поддержала франкистский мятеж против республики, окрестив его «крестовым походом за веру». Позже Франко объявил Испанию католической страной и предоставил церкви беспрецедентные льготы.

Рост антифранкистского движения, равно как и обновленческий курс, провозглашенный II Вселенским собором в Ватикане (1962—1965 гг.), стимулировал развитие антифранкистских настроений в среде

священнослужителей, связавших ряд положений социальной доктрины католицизма с требованиями уважения человеческого достоинства и социальной справедливости. Священники участвовали в забастовках и манифестациях трудящихся, завершавшихся схватками с полицией, предоставляли здания церквей для рабочих сходов, прятали там рабочих — активистов от сил безопасности.

Оппозиционные настроения проникли и в армию, где развернулись процессы поляризации. Часть офицеров выступала за модернизацию вооруженных сил, сознавая, что франкизм является препятствием на этом пути. В армии была образована организация «Демократический военный союз», которая, несмотря на свою малочисленность (в нее входило примерно 200 военнослужащих), влияла на настроения военных (с. 97). И хотя часть офицерства, прежде всего участники гражданской войны, ревностно защищала статуску, основную социальную базу режима накануне смерти Франко составляли гражданские, а не военные круги.

В оппозицию к диктатуре перешла также часть чиновничества. В первые годы франкизма понятия «режим» и «государство» практически совпадали. Однако в период бума численность управленческого аппарата резко возросла, в него влились кадры, не принадлежавшие к «семьям», составлявшим франкистскую политическую элиту, и относившиеся к ним критически. Для режима такой поворот событий стал еще одной «ловушкой».

С середины 60-х годов в испанском обществе прогрессирующими темпами стали распространяться ценности демократической политической культуры, о чем свидетельствуют различные социологические исследования. Так, отвечая в 1966 г. на вопрос, «что предпочтительнее: чтобы один человек решал за нас или это должна делать группа лиц, избранных гражданами», 11% высказались за авторитарный выбор и 35% — за демократический. В 1974 г. эти цифры составляли, соответственно, уже 18 и 60% (с. 43). Существенно также, что за этот же период доля не ответивших сократилась с 54 до 22% (с. 43). В 1976 г. доля сторонников демократии среди респондентов составляла 78% — уровень, оставшийся с тех пор неизменным. Показателен и рост числа сторонников вступления в ЕЭС — институт, который ассоциировался с демократическими ценностями. Их доля возросла с 33% в 1966 г. до 74% в 1973 г. (с. 47).

Неоднозначное воздействие на развитие демократического движения оказало и испанское «экономическое чудо» 1960-х — начала 1970-х годов. Дав толчок росту антифранкистских настроений, оно одновре-

менно стимулировало распространение в испанском обществе аполитичности и потребительских ориентаций. По данным социологических опросов, испанцы в большей степени отдавали предпочтение миру, стабильности и порядку, нежели справедливости, свободе и демократии. Однако сказанное не означает, что режим обрел легитимность на путях ускоренного экономического роста и большинство населения стало позитивно к нему относиться. По некоторым оценкам, в начале 70-х годов большинство испанцев были политически индифферентны, в то время как 15% поддерживали режим, а 25% хотели перейти к демократии, причем сторонники крутых и решительных перемен составляли незначительное меньшинство.

Результаты данного опроса отражают то обстоятельство, что демократические ценности зарождались в контексте диктаторского режима, установленного после кровопролитной гражданской войны. Эти же данные свидетельствуют, что в переходный период победу не удалось одержать ни приверженцам франкистской политической системы, ни сторонникам решительного разрыва с ней. Первые игнорировали то, что испанцы, стремясь к миру и порядку, хотели также свободы и демократии. Вторые не принимали в расчет того, что, стремясь к демократии и свободе, испанцы не хотели жертвовать социальным миром и порядком. Таким образом, накануне смерти Франко в Испании сложилась «демократическая политическая культура, несшая на себе печать консервативных ценностей» (с. 45). И это обстоятельство объясняет характер перехода Испании к демократии.

Присутствие в испанском обществе оппозиции режиму в большой степени способствовало демократизации. Вместе с тем оппозиция, достаточно малочисленная, не представляла серьезной угрозы для франкизма. Смерть Франко в ноябре 1975 г. отнюдь не вызвала всеобщего ликования и появления на улицах восторженных толп. Бюрократический аппарат продолжал функционировать, армия сохраняла нейтралитет, спецслужбы не проявляли признаков неподчинения власти. Для того чтобы в стране начались демократические преобразования, требовались способные инициировать и возглавить этот процесс акторы.

Таковыми акторами в Испании оказались реформаторские слои правящей элиты во главе с королем Хуаном Карлосом. Направляющая роль монархии, пожалуй, самая оригинальная особенность демократизации в Испании. Примечательно, что в годы франкизма восприятие института монархии в обществе было довольно сдержанным, порой критическим, а в Хуане Карлосе, объявленном в 1969 г. преемником Франко, видели

верного последователя каудильо, его марионетку. Поэтому, придя к власти, молодой король оказался в очень сложной ситуации. Он был лишен харизмы и демократической легитимности. В условиях роста антифранкистских настроений и демократических сдвигов на Европейском континенте, связанных с крушением авторитарных режимов в Португалии и Греции, укрепить позиции монархии можно было лишь ведя страну к демократии. Еще в 1973 г. Хуан Карлос говорил своему учителю и наставнику, профессору права Торкуато Фернандесу-Миранде: «Будущая страна совершенно не будет похожа на нынешнюю. Монархия должна быть демократической. Только в таком варианте ее признают Европа и мир, и она сможет существовать» (с. 116).

Стремясь максимально не нарушать «нормального течения» политической жизни, король взял курс на трансформацию режима изнутри, при опоре на существующую легальность, действующие политические и конституционно-правовые институты. Хуан Карлос использовал то, что в отличие от большинства военных диктатур, франкизм обладал «конституционным фасадом» (с. 133). При всем этом путь к демократии был сложным и извилистым, сопряженным с преодолением многочисленных трудностей. Не следует забывать, что Хуан Карлос находился в окружении ортодоксальных франкистских сановников и «коридор» для его реформаторских начинаний был весьма узок.

Среди этих сановников следует прежде всего назвать главу первого постфранкистского кабинета министров К.Ариаса Наварро, верного последователя каудильо. В его правительство вошли как ортодоксальные франкисты, так и «цивилизованные правые» — сторонники постепенных, осторожных изменений (министр внутренних дел М.Фрага Ирибарне, министр иностранных дел Х.М.Арейльса, министр юстиции М.Гарригес).

Демократическая общественность восприняла кабинет министров К.Ариаса Наварро как продолжение франкизма. В Испании начался невиданный за весь период диктатуры подъем забастовочного движения, продолжавшийся весь 1976 г. За этот год было потеряно 150 млн. рабочих часов — намного больше, чем в 1975 г. (14,5 млн.) (с. 181). Только в первые три месяца 1976 г. произошла 17731 забастовка. В отдельные дни бастовали сотни тысяч рабочих и служащих. В ряде мест отмечались столкновения демонстрантов с полицией, были убитые и раненые. Трудящиеся требовали амнистии, политических свобод, улучшения экономического положения.

Отношения между Хуаном Карлосом и К.Ариасом Наварро с самого начала не сложились. Председатель правительства говорил некоторым министрам, что с королем ему «так же скучно, как с маленьким ребенком». В свою очередь Хуан Карлос заявил в интервью журналу «Newsweek», что К.Ариас Наварро — это «непоправимое бедствие». «Действия Ариаса ставят целью показать, что он сильнее меня и в глубине души не воспринимает меня как короля», — заметил глава государства в частной беседе (цит. по: с. 159).

Ободренный результатами официального визита в Вашингтон, где он заявил, выступая перед конгрессменами, что «монархия гарантирует чередование у власти различных альтернатив в соответствии со свободно выраженными желаниями народа», Хуан Карлос санкционировал 1 июля 1976 г. отставку К.Ариаса Наварро. Не подлежит сомнению, считает Ч.Пауэлл, что это было «одно из самых трудных и вместе с тем удачных решений короля за весь период его правления» (с. 159).

Отмежевавшись от откровенных франкистов, Хуан Карлос стал в большей мере, чем прежде, опираться на «цивилизованных правых» — преимущественно поколение сорокалетних политиков, не участвовавших в гражданской войне и готовых поддержать перемены сверху. Король вспоминал позднее, что «ощущал почти физическую потребность окружить себя людьми своего поколения». Из этого круга глава государства выбрал на пост председателя правительства Адольфо Суареса, относительно малоизвестного политика, бывшего в предыдущем кабинете министром — генеральным секретарем Национального движения. Хуан Карлос видел в А.Суаресе «молодого, современного и достаточно амбициозного политика, способного взяться за решение стоящих перед страной проблем» (с. 159).

Правительство провозгласило своей целью создание демократической политической системы, основанной на гарантии прав и гражданских свобод, равенстве политических возможностей для всех демократических групп и реальном плюрализме. В своем телеобращении к нации, выдержанном в духе, резко отличном от стилистики Ариаса Наварро, А.Суарес обещал «уважать противников и предоставить им возможности для сотрудничества» (с. 161).

Первоначально широкие круги испанской и мировой общественности восприняли приход А.Суареса к власти негативно. Однако когда правительство встало на путь ломки франкистской политической системы, отношение к нему радикально изменилось. Менее чем за год в Испании были ликвидированы наиболее одиозные институты франкизма и

введены демократические нормы и учреждения. Среди проведенных мероприятий — амнистии политических заключенных, роспуск Национального движения, «вертикальных профсоюзов», легализация основных партий и рабочих профсоюзов.

Особенно важное значение имела легализация компартии (апрель 1977 г.), на протяжении почти сорока лет являвшейся главным объектом травли и преследований со стороны франкистских властей. Это решение правительства было поддержано 55% населения (12% высказались против) (с. 180). До легализации КПИ существовали серьезные мотивы для сомнений в искренности действий властей, однако после этого уже никто не подвергал сомнению стремление А.Суареса создать в Испании подлинную демократию.

Ключевым моментом разрыва с франкизмом стало принятие закона «О политической реформе». В законопроекте, внесенном правительством в кортесы в августе 1976 г., признавался суверенитет народа, подразумевалось упразднение основных франкистских институтов — корпоративных кортесов и Национального движения, — а также избрание двухпалатного парламента на основе всеобщего, прямого и тайного голосования. Король и А.Суарес исходили из того, что принятие этого законопроекта, разрушавшего старую государственность и закладывавшего основы представительной демократии, должно было произойти без какого-либо отступления от существующего законодательства. Председатель правительства подчеркивал, что реформа «основывается на действующей законности и может осуществляться путем предусмотренных процедур. Не может и не будет существовать конституционный вакуум и тем более вакуум легальности, поскольку Испания — правовое государство, в котором господствует закон» (с. 166).

Идея закона «О политической реформе» была подсказана Т.Фернандесом-Мирандой, считавшим, что франкистские законы «не связывают» и что в них заложен механизм пересмотра существующего правопорядка (с. 115). Действительно, в законе «О наследовании поста главы государства» говорилось: «Для того, чтобы отменить или изменить Основной закон, требуется, помимо согласия кортесов, народный референдум».

Таким образом, закон «О политической реформе» мог быть принят лишь с согласия франкистских кортесов. Казалось невероятным, что прокураторы кортесов одобряют закон, ставящий крест не только на этом органе власти и, следовательно, их карьере, но и на политической системе франкизма в целом. Однако Т.Фернандесу-Миранде, назначенному

королем председателем кортесов, после большой подготовительной работы удалось решить эту задачу. 18 ноября 1976 г. 425 прокураторов высказались за принятие законопроекта (59 голосов против, 13 воздержались). Путь к демократии в Испании парадоксальным образом открыли сами франкисты.

На состоявшемся в декабре 1976 г. референдуме в поддержку законопроекта высказались 94,2% из числа участвовавших в голосовании (против лишь 2,6%).

Реформаторская деятельность правительства развертывалась в обстановке террористических вылазок ультраправых, левацких и националистических групп, ожесточенного сопротивления реакционных кругов армии. Кризисные ситуации возникали постоянно. Так, в сентябре 1976 г. министр обороны, вице-председатель правительства Фернандо де Сантьяго подал прошение об отставке, заявив о своем несогласии с предстоящей легализацией связанного с компартией профсоюза «Рабочие комиссии» и других профсоюзов, выступавших в годы гражданской войны на стороне республики. Спустя несколько дней с ним публично солидаризировался другой известный противник реформ — генерал Карлос Иниеста. Правительство отправило обоих военных в отставку, назначив на пост министра обороны либерально настроенного генерала Гутьереса Мельядо, что, однако, не нашло поддержки у реакционно настроенной части генералитета. Постоянно встречаясь с представителями высшего командного состава вооруженных сил, А.Суарес информировал их о намерениях правительства и стремился убедить в необходимости проведения той или иной реформы. При этом он руководствовался установкой короля, стремившегося к тому, чтобы «победители в гражданской войне не превратились в побежденных демократией» (с. 166).

Преодолевая кризисные ситуации такого рода, А.Суарес опирался на поддержку короля и демократической оппозиции. После референдума во взаимоотношениях между правительством и демократической оппозицией возник принципиально новый момент: диалог на основе постоянных контактов. Оппозиционные партии образовали в декабре 1976 г. «комиссию девяти», которая во время встреч с Суаресом излагала свое мнение по поводу различных аспектов реформирования политической системы и путей решения соответствующих проблем.

Шаги в направлении демократизации испанского общества укрепили позиции монархии. В ходе обследования, проведенного в январе 1977 г., 61% опрошенных высказались в поддержку монархии и только 22% предпочитали республику. 72% придерживались мнения, что король

действует «хорошо или очень хорошо» (только 3% — что «плохо или очень плохо») (с. 175). Примечательно, что среди поддерживавших Хуана Карлоса было немало республиканцев.

Вырос и престиж А.Суареса. В начале 1977 г. 67% считали председателя правительства и его команду способными управлять страной, в то время как 18% ставили это под сомнение; 61% респондентов видели в нем демократа (23% это отрицали) (с. 176). Стремясь укрепить свои позиции, А.Суарес и его окружение создали в мае 1977 г. Союз демократического центра (СДЦ), представлявший собой разношерстную правоцентристскую коалицию, в которую вошли франкисты-«обновленцы», христианские демократы, либералы, наиболее умеренные социал-демократы.

На июнь 1977 г. были назначены первые после 1936 г. парламентские выборы, результаты которых должны были дать ответ на три принципиальных вопроса. Во-первых, кто будет руководить политическим процессом в Испании — СДЦ или ИСРП, которые по результатам опросов общественного мнения имели самый высокий рейтинг среди политических партий. В частных беседах руководители социалистов высказывали опасение в связи с возможностью своей победы на выборах, полагая, что она может спровоцировать армию на переворот и прервать процесс демократизации. Во-вторых, на выборах должен был решиться вопрос, будут ли будущие кортесы «учредительными», т.е. ставящими своей основной задачей разработку новой демократической конституции. Король на встречах с политическими лидерами дал понять, что является сторонником классического конституционного процесса. В свою очередь А.Суарес публично оповестил, что в случае победы СДЦ на выборах он первым делом займется разработкой конституции, сотрудничая со всеми партиями, представленными в кортесах. В-третьих, первые за сорок лет парламентские выборы должны были определить реальный вес различных партий и коалиций в испанском обществе.

Победу на выборах завоевал Союз демократического центра, завоевавший 34,6% голосов и 165 мест в конгрессе депутатов — нижней палате парламента. ИСРП собрала 29,4% голосов (111 мест). Третье и четвертое места заняли компартия Испании — 9,3% (20 депутатских мест) и правоконсервативный Народный альянс — 8,8% голосов (16 мест).

Вскоре после выборов король объявил, что начало демократии положено. «Монархия — полагая, что выражает и чаяния кортесов, — стремится к такой Конституции, которая отразит все своеобразие наше-

го народа и гарантирует его исторические права». Вместе с тем Хуан Карлос заметил, что, будучи конституционным монархом, не может направлять работу палат кортесов — это «обязанность политических властей» (с. 198).

После выборов перед парламентом и сформированным А.Суаресом правоцентристским правительством встало множество острых проблем. Помимо разработки новой конституции и завершения демонтажа политических структур франкизма, речь шла о смягчении начавшегося в 1974 г. экономического кризиса, последствиями которого были высокий уровень безработицы, инфляции и внешней задолженности. Трудности усугублялись тем, что однопартийное правительство, состоявшее из представителей СДЦ, не имело большинства в кортесах.

В октябре 1977 г. после трехнедельных переговоров между правительством и всеми представленными в парламенте партиями были подписаны так называемые «пакты Монклоа» (по названию правительственной резиденции в Мадриде), которые предусматривали необходимость осуществления целого ряда политических и экономических мероприятий, необходимых для завершения перехода от франкизма к представительной демократии. Пакты были компромиссом, в соответствии с которым оппозиция соглашалась на меры по оздоровлению экономики, предлагавшиеся правительством (контроль над государственными расходами, находившейся в обращении денежной массой и ростом заработной платы; некоторые меры по поддержанию занятости и др.). Левые же партии добились включения в текст соглашений пунктов о проведении важных структурных реформ (налоговая реформа, установление парламентского контроля над средствами массовой информации, пересмотр уголовного и военного кодексов в сторону их смягчения, реорганизация сил общественной безопасности).

Итоги реализации «пактов Монклоа» были неоднозначными. К концу 1978 г., когда срок их действия истек, правительству удалось добиться (ценой резкого снижения темпов роста экономики и вдвое большего, чем ожидалось, увеличения безработицы) некоторых первоочередных целей — инфляция сократилась с 26,4% в 1977 г. до 16% в 1978 г. Текущий платежный баланс был сведен с положительным сальдо, при этом золотовалютный запас достиг рекордного уровня — 10 млрд. долл., а позиции на мировом рынке укрепились. Вместе с тем большинство структурных реформ так и не были начаты.

Тем не менее соглашения сыграли важную роль в успехе переходного процесса. Прежде всего, их заключение свидетельствовало о суще-

ствовании широкого базового консенсуса по вопросу о необходимости развития в демократической Испании социальной рыночной экономики. «Пакты Монклоа» продемонстрировали также, что, в отличие от своих предшественников, демократическое правительство обладает достаточной легитимностью для проведения очевидно непопулярных мер «жесткой экономии». Наконец, соглашения стимулировали как демократическую социализацию новой политической элиты, вышедшей на политическую авансцену после парламентских выборов, так и примирение между старыми антагонистами. Первые переговоры между лидером испанских коммунистов С.Каррильо и видным деятелем франкистского режима М.Фрагой Ирибарне, возглавлявшим Народный альянс, состоялись именно во дворце Монклоа, а не в Конгрессе депутатов.

Стремление правительства А.Суареса избегать конфликтов с оппозицией проявлялось и при проведении внешнеполитического курса. Однако, в отличие от внутренних социально-экономических проблем, здесь не существовало единства мнений. Напротив, имелись глубокие разногласия относительно того, какое место должна занимать Испания в мире, и прежде всего относительно отношений с США и возможного вступления в НАТО. КПИ и ИСРП были решительными противниками присоединения к Североатлантическому альянсу. Это проявилось, в частности, в декабре 1977 г., когда делегация ИСРП посетила Москву и подписала совместное с КПСС заявление, в котором констатировалась «необходимость преодолеть раскол современного мира на военно-политические блоки» (с. 216). В сфере внешней политики не было подлинного согласия, а скорее сложился «негласный пакт», позволявший отложить решение спорных проблем до принятия Конституции. Говоря на языке фотографа, здесь «сложился негатив консенсуса или, если угодно, консенсус «по умолчанию» (с. 216).

Одной из немногих целей, которую разделяли все партии, представленные в кортесах, было вступление в ЕС. После того, как Европейский парламент одобрил резолюцию, в которой признавалась важность проведения парламентских выборов в Испании в июне 1977 г., и выразил желание как можно скорее увидеть страну в составе ЕС, министр иностранных дел М.Ореха подал заявление о вступлении в Сообщество, предварительно убедившись в поддержке этого шага оппозицией. А.Суарес в августе—декабре 1977 г. посетил столицы девяти стран — участниц ЕС. Председатель правительства Испании исходил из того, что демократизация и европеизация — процессы, дополняющие друг друга, и консолидация новой политической системы не произойдет до тех пор,

пока политические структуры Испании не станут идентичными европейским.

Консенсус, сложившийся в Испании — в отличие от Греции и Португалии — по проблеме вступления в ЕС, объяснялся тремя обстоятельствами: оптимистическим восприятием населением страны этого шага, связанным с опытом «экономического чуда» 60 — начала 70-х годов; самим характером демократизации, в ходе которой «европеистский консенсус», как и консенсус по вопросам конституции, рассматривался как гарантия необратимости демократизации; длительностью и степенью (большими, чем у Португалии и Греции) международной изоляции, преодоление которой требовало статуса, соответствующего переходу страны к демократии.

В декабре 1978 г. на общенародном референдуме была одобрена демократическая Конституция Испании, перечеркнувшая реакционное франкистское законодательство. Конституция стала результатом компромисса между основными партиями страны. Ни одна другая конституция в истории страны не обладала сопоставимым уровнем легитимности.

Ч.Пауэлл характеризует демократизацию «по-испански» как «переход путем компромиссов» — сначала между сторонниками жесткой и мягкой линий, а затем между последними и умеренной оппозицией. Примечательно, что компромиссы осуществлялись на уровне политических элит при относительно низкой активности населения. То, что в Испании не произошло радикального разрыва с прошлым, обусловлено именно консенсусной формой преобразований. Социальный нажим на власти со стороны левых и демократических сил, бесспорно, существовал и служил своеобразным противовесом давлению на правительство справа, со стороны ультрареакционных кругов, всячески тормозивших проведение реформ. Впрочем, левые силы не стремились к решительной конфронтации с политическим аппаратом диктатуры и не ставили вопрос о проведении радикальных социально-экономических преобразований. По существу, они сдвинулись к центру, поддержав общий вектор политики реформаторской части правящей элиты. Имевший глубокие исторические корни и усиленный гражданской войной 30-х годов раскол испанского общества на левых и правых был окончательно преодолен. На смену ему пришло национальное примирение, консенсус основных социально-политических сил. Условия для такого консенсуса были подготовлены как значительным улучшением условий существования миллионов людей в годы экономического подъема, так и широким осознанием преимуществ «спокойной, стабильной жизни» и необходимости защиты за-

воеванных демократических прав и свобод от посягательств всякого рода экстремистов.

Особенно важную роль сыграл страх перед повторением ужасов гражданской войны, ставшей огромной моральной травмой для нации. Испанцы левых и правых убеждений сотрудничали в рамках так называемого «пакта забвения». Дабы предотвратить кровопролитие, жертвы репрессий отказались от намерения мстить и сводить счеты. В стране не разжигалась антифранкистская истерия. Бывшие сторонники диктатуры не только не были объявлены «врагами нации», но и сохранили легальные возможности для открытой пропаганды собственных взглядов. В свою очередь, значительная часть правых «поступилась принципами», отказавшись от создания «образа врага» в лице левых сил. По заключению Ч.Пауэлла, именно «пакт забвения», составляющий один из важнейших компонентов испанского опыта, в значительной мере объясняет ту увлеченность, с которой этот опыт изучается «на других широтах, особенно в тех демократизирующихся странах, где в прошлом имели место серьезные социальные разломы» (с. 629). Национальное примирение, материализовавшееся в серии соглашений между правительством и оппозиционными партиями («пакты Монклоа»), а также между правительством, предпринимателями и профсоюзами, облегчило переход к демократии и ее консолидацию.

Принимая предложенное Х.Линцем и А.Степаном определение процесса демократизации в Испании: «согласованная реформа – согласованный разрыв» (с. 130), Ч.Пауэлл полемизирует с теми исследователями, которые утверждают, что переход к демократии «сверху» серьезно ограничивает масштабы политических и социально-экономических изменений. О беспочвенности такого рода утверждений свидетельствует, по автору, в частности, сравнение испанского опыта с португальским и греческим: в 80–90-х годах в Испании «была создана более “передовая” в социальном отношении, в плане распределения богатства и развития государства благосостояния демократическая система» (с. 139).

По мнению Ч.Пауэлла, процессы перехода к демократии, начатые «сверху» реформаторами, вышедшими из рядов старого правящего класса, имеют больше шансов на успех, чем инициированные «снизу». Последние «могут приводить к созданию временных правительств, зачастую поддающихся соблазну использовать свою революционную легитимность для институционализации не менее недемократических ситуаций, чем те, которые они пытаются преодолеть (так было на Кубе при Ф.Кастро, в Иране при Хомейни и могло произойти в Португалии,

если бы там возобладало наиболее радикальное крыло Движения вооруженных сил)» (с. 137). Вместе с тем не следует забывать, что возникший в результате эталонного с точки зрения политики пактов и компромиссов процесса постфранкистский режим отличался чрезмерной концентрацией власти в руках узкого правящего слоя, недостаточной развитостью гражданского общества, пассивностью населения, малочисленностью партий. Иными словами, достоинства перехода трансформировались в недостатки демократии.

Один из наиболее удивительных моментов демократизации «по-испански» состоит в том, что она не вызвала активного противодействия со стороны вооруженных сил, которые, в целом, вряд ли могли быть причислены к сторонникам смены режима. Поскольку при франкизме военные не находились у власти, задача реформаторов состояла не в оттеснении их от рычагов управления, а в обеспечении принятия ими происходивших перемен или, по крайней мере, их невмешательства в политику. Реформаторы всеми силами стремились сохранить существовавшую легальность с тем, чтобы лишить армию единственного предлога для срыва процесса демократизации. Показательно, что после одобрения закона «О политической реформе» адмирал Пита де Вейга заявил, что «его совесть абсолютно спокойна, поскольку демократическая реформа будет осуществляться в рамках франкистской легальности» (с. 255). Особенно важное значение для сохранения лояльности вооруженных сил имело то, что во главе процесса демократизации стоял король — верховный главнокомандующий, которого воспринимали как наследника Франко, назначенного самим каудильо. А.Суарес же во всех случаях действовал от имени Хуана Карлоса.

К тому же в рядах военных не было согласия по жизнеспособной альтернативе демократизации. Такого согласия никогда не существовало ни в трех родах войск, ни среди представителей различных поколений, представленных в офицерском корпусе. С тревогой наблюдая за процессом демократизации, военные не имели собственного проекта постфранкистских преобразований, лидеров, способных претворить такой проект в жизнь и минимальной социальной поддержки, необходимой для его осуществления. В целом военные продемонстрировали, что обладают достаточным влиянием, чтобы ограничить вмешательство реформаторов в чисто военную сферу, но не настолько сильны, чтобы сдерживать процесс демократизации.

Только в двух случаях на переходном этапе вооруженные силы выступили как единый институт. Впервые это произошло после легали-

зации компартии, которую осудил Высший совет армии. Второй случай имел место в связи со всеобщей амнистией, предполагавшей возвращение в ряды вооруженных сил лиц, исключенных оттуда за принадлежность к антифранкистскому Демократическому военному союзу. Правительство получило предупреждение, что возвращение членов ДВС в армию вызовет в ее рядах реакцию с непредсказуемыми последствиями. Это был единственный случай, когда военные успешно «надавили» на гражданскую власть, не подчинившись ее решениям.

Министр обороны Гутьерес Мельядо взял курс на превращение вооруженных сил в чисто профессиональный институт. Жалование военных выросло на 21% и сравнялось с жалованием гражданских чиновников.

Недовольство ультраправых кругов в армии носило характер отдельных изолированных акций и с опаской воспринималось большинством офицеров, полагавших, что подобная активность может привести к обострению внутриармейских разногласий. В конце 70-х годов было раскрыто несколько заговоров военных. Наиболее известным был «заговор Галаксия» (по названию кафе в Мадриде, где собирались его участники) (ноябрь 1978 г.). Заговорщики, пользуясь отъездом короля в Мексику, ставили своей целью захват дворца Монклоа во время заседания Совета министров и создание правительства национального спасения, возглавляемого военными.

В конце 1978 г. правительство А.Суареса распустило парламент и назначило новые выборы. Они состоялись в марте 1979 г. и в целом закрепили расстановку сил, сложившуюся в Испании после 15 июня 1977 г. — СДЦ — 35% (168 мест в Конгрессе депутатов), ИСРП — 30% (121 место), КПИ — 10,8% (23 места). Наибольшие потери понес Народный альянс, собравший всего 6,1% голосов (9 мест, на 7 меньше, чем в 1977 г.) (с. 238).

В апреле 1979 г. — впервые после 1931 г. — прошли муниципальные выборы, покончившие с засильем франкистов на местах. Убедительную победу завоевали на них левые партии: 3/4 испанцев проживали теперь в муниципалитетах, управлявшихся КПИ и ИСРП (с. 240).

После выборов межпартийному сотрудничеству, связанному с осуществлением «пактов Монклоа» и разработкой новой Конституции, пришел конец. В условиях усилившегося соперничества между партиями позиции однопартийного правительства, сформированного Союзом демократического центра, заметно ослабли. Власти были неспособны справиться с последствиями экономического кризиса 1979 г. и падения

мировых цен на нефть в результате ирано-иракской войны, с террористическими акциями разного рода экстремистских организаций.

Ситуация усугублялась положением дел внутри разношерстного по составу СДЦ, где обострились разногласия между различными идейно-политическими течениями. Так, социал-демократы и «независимые» ориентировались на большее вмешательство государства в экономику, чем либералы, в то время как христианские демократы занимали по этому вопросу промежуточную позицию. Если либералов и социал-демократов объединяло светское видение моральных и религиозных проблем, то демохристиане и «независимые» были в этих вопросах более консервативны.

В мае 1980 г. ИСРП внесла в кортесы резолюцию о вотуме недоверия правительству СДЦ. За правительство высказались 166 депутатов, против – 152, 21 воздержались (с. 282).

Популярность председателя правительства А.Суареса резко упала. Члены правительства все больше убеждались в том, что если при решении крупных государственных проблем он проявлял энтузиазм, то мелкие повседневные вопросы вызывают у него скуку. Было также заметно, что А.Суарес утратил свою легендарную способность принимать решения, превратившись в малоактивного руководителя, неспособного играть роль арбитра в спорах между министрами. Все это создавало в политической элите и стране ощущение потери управляемости. Эйфория первых лет демократизации сменялась разочарованием и страхом перед будущим. Король Хуан Карлос дистанцировался от А.Суареса, резонно полагая, что рост критики в адрес его бывшего ставленника негативно скажется на отношении к монархии.

В январе 1981 г. А.Суарес ушел в отставку. Его сменил Леопольдо Кальво Сотело – государственный деятель, тесно связанный с испанской финансовой олигархией, занимавший в предыдущем кабинете пост заместителя председателя правительства по экономическим вопросам.

В обстановке явно обозначившихся симптомов социально-политического кризиса правые силы армии и гражданской гвардии (жан-дармерии) предприняли 23 февраля 1981 г. попытку государственного переворота с целью прервать процесс демократизации. В этот день вооруженные гражданские гвардейцы ворвались в здание парламента и в течение 18 часов удерживали депутатов, в том числе руководителей основных партий и почти всех членов правительства. В этот драматический момент очень многое зависело от позиции короля, к авторитету которого зывали как мятежники, так и приверженцы демократии. Хуан

Карлос решительно встал на защиту демократии, приказав путчистам сложить оружие.

Любопытен проведенный исследователем анализ гипотетического сценария развития Испании в случае успеха государственного переворота. По мнению Ч.Пауэлла, в такой ситуации был вероятен раскол (подобный произошедшему в 1936 г.) вооруженных сил на мятежников и сторонников конституционного строя, который привел бы к вооруженному конфликту. Но даже если бы мятежникам удалось разгромить своих противников, они не обрели бы сколько-нибудь значительной опоры в обществе, как это случилось в прошлом. Согласно опросу, проведенному в марте 1981 г., 76% испанцев осуждали путч и только 4% ему сочувствовали. Хотя население заняло выжидательную позицию, партии и профсоюзы, мобилизовав своих сторонников, без труда парализовали бы политическую жизнь страны. В отличие от 1936 г., мятежники не могли рассчитывать на поддержку со стороны церкви. Неблагоприятной для них (опять-таки по сравнению с прошлым) была и международная обстановка. В результате своей попыткой переворота путчисты способствовали консолидации демократической системы, которую хотели свергнуть (с. 298). Манифестации, прокатившиеся по всей Испании 27 февраля 1981 г., в которых участвовали миллионы людей, положили конец тому разочарованию в новой политической системе, которое возобладало с 1979 г. В политической жизни начался новый этап, характеризовавшийся верой в демократию, которая при всех своих недостатках предпочтительнее авторитарной альтернативы, навязывавшейся реакцией.

Вместе с тем правоцентристское правительство и при лидерстве Л.Кальво Сотело не сумело стабилизировать социально-политическую обстановку в стране. Кризис в СДЦ продолжал углубляться. Созданная сверху как инструмент завоевания власти в электоральной борьбе эта разношерстная коалиция не сумела институционализироваться как настоящая политическая партия, пользующаяся поддержкой в обществе. Электорат СДЦ составляли социальные группы, которые в последние годы франкизма отличались индифферентностью и пассивностью. Они отождествляли себя с СДЦ в значительно меньшей степени по сравнению с избирателями других партий и голосовали не столько за это объединение, сколько за А.Суареса, обладавшего в первые годы демократизации бесспорной харизмой.

Утрата председателем правительства и лидером коалиции этой харизмы сказалась на СДЦ самым плачевным образом: на внеочередных

парламентских выборах 1982 г. коалиция потерпела сокрушительное поражение, потеряв 4,7 млн. голосов и 156 мест в Конгрессе депутатов. Ее электоральный результат оказался более чем скромным – 6,5% голосов и 12 депутатских мест (с. 326). В испанской истории не было ни одного случая подобного электорального провала. Вскоре после выборов СДЦ самораспустился.

В целом выборы привели к кардинальной перегруппировке политических партий Испании – не случайно за ними закрепилось определение «переломных» или «выборов-катаклизма». Победителем стала традиционно считавшаяся левой Испанская социалистическая рабочая партия, собравшая более 10 млн. (48%) голосов избирателей, что обеспечило ей абсолютное большинство мест (202) в Конгрессе депутатов. Ни одна партия в истории Испании не добивалась столь внушительного успеха на выборах. Электоральный триумф ИСРП отчасти стал возможен благодаря крупной неудаче КПИ, потерявшей по сравнению с 1979 г. почти половину голосов, перешедших к социалистам. Ее присутствие в нижней палате парламента сократилось до 4 депутатов. Если в 1979 г. соотношение сил между КПИ и ИСРП составляло 1 : 3, то в 1982 г. оно уже было 1 : 12 (с. 325).

Выдвинутая ИСРП «программа перемен» под девизом «За справедливое и равноправное общество» предусматривала консолидацию новой политической системы, проведение мер по смягчению тяжелых последствий экономического кризиса и массовой безработицы, осуществление технологической перестройки производственной базы экономики, определение нового места Испании в мире.

Второе место на выборах занял правоконсервативный Народный альянс, за который проголосовали 5,5 млн. (26,6%, 107 мест в Конгрессе депутатов) избирателей – в 5 раз больше, чем в 1979 г. НА, начавший сдвигаться в сторону центра, выиграл больше всех от поражения СДЦ, получив почти 3 млн. голосов его бывших сторонников (с. 326).

Основная масса электората занимала центристские позиции. По подсчетам исследователей, средняя позиция избирателей, измеренная по 10-балльной шкале, на которой цифра 1 соответствовала крайне левой, а цифра 10 – крайне правой позиции, составляла в 1982 г. (как и в 1979 г.) 4,8 балла (с. 327).

Парламентские выборы 1982 г. свидетельствовали о возможности чередования у власти в Испании партий различной политико-идеологической ориентации. Стало очевидно, что в политической жизни страны работают демократические правила игры. Примечательно, что в

Германии в течение 20 лет после окончания Второй мировой войны не было такого чередования партий у власти. А в Италии оно стало происходить только после окончания «холодной войны», спустя почти полвека после рождения I Республики.

В выборах приняли участие 79,8% электората (в 1979 г. — 68,1%) — наивысший показатель для Испании XX века. Они приобрели характер плебисцита в поддержку демократии, способствовал релегитимации ее институтов.

Ч.Пауэлл рассматривает вопрос о том, как вписывается победа ИСРП на парламентских выборах 1982 г. в хронологию переходного периода в Испании. Этот вопрос, отмечается в монографии, и определение рамок переходного периода являются предметом дискуссий специалистов. Как это принято в исследованиях переходных процессов, ученые разделяют собственно переход к демократии и ее консолидацию. Под переходом понимается ломка недемократического режима, формирование основных институтов и правил игры новой политической системы, под консолидацией — адаптация к этой системе населения, утрата антирежимными альтернативными силами реальной поддержки, принятие подавляющим большинством общества демократических норм.

Некоторые исследователи относят начало перехода Испании к демократии к 1969—1975 гг. (предпереходный этап), связывая его с углублением кризиса франкизма. Однако такая датировка, по мнению автора, вряд ли правомерна — указанный период следует квалифицировать скорее как «поздний франкизм». Ч.Пауэллу представляется более правильным определять переход к демократии как единый процесс, не разделяя его на фазы, что может привести к путанице. Исследователь не соглашается и с мнением, что переход начался в июле 1976 г., когда А.Суарес стал председателем правительства Испании. Согласно Ч.Пауэллу, начало переходу положило провозглашение Хуана Карлоса королем Испании (22 ноября 1975 г., спустя два дня после смерти Франко): с этого момента политический процесс приобрел качественно новую динамику.

Не менее дискуссионен вопрос о времени окончания переходного периода. Так, иногда его финальной точкой объявляют 15 июня 1977 г. — день, когда состоялись первые за 40 лет выборы в демократический парламент. Ч.Пауэлл критикует это утверждение. В 1977 г., когда только что установленные демократические институты сосуществовали с формально действовавшими франкистскими законами и рядом незатронутых реформами социально-экономических структур, когда франкисты гос-

подставали в местных органах власти и занимали весомое положение в центральных институтах, было еще рано говорить о ликвидации франкизма как политической системы. Более адекватны реалиям две другие точки зрения. В соответствии с первой из них переход завершился 6 декабря 1978 г. одобрением на общенародном референдуме демократической Конституции, ознаменовавшей юридическое оформление представительной демократии. Согласно другой позиции — ее разделяет Ч.Пауэлл — переход закончился почти год спустя, после того как 25 октября 1979 г. на референдумах в Каталонии и Стране Басков были утверждены Статусы об автономии, открывшие путь для принципиально новой политики в регионах.

По оценке автора, консолидация демократии в Испании произошла в середине 80-х годов, в первые годы правления ИСРП (1982–1996 гг.), укрепившей демократические институты и поставившей армию под эффективный гражданский контроль. Военная реформа, осуществленная правительством социалистов, коренным образом изменила роль Совета начальников генерального штаба, который перестал быть коллективным органом командования тремя родами войск и превратился в совещательный орган при президенте и министре обороны. На пост министра обороны стал назначаться политик из числа гражданских лиц, причем его полномочия заметно расширились. Важное значение имело также вступление Испании в НАТО (1986 г.), стимулировавшее переключение внимания вооруженных сил с внутривнутриполитических проблем (испанская армия традиционно выступала в роли «арбитра» в жизни страны) на вопросы западноевропейского военного строительства.

Надо сказать, что решение о присоединении страны к военной организации НАТО (в политическую организацию блока она вошла еще в 1982 г. при правоцентристском правительстве) далось ИСРП весьма непросто. Дело в том, что в Испании имелось влиятельное движение, отстаивавшее традиционную для страны политику нейтралитета и неприкосновенности к военным блокам. Находясь в оппозиции, ИСРП придерживалась антинаатовской платформы. Однако после прихода к власти руководство партии радикально изменило свою точку зрения. Ссылаясь на то, что НАТО — гарант экономического развития страны, открывающий ей доступ к современным технологиям, социалисты развернули мощную пропагандистскую кампанию за вступление в альянс. На состоявшемся в марте 1986 г. общенациональном референдуме им удалось добиться трудной победы (52% из числа пришедших на голосо-

вание — «за», 39% — «против») (с. 370). Вхождение в НАТО стало одним из факторов консолидации испанской демократии.

Аналогичную роль сыграло и вступление в ЕС в январе 1986 г. Оно рассматривалось как шаг, означающий конец вековой социальной и политической изоляции Испании от остальной Европы, позволяющий модернизировать экономику и гарантирующий необратимость демократических преобразований.

За более чем 13-летний период пребывания ИСРП у власти в Испании произошли заметные перемены, затронувшие разные сферы жизни. Ч.Пауэлл разделяет правление социалистов на три этапа. Первый (1982—1986 гг.) — консолидация политических институтов и экономическая нормализация — совпадает с первой legislaturой ИСРП. Второй (1986—1993 гг.) — экономический бум и развитие государства благосостояния — приходится на вторую и третью legislатуры. Третий этап (1993—1996 гг.) — характеризующийся глубоким экономическим и политическим кризисом, начавшимся после потери ИСРП абсолютного большинства в кортесах и завершившимся ее поражением на выборах.

В первое время после победы социалистов на выборах часть испанских «верхов» опасалась проведения радикальных преобразований, включая национализацию крупной частной собственности. Однако умеренные действия социалистов развеяли эти опасения. Еще на своем 29 съезде в октябре 1981 г. ИСРП отказалась от радикальной риторики и взяла курс на реформистскую политику, не предусматривавшую ни переход к социализму, ни построение альтернативной модели общества (с. 320).

В годы правления ИСРП Испания прошла через фазу ускоренного экономического развития (1985—1991 гг.), сопоставимого по масштабам с «чудом» 60-х — начала 70-х годов. Новое экономическое «чудо» вписалось в подъем западной экономики, начавшийся еще раньше в США и европейских странах. В годы экономического подъема ВВП увеличивался в среднем на 3,7% в год и был намного выше аналогичного показателя по ЕС — 2,6% (с. 426). Отчасти бум был связан с интенсивным проникновением на испанский рынок зарубежных компаний, заинтересованных в укреплении здесь своих позиций в связи с вступлением страны в ЕС. В 1985—1990 гг. иностранные инвестиции возросли в пять раз — факт беспрецедентный в экономической истории Испании.

В годы бума трансформировалась экономическая структура, расширилось и укрепилось государство «всеобщего благосостояния». Перед ИСРП встала проблема, которую приходится решать любой правящей

социал-демократической партии, — как совместить перестройку экономики с защитой интересов населения, прежде всего необеспеченных социальных слоев, экономическую эффективность — с социальной справедливостью. Стремясь сделать испанскую экономику более конкурентоспособной и эффективной, правительство по примеру неоконсервативных партий отдавало приоритет экономическому росту. «Экономическая эффективность предшествует эффективности социальной», — говорил лидер социалистов Ф.Гонсалес, обосновывая политику партии (с. 427).

Неправомерно, однако, называть курс ИСРП «неолиберальным» или даже «тэтчеристским», как это делали некоторые критики Ф.Гонсалеса. При социалистах расходы на социальные услуги и социальное обеспечение населения постоянно росли. Если в 1980 г. они составляли 66% от расходов Великобритании, Италии, Франции и Германии, то в 1994 г. уже 87%. Основные средства вкладывались в системы образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения.

Так, расходы на образование возросли в 1982–1995 гг. на 120%, составив 4,3%, и приблизились к среднеевропейскому уровню. В 1985–1992 гг. доля 16–17-летних, охваченных разными видами обучения, увеличилась с 56 до 77%, 18–20-летних — с 33 до 53%, 21–24-летних — с 17 до 26%. Число стипендий, предоставлявшихся государством в системе высшего и среднего образования, возросло со 162 тыс. в 1982 г. до 750 тыс. в 1992 г: ресурсы, предназначавшиеся на эти цели, увеличились в шесть раз. В эти же годы число неграмотных сократилось с 8,5 до 5,3%. Если в 1980 г. Испания занимала десятое место в мире по количеству охваченного обучением населения в возрасте от 4 до 23 лет, то в 1988 г. она поднялась уже на четвертое место; обгоняли ее только Канада, США и Франция (с. 458).

Расходы на здравоохранение возросли в 1982–1992 гг. в четыре раза. Новая система национального здравоохранения распространилась на все население, на ее финансирование приходилось 5,4% ВВП. Этот уровень был, однако, ниже, чем в Италии (7,6%), Германии (8,2%), Франции (8,7%) (с. 460–461).

Особенно заметные результаты были достигнуты в реформировании пенсионной системы. Расходы на пенсионное обеспечение возросли в 1982–1995 гг. в пять раз — с 1,3 млрд. до 6,5 млрд. песет, составив четвертую часть всех расходов на социальные нужды. Это позволило охватить пенсионным обеспечением 7,6 млн. человек, в том числе 2 млн. не охваченных ранее. Средняя пенсия возросла с 19 до 52 тыс. песет в ме-

ся; самые низкие пенсионные выплаты сравнивались с минимумом заработной платы (с. 457).

В 1990 г. Ф.Гонсалес имел все основания заявить, что в течение первых восьми лет правления ИСРП «системы здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения охватили все население и возможно благодаря этому 80-е годы войдут в историю» (с. 557).

Сравнивая результаты политики ИСРП с результатами других правивших в 80–90-е годы на юге Европы социалистических партий, можно сказать, что испанским социалистам лучше других удалось совместить принципы экономической эффективности и социальной справедливости.

Социальная политика ИСРП во многом способствовала ее электоральным успехам: в 1986 и 1989 гг. партия одерживала победы на парламентских выборах, завоевав абсолютное большинство мест в нижней палате парламента.

Однако при всех достигнутых успехах доход на душу населения составлял в Испании в 1991 г. 79,2% от среднего по ЕС и был даже ниже, чем аналогичный показатель 1975 г. (81%) (с. 443). Иными словами, за 15 лет Испания не добилаь никакого прогресса в плане приближения к экономическому уровню развитых стран ЕС. Разница в уровнях доходов самых богатых и самых бедных оставалась здесь более высокой, чем во многих других странах Европы. В 1990 г. 30% наиболее состоятельных граждан владели 53% национального дохода (в Великобритании — 50%, в Германии — 48%, в Швеции — 44%), в то время как 30% наиболее бедных — только 13% (в Великобритании — 15%, в Германии — 16% и в Швеции — 17%).

ИСРП не смогла снизить уровень безработицы (23%) — один из самых высоких в Западной Европе. Чувство протеста у населения порождали также рост налогов (в 1982–1992 гг. они увеличились с 26 до 36%) и низкое качество работы ряда социальных служб. В 1991 г. 56% респондентов сетовали на то, что платят налоги, не получая адекватной отдачи от системы социального обслуживания населения (с. 452–453).

В вину ИСРП вменялись авторитарные методы руководства, оторванность от широких партийных масс. Говорили о «суперпрезидентской» власти Ф.Гонсалеса, его «цезаризме» и «бонапартизме». Укоренению авторитарных методов руководства благоприятствовал длительный период пребывания партии у власти, когда процесс обновления руководящих кадров почти полностью прекратился. Если в 1977 г. 75% депутатам парламентской фракции ИСРП было менее 40 лет, то в 1996 г. тако-

вых осталось всего 15%. К тому же 10% были депутатами-ветеранами (с. 562).

Но особое недовольство в стране вызывала широко распространившаяся коррупция, в которой оказались замешаны и высокопоставленные партийные функционеры. Ч.Пауэлл обращает внимание на то, что в 80-е годы феномен коррупции распространился и в других западных странах – Италии, Франции, Бельгии, Германии, Великобритании, Японии. В Испании коррупция имела специфические корни. Ее распространение было во многом связано с присоединением к ЕС и появлением новых рынков и акторов, действия которых не подпадали под существовавшее экономическое законодательство. К примеру, отсутствовал закон, обязывавший осуществлять аудиторские проверки предприятий. С 1986 г. правительство начало продавать государственные предприятия транснациональным корпорациям, причем это происходило без всякого парламентского контроля. В целом в эти годы возросла роль политической власти в руководстве экономическими процессами, что увеличило возможности для коррупции. Сыграло роль также создание «государства автономий» и связанная с этим децентрализация власти, расширившая поле для безответственных действий чиновников.

В период правления социалистов в Испании постоянно происходили акции социального протеста. Особенно большой резонанс получила всеобщая забастовка 1988 г., в которой участвовало почти 9 млн. человек. Трудящиеся требовали повышения заработной платы служащим и пенсий в соответствии с уровнем инфляции, введения коллективных договоров для служащих, увеличения числа безработных, имеющих право на пособия. Забастовка парализовала жизнь страны. По словам министра иностранных дел Испании, в тот день создавалось впечатление, что «на Мадрид упала нейтронная бомба», а другой высокопоставленный чиновник заметил, что «центр города напоминал кладбище» (с. 432). Забастовка стала серьезным испытанием для правительства, заставив его признать определенные недостатки своей социально-экономической политики и пойти на ряд уступок трудящимся.

Недовольство различными аспектами деятельности ИСРП привело к тому, что стихийно сложившийся вокруг нее блок, состоявший из представителей традиционного рабочего класса и средних слоев, дал трещину и на парламентских выборах 1996 г. она уступила пальму первенства консервативной НП (так с 1989 г. стал называться Народный альянс), набравшей 38,8% голосов избирателей. Ч.Пауэлл называет по-

ражение социалистов «сладким», а победу консерваторов «горькой», поскольку разрыв в голосах составил всего 340 тыс. (с. 550).

Успех НП стал крупным политическим событием. Ведь она ассоциировалась в глазах широких слоев общественности с франкистским прошлым. Для этого были серьезные причины: в 1976 г. партию основали бывшие франкистские сановники, и в некоторых аспектах она выступала как антирежимная неофранкистская сила. Однако в конце концов НП сумела приспособиться к представительной демократии. Особенно важное значение имела смена поколений в ее руководстве — приход к власти молодых политиков во главе с лидером партии Хосе Мариа Аснаром, сформировавшихся в условиях демократии и не связанных с авторитарным прошлым. Новому руководству удалось модернизировать партию, сдвинув ее к центру. Обретя новую идентичность, НП выдвинулась на лидирующие позиции в современной Испании. В 1996 г. партия насчитывала 500 тыс. членов, которые разделяли самые разные взгляды — популистские, консервативные, либеральные, демохристианские и даже социал-демократические, что, однако, не представляло серьезной угрозы для партийного единства.

И все же на первых порах руководство НП испытывало определенный дефицит демократической легитимности. Число респондентов, утверждавших, что «они никогда не проголосуют за НП», хотя и сократилось с 42% в 1989 г. до 25% в 1996 г., все же оставалось достаточно высоким. По шкале идеологических оценок, где 1 балл означает крайне левую позицию, а 10 баллов — крайне правую, платформа НП оценивалась в 7,9 балла, в то время как средняя самооценка избирателей составляла 4,7 балла (с. 554). Возможно, это обстоятельство объясняет то, что «новое большинство», объединившееся вокруг Народной партии, первоначально было невелико.

Консерваторам сопутствовала удача: они пришли к власти, когда уже был преодолен экономический кризис 1992—1994 гг. В первое четырехлетие своего правления НП добилась заметных успехов. Было создано 1,8 млн. новых рабочих мест — почти половина возникших за это время в странах ЕС. В результате безработица в Испании снизилась с 23% в 1996 г. до 15% в 2000 г. (с. 590). Круг лиц, охваченных системой социального обеспечения, за тот же период увеличился с 12,3 до 14,6 млн. (с. 592). Сократились инфляция и внешний долг. НП осуществила приватизацию ряда крупных государственных компаний, в результате которой держателями акций стали 7,5 млн. человек (с. 581). Упрочились связи Испании с ЕС, страна вступила в зону евро. Начиная с 1997 г.,

впервые в истории XX в. прямые испанские инвестиции за рубежом превысили иностранные инвестиции в Испании.

В 1999 г. доход на душу населения в Испании составлял 82% от среднего в странах ЕС. Это было связано не столько с уровнем производительности труда, составлявшим 95% от средневропейского, сколько с высоким уровнем безработицы и прежде всего с крайне низкой экономической активностью населения. В конце 90-х годов из 26 млн. человек трудоспособного возраста работали лишь 13,2 млн. (с. 590). Иными словами, трудилась только половина (51%) из тех, кто мог это делать, — самый низкий показатель среди стран ЕС. Поэтому сближение испанской экономики с экономикой наиболее развитых стран в большой мере зависит как от сокращения безработицы, так и от увеличения доли экономически активного населения (особенно женщин).

При всем этом социально-экономическая политика НП укрепляла ее позиции. Если в 1996 г. только 10% испанцев оценивали экономическую ситуацию как «хорошую» или «очень хорошую», то в 2000 г. доля оптимистов возросла до 45% (с. 610). Бросаются в глаза различия с предшествующим правлением ИСРП. Даже в наиболее успешные для социалистов 1987—1989 гг. доля лиц, считавших, что дела в экономике «идут хорошо», не превышала 25% (с. 610).

Накануне парламентских выборов 2000 г. 70% опрошенных прогнозировали успех НП, но только 15% полагали, что она завоюет абсолютное большинство мест в парламенте (с. 617).

Однако результаты выборов в кортесы, состоявшиеся в марте 2000 г., превзошли ожидания. НП одержала убедительную победу, закрепив тем самым свою демократическую легитимность. Консерваторы, опередив на 10,5% свою основную соперницу — ИСРП, набрали 44,5% голосов (184 места в Конгрессе депутатов), что позволило им сформировать правительство абсолютного большинства (в предыдущие четыре года НП управляла при поддержке ведущих националистических партий Каталонии и Страны Басков).

85% проголосовавших за НП поддерживали ее и на выборах 1996 г. Вместе с тем ей отдали предпочтение более полумиллиона избирателей, ранее голосовавших за ИСРП. Консерваторы получили также примерно 100 тыс. голосов Объединенных левых (избирательного блока, в который входит компартия).

Неожиданный для многих успех НП объясняется относительно низкой степенью участия испанцев в выборах, едва достигшей 70% (на 7% ниже, чем в 1996 г.). Абсентеизм избирателей нанес наибольший

ущерб ИСРП (1,7 млн. ее избирателей не пришли голосовать) и Объединенным левым (1,1 млн.), в то время как консерваторы собрали на 600 тыс. голосов больше, чем в 2000 г. Участие в голосовании оказалось выше в тех регионах, где консерваторы до выборов занимали более прочные позиции (Галисия, Кастилия и Леон) и ниже, где их влияние было слабее (Каталония, Андалусия) (с. 619).

Большинство, завоеванное НП, оказалось, по словам автора, «не только абсолютным, но и универсальным, в том смысле, что она одержала победу почти во всех автономных сообществах и во всех демографических группах» (с. 620). Консерваторы победили в 42 из 52 избирательных округов (они уступили соперникам лишь в четырех провинциях Андалусии, четырех – Каталонии и двух – Страны Басков) (с. 620–621). В этом смысле результаты, достигнутые НП в 2000 г., были похожи на те, которых добилась ИСРП в 1982 г.

Вместе с тем воздействие победы консерваторов на политическую систему Испании не было столь велико. Дело в том, что если в 2000 г. разрыв между партиями, занявшими два первых места на выборах, составил 10 процентных пунктов, то в 1982 г. он был значительно больше – 21 процентный пункт, что позволило ИСРП в 80-е годы править, не встречая серьезной конкуренции. Кроме того, за ИСРП в 1982 г. проголосовали 37% испанцев, внесенных в избирательные списки, а за НП в 2000 г. – 31%. Если бы не высокий уровень абсентеизма, показатели основных соперников могли бы выглядеть иначе. Следует отметить, что несмотря на самое серьезное в своей истории поражение, ИСРП сохранила прочные электоральные позиции (34% голосов и 125 мест в нижней палате парламента) и превзошла свой результат 1979 г. (30%), когда она также находилась в оппозиции (с. 619).

Ч.Пауэлл называет парламентские выборы 2000 г., также, как и выборы 1979, 1986 и 1989 гг., «выборами преемственности» («elecciones de continuidad»). В них участвовало в среднем 70% избирателей. Напротив, выборы 1977, 1982, 1993 и 1996 гг. он определяет как «выборы изменений» («elecciones de cambio»), в которых принимали участие 77–80% избирателей (с. 618). Если, к примеру, выборы 1982 г. привели к смене правительства, перегруппировке в рядах оппозиции и даже в партийной системе, то после выборов 2000 г. все эти элементы политической системы не изменились. Однако есть основания полагать, что в 2000 г. «выборы преемственности» трансформировались в «выборы изменений», поскольку привели к достижению НП абсолютного большинства в Кон-

грессе депутатов. Произошла доселе небывалая вещь: правящая партия улучшила свои электоральные показатели.

По оценке Ч.Пауэлла, победа НП на парламентских выборах 2000 г. знаменовала собой «окончательную нормализацию» испанской политической системы, или, говоря словами лидера консерваторов, «полное завершение гражданской войны в Испании» (с. 625).

Наиболее серьезной для НП стала, пожалуй, национально-региональная проблема, унаследованная от прежних правительств. Переход от франкистского централизованного государства к «государству автономий» — один из важнейших аспектов демократизации «по-испански». Между тем этот процесс растянулся на весь постфранкистский период. Испанская Конституция 1978 г. признавала право национальных меньшинств на автономию, предусматривая два пути автономизации, различавшихся по темпам и объему предоставляемых прав. В соответствии с такой установкой Каталония, Страна Басков, Галисия и Андалусия получили широкую автономию (ст. 151), тогда как остальные территории — урезанную (ст. 143). В 1992 г. ИСПП и НП подписали Соглашение по автономным вопросам, существенно расширявшее ранее урезанные компетенции автономий. Этот шаг, направленный на преодоление асимметрии, вызвал недовольство националистических сил Каталонии и Страны Басков, заявивших о стирании различий между национальностями и регионами и подрыве их идентичности. В 1998 г. ими даже была выдвинута идея о замене «государства автономий» конфедерацией. Ч.Пауэлл отмечает наличие заметного контраста между уровнем развития «государства автономий» и степенью удовлетворенности им в тех сообществах, которые наиболее активно требовали его создания (с. 641). И все же подобные требования каталонских и баскских националистов не создают серьезных препятствий для функционирования испанской демократии. Гораздо опаснее террористические действия баскской националистической организации ЭТА, уже несколько десятилетий не прекращающей борьбу за отделение Страны Басков от Испании и создание независимого государства.

Об отношении испанцев к решению постфранкистскими правительствами национально-региональной проблемы свидетельствуют данные исследования, проведенного в конце 1996 г. 45% респондентов высказались за сохранение статус-кво, 16% — за централизованное государство, 21% — за большую степень самоуправления автономных областей, 8% — за предоставление права на отделение тем автономиям, которые этого пожелают. Согласно данным того же опроса, 59% при-

держивались мнения, что создание и развитие «государства автономий» имели позитивное значение для Испании (17% считали это негативным явлением, 9% не имели определенного мнения) (с. 596).

В целом, в Испании впервые за всю ее историю сложился легитимный, стабильный и эффективный демократический режим. По уровню поддержки демократии страна не отличается от других западноевропейских государств (включая Грецию и Португалию) и значительно превосходит такие страны третьей волны демократизации, как Чили и Бразилия. В ходе опросов, проводившихся с начала 80-х годов, от 2/3 до 3/4 респондентов выражали согласие с утверждением, что «демократия лучше любой другой политической системы», а доля предпочитавших авторитарный режим не превышала 12%. В 2000 г. соотношение сторонников и противников демократии составляло 78 к 7 (с. 635).

Ч.Пауэлл, отмечая, что отнюдь не собирался писать панегирик испанскому опыту, завершает свою книгу словами: «Недостойно и несправедливо не признавать, что достигнутое — бесспорный предмет коллективной гордости» (с. 640).

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ИСПАНИИ
(Второе издание).**

**Палома Роман Маруган (Составитель). —
Мадрид, университет Комплутенсе, 2002. — 383 с.**

SISTEMA POLITICO ESPAÑOL (Segunda edicion)

**Paloma Roman Marugan (Coordinadora). —
Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 2002. — 383 p.**

Реферируемая коллективная монография написана профессорами политической науки и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Палома Роман Маруган, Кармен Ниноу, Хуан Карлос Монедеро, Хуан Мальдонадо Гаго, Консуэло Лаис, Эстер дель Кампо, Рамон Котарело, Мануэль Санчес де Диос, Хайме Ферри Дура, Эрнесто Каррильо). В центре внимания авторов — сложный механизм формирования и функционирования власти в испанском обществе, который включает институт монархии, правительство, кортесы, партийную и электоральную системы, группы давления, средства массовой информации, властные структуры автономных сообществ, политическое сознание и культуру.

Согласно Конституции 1978 г., современная Испания — это парламентарная монархия, представительная демократия и правовое социальное и демократическое государство, которое «провозглашает высшими ценностями правопорядка свободу, справедливость, равенство и политический плюрализм» (с. 5)¹.

Монархическая форма испанского государства связана как с исторической традицией, так и со спецификой перехода к демократии, который возглавил король Хуан Карлос. После всенародного одобрения

¹ Roman Marugan P. El modelo parlamentario en España. P. 1–11; Monedero J.C. La transición postfranquista a la Monarquía parlamentaria. P.41–80.

Конституции в декабре 1978 г. в фигуре короля слились разные типы легитимности — династическая (14 мая 1977 г. отец Хуана Карлоса дон Хуан де Борбон отказался от своих прав на престол в пользу сына), франкистская (22 июля 1969 г. генерал Франко назначил Хуана Карлоса принцем Испании и своим наследником с титулом короля) и демократическая.

Испанская конституция отводит монарху скромную роль, несоизмеримую с тем реальным местом в политической жизни, которое он занимает. Особенность положения короля состоит в том, что он не интегрирован в ветви власти. Исполнительная власть отделена от короля. Все акты, исходящие от короля, нуждаются в министерской поддержке, причем ответственность несет только правительство. В политической жизни Испании наиболее значительное лицо — его председатель, занимающий исключительное место в системе органов государственной власти и способный влиять на все стороны жизни общества. Король назначает на эту должность лидера партии, получившей на выборах большинство мест в конгрессе депутатов. По мнению Хуана Карлоса Монедеро, политическая система Испании функционирует как квазипрезидентская, не допускающая классического парламентского контроля и позволяющая председателю правительства обрести в системе властей ту же значимость, которой обладает избранный всеобщим голосованием президент (с. 75).

Что касается кортесов, то они, согласно Конституции, осуществляют законодательную власть, принимают государственный бюджет, контролируют деятельность правительства¹. В их деятельности выделяются разные этапы. В 1977–1982 гг., пока существовали правительства меньшинства, сформированные Союзом демократического центра (СДЦ), кортесы были местом переговоров, играли важную роль в принятии решений. В 1982–1993 гг., в условиях обладания ИСПП абсолютным большинством мест в кортесах, их способность вмешиваться в законодательный процесс заметно уменьшилась. Начиная с 1993 г., когда социалисты сформировали правительство меньшинства, кортесы вновь превратились в место дебатов и политических переговоров.

Парламент служит школой подготовки кадров для правительства. Работа здесь позволяет политикам обрести соответствующую подготовку, общественную известность и признание. В европейских странах в среднем 3/4

¹ Sanchez de Dios M. Las Cortes: el Congreso de los Diputados y el Senado. P. 207–234.

министров были прежде депутатами. В Испании эта доля меньше. Она составляла 60% в правительствах СДЦ, меньше 40% при ИСРП и немного более 75% в первом правительстве НП (с. 222).

Две палаты Кортесов — конгресс депутатов и сенат (считающийся органом территориального представительства) не равны по правам, хотя ни одна из них не рассматривается в Конституции как верхняя по отношению к другой. В реальной жизни верхняя палата занимает подчиненную позицию по отношению к нижней. Законодательная деятельность сената ограничена. Так, только 4 из 35 законопроектов, принятых в ходе работы пятой демократической легислатуры, были одобрены сенатом. Если сенат накладывает вето на законопроект, одобренный конгрессом депутатов, последний тем не менее может принять его абсолютным большинством голосов (с. 223).

Весьма ограничены и возможности сената контролировать деятельность правительства. Только конгресс депутатов по конституции обладает правом выражать вотум доверия кандидату на пост председателя правительства. Лишь эта палата может поставить вопрос о политической ответственности правительства, приняв абсолютным большинством голосов резолюцию осуждения. В конгрессе депутатов присутствуют ведущие политические деятели Испании, в то время как в сенате — бывшие политические лидеры, уже не обладающие властью.

Кортесам подчиняется ряд институтов, с помощью которых они контролируют исполнительную власть. Среди этих институтов — счетная палата, являющаяся высшим контролирующим органом финансовой отчетности и экономической деятельности государства.

Кортесам подотчетен также народный защитник, избираемый ими. Миссия народного защитника — «охрана прав граждан». В этих целях он может осуществлять контроль за деятельностью администрации, проводить расследования, выяснять существо актов и резолюций администрации в отношении граждан, побуждать администрацию к изменению или аннулированию этих актов и резолюций. Любое физическое лицо может обратиться к народному защитнику с жалобой на решение администрации.

По данным кортесов, в 1999 г. народный защитник рассмотрел 2461 жалобу. Большинство их касалось деятельности министерств внутренних дел, труда, экономики и финансов. Многие жалобы были признаны обоснованными. После вмешательства народного защитника положение дел было исправлено (с. 230–231).

Вместе с тем роль кортесов в политической системе Испании ослабевает. После присоединения Испании к ЕС (1986 г.) часть суверенных прав ее государственных структур была делегирована институтам Сообщества. Кортесы превратились в одного из участников создания конституционно-юридической структуры ЕС, частично утратив законодательные полномочия и контролирующие функции в самой Испании. В соответствии с 93 ст. Конституции страны обязанностью кортесов стало обеспечение исполнения договоров или резолюций, исходящих от международных или наднациональных организаций. В Испании, как и в других странах ЕС, законодательная власть теряет позиции, в то время как исполнительная, напротив, усиливается. Во всех случаях ослабление влияния национальных парламентов объясняется тем, что решения в ЕС принимаются Европейским советом (его образуют главы правительств стран-членов) и Советом министров (в его состав входят представители правительств стран-членов). Таким образом, в распоряжении кортесов остаются лишь очень ограниченные возможности влиять на процесс принятия решений в Союзе: они выступают не самостоятельно, а как представители испанского правительства.

Существенно также, что интенсивность законодательной деятельности испанского парламента невысока. Кортесы в этом смысле уступают, к примеру, итальянскому и немецкому парламентам. Неразвитая политическая культура испанского парламентаризма предполагает активное участие правительства в нормотворческой деятельности. Кабинет министров издает законы-декреты, составляющие 25% от всех принимаемых законодательных актов (с. 225). В то же время парламент — основной демократический компонент современного политического режима, символизирующий отрицание авторитарных порядков.

В общественном мнении Испании парламент оценивается как третья по степени важности сила, которую превосходят только правительство и монархия. Вместе с тем, по мнению 79,8% опрошенных, парламентариев беспокоят «главным образом их собственные интересы». Лишь 35,6% полагают, что депутаты озабочены «интересами своих избирателей» (с. 77).

Главным гарантом законности в Испании выступает судебная власть¹. Судебная система включает Верховный суд, суды первой и второй инстанции, а также Генеральный совет судебной власти, на который возлагается функция общего руководства и управления в этой сфере.

¹ Sanchez de Dios M. La justicia y el Tribunal Constitucional. P. 259–285.

Важное место в судебной системе занимает Конституционный суд. Он наделяется правом рассматривать заявления о неконституционности законов и нормативных актов, имеющих силу закона, и объявлять их неконституционными, разрешать споры о компетенциях и разделении полномочий в случаях, предусмотренных законом. В Органическом законе о Конституционном суде сказано, что он «является высшим толкователем Конституции». Конституционный суд был создан с целью вносить ясность и решать спорные вопросы, которые возникают при новом демократическом режиме и связаны с территориальным устройством «государства автономий», защитой индивидуальных прав и свобод, деятельностью политических партий и т.д.

Один из крупных вызовов, с которым сталкивается испанская демократия в начале XXI в., состоит в необходимости модернизации судебной системы, повышении ее эффективности, устранении медлительности судопроизводства на фоне увеличения дел, по которым годами не выносятся решения. В 2001 г. НП и ИСРП подписали «государственный пакт по реформе юстиции», предусматривающий преобразование судопроизводства и рассчитанный на две легислатуры. Реформа предполагает, в числе прочего, значительное расширение финансирования судебной сферы (расходы на нее составляли в 1999 г. 1% затрат, в то время как среднеевропейский уровень — 4,5%), а также расширение и обновление штатов судебных работников (в настоящее время 46% судей в Испании старше 40 лет и только треть их общего числа составляют женщины) (с. 275–276).

Важный субъект политического процесса — партии². Согласно 6 ст. Конституции Испании, «политические партии в соответствии с принципами политического плюрализма участвуют в формировании и выражении народной воли и являются основным институтом политического участия» (с. 117). Эта констатация свидетельствует о максимальном признании, которое когда-либо имели партии в истории страны.

В Испании, по словам составителя монографии и автора нескольких статей Паломы Роман Маруган, сформировалась модель «умеренной многопартийности» (с. 121). В ходе процесса демократизации все ведущие партии сдвинулись к центру, сменив идеологическую парадигму. ИСРП отказалась от марксизма, КПИ — от ленинизма. Правящая ныне Народная партия, образованная в начале демократизации франкистскими сановниками и сохранившая явную идейную связь с прошлым, затем

² Roman Marugan P. Los partidos y los sistemas de partidos. P. 101–124.

кардинально обновилась в кадровом и идеологическом отношении и полностью вписалась в демократические «правила игры».

Программно-идеологическая перестройка, адаптация к изменившимся настроениям и ориентациям электората стала императивом для всех испанских партий. Выжили те из них, которые трансформировали свои программы. Неспособные осознать необходимость таких изменений сошли с исторической сцены.

В книге показано, что партийное соперничество, развиваясь в рамках модели «умеренной многопартийности», не сводится к простому чередованию у власти право- и левоцентристских партий. Существует еще один срез проблемы — взаимоотношения между национальной «партией власти» и влиятельными в соответствующих автономных областях Конвергенцией и Союзом Каталонии (КС) и Баскской националистической партией (БНП). В политической жизни Испании происходит постоянное чередование консенсусной модели, при которой правящая партия не имеет большинства в кортесах и опирается на поддержку каталонских и баскских националистов, и модели мажоритарной, когда «партия власти» обладает парламентским большинством. В соответствии с этой схемой в политическом процессе на постфранкистском этапе выделяются следующие фазы: 1977–1982 гг. — правительство меньшинства Союза демократического центра (СДЦ) опирается на поддержку националистов; 1982–1993 гг. — кабинет министров Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) правит самостоятельно; 1993–1996 гг. — правительство меньшинства ИСРП опирается на националистов; 1996–2000 гг. — сходным образом ведет себя кабинет министров Народной партии (НП), не имеющей большинства в Кортесах; с 2000 г. — НП, обладая парламентским большинством, властвует самостоятельно.

В испанском «государстве автономий» существуют региональные подсистемы партий. Большинство их воспроизводит модель «умеренной многопартийности»: доминируют НП и ИСРП, за которыми следуют Объединенные левые (ядром этой коалиции является компартия Испании (КПИ)). Вместе с тем в некоторых областях Испании очень заметную роль играют националистические и региональные партии. Например, в Галисии — это Галисийский национальный блок (ГНБ), заметно укрепивший в последнее десятилетие свои позиции.

Партийная система Каталонии принадлежит к модели «умеренной многопартийности». С 1980 г., когда состоялись первые выборы в автономный парламент, буржуазно-националистическая партия Конверген-

ция и союз (КС) занимает здесь доминирующие позиции. Второе место удерживают социалисты в лице Каталонской социалистической партии (КСП) — регионального филиала ИСРП.

Партийная субсистема в Стране Басков отличается наибольшей в Испании степенью радикализма. С 1980 г. бесспорный лидер здесь — Баскская националистическая партия, правящая либо в одиночку, либо в коалиции с другими партиями (партнерами ее были и социалистическая, и националистические партии). Длительное время второй по влиянию в регионе была ИСРП, однако в 90-е годы ее оттеснила НП, усиление позиций которой в Стране Басков совпало с ее превращением в ведущую силу в стране в целом. Существуют и другие партии, серьезно воздействующие на политическую ситуацию в регионе, например, антирежимная Батасуна — политическое крыло террористической организации ЭТА.

Отличительными особенностями испанских партий является их слабая укорененность в обществе (отчасти объясняющаяся тем, что в годы франкизма они рассматривались как «зло», «порождение либеральной демократии»), а также высокая степень персонализации. На переходном этапе роль партийных лидеров и элит, действовавших в отрыве от членской массы, была огромна. Эта традиция сохранилась и на более рутинном этапе консолидации демократии. Партии были подвержены постоянным метаморфозам. Они создавались и исчезали, заключали коалиции друг с другом, зачастую оказывавшиеся недолговечными, в них происходили крупные и мелкие расколы. Деятельность партий воспринималась электоратом со смешанным чувством недоумения и разочарования. Примечательно, что в парламентских выборах, проводившихся в 1977–2000 гг., в среднем участвовало 73,6 избирателей (ни разу этот уровень не доходил до 80%), что является наиболее низким показателем в Западной Европе (за исключением Швейцарии) (с. 143).

Для электорального процесса в Испании характерна также высокая степень «текучести» избирателей, не имеющих твердых партийных предпочтений и нередко меняющих их. Вместе с тем эта «текучесть» связана с подверженным трансформации характером отношений между избирателями и партиями в обществе, входящем в информационную стадию, когда основным посредником между ними становятся средства массовой информации.

Заметную роль в испанской политике играют также группы интересов, которым посвящена отдельная глава монографии¹. Ее автор Эстер

¹ Del Campo García E. Los grupos de presión. P. 155–181.

дель Кампо Гарсиа связывает появление этих групп с социально-экономической модернизацией испанского общества в 60-х—начале 70-х годов. Именно тогда, в условиях франкистской «оттепели», возникло множество различных организаций — профсоюзных, предпринимательских, по месту жительства и т.д., защищавших интересы определенных социальных групп. Эти структуры формировавшегося гражданского общества активно участвовали в расшатывании франкистской диктатуры и последующем переходе к демократии.

Число объединений и организаций, функционирующих в различных сферах жизни современной Испании, постоянно возрастает. В 1970 г. их число составляло 9,6 тыс., в 1980 г. — 35,6 тыс., в 1989 г. — 74,9 тыс., а в 1999 г. — уже 216 тыс. (с. 180).

В ряду групп давления выделяются профсоюзы и предпринимательские организации. В Испании действует множество профсоюзных организаций. Однако большинство трудящихся сконцентрировано во Всеобщем союзе трудящихся (ВСТ) и Профсоюзной конфедерации рабочих комиссий (ПКРК), действующих в национальном масштабе, а также в синдикатах автономных областей — Солидарности трудящихся басков и Конвергенции профсоюзов Галисии. Исторический профсоюз Национальная конфедерация трудящихся, находящийся под влиянием анархистов и занимавший в 20–30-е годы, наряду с ВСТ, доминирующие позиции в рабочем движении страны, ныне представляет собой маргинальную силу. Оба ведущих национальных профсоюза называют себя «классовыми». Однако ВСТ ориентируется на «реформы и переговоры», а ПКРК — на «разрыв и конфликтность» (с. 166–167). На постфранкистском этапе они постоянно сменяют друг друга в роли лидеров профсоюзного движения — в зависимости от результатов выборов.

Реакцией предпринимателей на активность профсоюзов стало создание в 1977 г. Испанской конфедерации предпринимательских организаций (ИКПО), которая представляет интересы работодателей при подписании коллективных договоров, оказывает своим членам консультативные и информационные услуги, лоббирует их интересы в отношениях с органами государственной власти и т.д. Автономно от ИКПО действует Испанская организация мелких и средних предпринимателей, созданная в 1980 г.

В современной Испании сложилась некорпоративная модель взаимодействия профсоюзов, предпринимателей и государства, которая принципиально отличается от франкистского корпоративизма 40–50-х годов, когда все производственные проблемы решались сверху, а рабочие

были лишены законных органов представительства и права на забастовку. Но и на этапе демократизации основная цель соглашений заключалась в установлении социального мира, введении трудовых отношений в рамки, не нарушавшие равновесия системы. Профсоюзы соглашались на политику жесткой экономии, предполагавшую снижение темпов инфляции при одновременном сдерживании заработной платы и сокращении покупательной способности трудящихся. Не менее существенное значение имело также ограничение синдикатами забастовочной активности. Начиная с 1979 г. профсоюзы и предприниматели постоянно заключали двух- или трехсторонние (с участием государства) соглашения. Незменным участником этих соглашений являлся ВСТ, ПКРК участвовала в их подписании значительно реже (с. 164–166).

В монографии исследуется также современная роль традиционных групп давления, в частности католической церкви. Последняя играла исключительно важную роль во франкистской Испании. Конкордат между Испанией и Ватиканом (подписан в августе 1953 г.) фиксировал монопольное положение католичества «как единственной религии испанской нации» и соединял религиозное воздействие с государственным приказом. Вместе с тем в 50–60-е годы в условиях социально-экономических сдвигов и интенсивного процесса секуляризации прежнему идейному единству испанских католиков пришел конец. Часть их перешла в оппозицию к франкистской диктатуре, влившись в ряды левых партий и организаций. Обновленческие процессы в церкви стимулировали и решения II Ватиканского собора, одобренного политико-юридическую платформу защиты прав человека.

В 1971 г. президентом конференции испанского епископата стал кардинал Висенте Энрике и Таранкон, сторонник обновленческого движения. На состоявшейся тогда же «Объединенной ассамблее епископов и священников» впервые была сформулирована стратегия дистанцирования от франкистского режима и одобрен курс на переход Испании к демократии. Осудив франкистский режим за «несоблюдение основных принципов христианства», многие деятели церкви связали ряд положений социальной доктрины католицизма с протестом против угнетения, с требованием уважения человеческого достоинства и социальной справедливости. В стране началась борьба за отмену конкордата с Ватиканом и признание светского характера государства.

Вместе с тем на переходном этапе испанская церковь выступала отнюдь не как монолитная сила. Часть клира, комфортно чувствовавшая себя во времена франкизма, не хотела никаких перемен и стремилась сохранить конфессиональный характер испанского государства и гос-

подствующее положение церкви, характерное для раннего франкизма. Напротив, обновленческое крыло священнослужителей, отказавшись от создания собственной партии, предоставило своим сторонникам определенную свободу политического и электорального выбора, правда, ограничив его принципами, установленными Конференцией испанского епископата. Среди этих принципов были, в частности, следующие: отказ от поддержки организаций, отрицающих права человека и демократические свободы, отказ от поддержки материалистической и атеистической идеологии, отказ от поддержки организаций, которые ориентируются на примат частной собственности и прибыли как основной движущей силы экономического развития.

В избирательных кампаниях на этапе демократизации проявилась зависимость между высоким уровнем религиозности и голосованием за правые партии и центр, с одной стороны, и атеизмом и поддержкой левых партий, — с другой. Одновременно наблюдалось и другое — разброс голосов избирателей-католиков. Так, на парламентских выборах 1977 г. 87% сторонников ИСПП и 55% приверженцев КПИ относили себя к католикам (с. 174).

Реформаторское крыло церкви сыграло очень важную политическую роль в 1975–1978 гг. Во-первых, оно выступило своеобразным посредником между реформистским крылом франкистской элиты и демократической оппозицией, помогло им лучше понять друг друга. Во-вторых, оно в значительной мере способствовало смягчению враждебного отношения консервативно настроенной части правых сил и армии к демократическому режиму. Прямая и недвусмысленная поддержка священниками-«обновленцами» демократии серьезно повлияла на результаты международных референдумов по Закону о политической реформе (1976 г.) и Конституции (1978 г.).

Конституция 1978 г. провозгласила отделение церкви от государства. Согласно Основному закону, церковь признала «свободу вероисповедания и отправления культов индивидами и их объединениями без каких-либо ограничений» (ст. 16), а также то, что все испанцы равны перед законом и не может быть какой-либо дискриминации по рождению, в частности, по вероисповеданию (ст. 14).

В январе 1979 г. был подписан новый конкордат между Ватиканом и Испанией, заменивший старый конкордат. В отношениях между церковью и государством оставались спорные проблемы (например, образования, брака, регулирования рождаемости). Однако обострения отношений носили временный характер. Государство признало важную роль

католической церкви в испанском обществе (показательно, что в 1990 г. 45% испанцев, обязанных платить налоги, отчисляли 0,5% их в пользу церкви), а церковь приняла принцип невмешательства в политические дела как общую норму (с. 174–175). Позиция церкви стала одним из важнейших слагаемых национального примирения и согласия.

В последние годы церковь сохраняет важные позиции в испанском обществе, где 30–40% населения составляют практикующие католики (с. 174). В Испании действуют многочисленные католические организации в разных сферах жизни (семья, образование, борьба с бедностью и т.д.).

На этапе консолидации демократии радикально изменилась и роль другой традиционно мощной группы давления — армии. Военные — одна из опор франкистской диктатуры — занимали министерские посты во всех правительствах с 1938 по 1974 гг. Да и после смерти Франко до 1982 г. без них не обходились ни один состав кабинета министров и парламента. Вместе с тем во время перехода к демократии военные, исключенные из той группы, которая принимала ключевые решения, могли лишь реагировать на инициативы реформистски настроенной гражданской элиты (с. 176). Большая часть офицерства признала демократизацию, чему в немалой степени благоприятствовало то, что во главе этого процесса стоял король Хуан Карлос, являющийся по конституции главнокомандующим вооруженными силами. В то же время профранкистски настроенные группы офицерства предприняли пять попыток государственных переворотов. Военная реформа, начатая СДЦ и завершенная ИСРП, поставила армию под контроль гражданских властей.

Исключительно важную роль в воздействии на население Испании играют средства массовой информации¹. По словам Рамона Котарело, демократическое и правовое государство стало в известной степени их продуктом (с. 184). В отличие от многих других стран Западной Европы, в Испании пресса сильно политизирована. Для значительной части изданий характерны агрессивный стиль, оскорбительный тон в отношении оппонентов (с. 195). В прессе просматривается четкий водораздел между правыми и левыми, сторонниками Центра и региональными националистами.

Число читателей газет и журналов составляло в 2000 г. 12 млн. 590 тыс. человек, несколько меньше, чем в 1995–1996 гг., когда таковых было 13 млн. (с. 189). Возможно, сокращение числа читателей связано с

¹ Cotarelo R. Los medios de comunicacion. P. 183–206.

тем, что в 1995–1996 гг., когда у власти находилось правительство меньшинства ИСРП, политическая ситуация в Испании была весьма напряженной.

Значительно меньшая доля людей, читающих печатные СМИ, по сравнению с теми, кто смотрит телевидение и слушает радио, компенсируется более сильным воздействием газет и журналов на свою аудиторию. Аудиовизуальные средства не могут заменить журналистских исследований и аналитических статей специалистов в печатных СМИ.

И все же основной инструмент воздействия на население — телевидение, которое «не лучше и не хуже, чем телевидение в других странах этого культурного ареала». Его аудитория составила в 2000 г. 82,9% населения, в то время как радио слушали 50% (с. 196). Интернет же распространен пока недостаточно: число его пользователей составляет всего 12,6%. Лишь у 37,1% жителей есть дома компьютеры и только 14,7% из них имеют модемную связь (с. 201).

Большое внимание уделено в монографии рассмотрению взаимоотношений между центром и регионами в Испании². По приводимым в книге словам известного политолога Хуана Линса, трансформационный процесс здесь включал два аспекта — переход от авторитаризма к демократии и переход от традиционного централизма к «государству автономий» (с. 287). Последнее представляет собой промежуточную, компромиссную форму между унитарным государством и федерацией (в Испании 17 автономий, подразделяющихся на 50 провинций). «Государство автономий» исходит из единого суверенитета испанской нации, которая признает автономии и уступает им часть своей компетенции (в то время как основу федеративного государства составляет пакт между различными суверенитетами, решающими сформировать новое государственное образование, которому они уступают часть своих компетенций). Согласно Конституции 1978 г., нацией считается только испанская, все остальные, в том числе «исторические», народы басков, каталонцев, галисийцев — лишь национальности. Различие заключается в том, что нация обладает атрибутами государственности, в то время как национальность лишена таких атрибутов.

Автономии обладают органами самоуправления. В соответствии с 152 ст. Конституции политическая система автономного сообщества включает законодательную ассамблею, избираемую путем всеобщего голосования в соответствии с системой пропорционального представительства, гарантирующего представительство различных районов терри-

² Ferri Dura J. Las comunidades Autonomas. P. 287–314.

тории; правительственный совет, осуществляющий исполнительные и административные функции; его председателя, избираемого ассамблеей из числа его членов и назначаемого королем. Хайме Ферри Дура отмечает, что в автономиях существует та же парламентская модель организации власти, что и на национальном уровне, при том, что власть первого лица имеет еще более выраженный характер (с. 299).

Развитие «государства автономий» привело к тому, что в 90-е годы все они приобрели примерно одинаковый объем прав (первоначально Каталония, Страна Басков и Галисия обладали большими компетенциями, чем остальные). Вместе с тем Страна Басков и Наварра имеют большую финансовую автономию, чем остальные автономные сообщества (они оставляют у себя почти все собираемые налоги). Такое положение объясняется тем, что многие века в Стране Басков и Наварре существовал специфический режим политико-административного управления, предоставлявший им определенную самостоятельность (так называемый форальный режим).

В сфере межрегиональных отношений заметна нехватка институтов и структур, позволяющих автономным сообществам обсуждать и решать общие, порой спорные проблемы. Поэтому обычным делом становится их конфронтационное противостояние в средствах массовой информации.

Институтом, способным решать многие проблемы автономий, мог бы стать сенат. Однако в условиях нынешнего уровня децентрализации страны он не сумел освоить специфические функции палаты территориального представительства. Еще в 1994 г. было принято решение реформировать сенат и была создана Главная комиссия по делам автономий, в которую вошли представители правительства, исполнительных органов власти всех автономных сообществ и сенаторы. Комиссия имела совещательный характер. Ей должна была представляться информация о соглашениях и конфликтных ситуациях, возникающих между автономными областями, а также между ними и центром, о распределении фондов ЕС среди испанских регионов. В обязанности комиссии входило также информирование регионов о приспособлении их законодательства к нормам и актам ЕС. Одно из главных направлений ее деятельности состояло в организации дебатов о «государстве автономий» с участием их руководителей. Однако комиссия действовала крайне вяло. Состоялись лишь три дискуссии о «государстве автономий» в 1994, 1995 и 1997 гг.

Неэффективность деятельности Комиссии во многом связана с тем, что различные политические силы по-разному подходят к реформированию сената. Компартия и другие левые организации предлагают федеральную модель его устройства, близкую к германской, что требует реформы Конституции. Напротив, националистические партии в Стране Басков высказываются против реформирования сената, стремясь сохранить особое положение своей автономной области. В свою очередь, правящая Народная партия выступает против реформы Конституции и предлагает активизировать работу Генеральной комиссии по делам автономий.

Возникает и множество других вопросов. «Кто заинтересован в том, чтобы преобразовать слабый и неэффективный сенат в сильный и представительный — правительство, которое в этом случае должно будет постоянно прислушиваться к нему; конгресс депутатов, с которым сенат сравняется по степени влияния; 250 нынешних сенаторов, которые потеряют свои места; руководители политических партий, которые должны будут устраивать нынешних сенаторов на новую работу»? Намного легче поэтому сохранять все, как есть, или ограничиться лишь реформой регламента деятельности сената (с. 307).

Не удивительно поэтому, что в 1998 г. НП отложила рассмотрение конституционной реформы.

В целом же за годы развития демократии в сфере территориального устройства испанского государства произошли глубокие изменения, общий баланс которых, несмотря на зловещую тень терроризма, следует признать позитивным.

В менталитете населения Испании на постфранкистском этапе неуклонно укоренялись понятия многопартийности, политической терпимости и оппозиции, вытесняя авторитарные стереотипы мышления с их иррационализмом и нетерпимостью к инакомыслию¹. Если в 1980 г. только 49% населения полагали, что демократия предпочтительнее любой другой формы правления, то в 2000 г. так считали уже 86% населения. Одновременно доля думавших, что авторитарный режим может быть предпочтительнее демократической системы, сократилась с 10 до 4%. Вместе с тем степень удовлетворенности функционированием демократических институтов заметно ниже, хотя и возрастает — с 56% в 1988 г. до 64% в 1995 г. (с. 91, 93).

¹ Maldonado Gagor J. La cultura política en España. P. 81–100.

Оценивая деятельность различных общественных служб, испанцы считают наиболее эффективной работу почты (67% позитивных ответов), городского транспорта (63%), железных дорог (57%). Наименьшее удовлетворение вызывают системы пенсионного обеспечения (40%), пособий по безработице (34%) и особенно организации судопроизводства (17%) (с. 97).

Несмотря на интеграцию страны в Европейское сообщество, чувство национальной принадлежности у населения доминирует. Отвечая на вопрос, кем они в большей мере ощущают себя, 51% опрошенных ответили — гражданами Испании и только 5% — европейцами. Вместе с тем 33% считают себя европейцами и испанцами одновременно (с. 97). Примечательно, что среди институтов, пользующихся доверием населения, первые места занимают центральное правительство и кортесы, далее следуют муниципалитеты городов и деревень, в которых проживают респонденты, и только потом — Европейский парламент и Европейская комиссия (с. 96).

**СОНИА М. ФРИАС
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ИСПАНИИ:
СОЗНАНИЕ, ПОЗИЦИИ И ПРАКТИКА**

FRIAS S.M.

**Cultura política en España:
conocimiento, actitudes y practica.
Opiniones y Actitudes № 39 —**

Madrid: Centro de Investigaciones Sociológicas, 2001. — 192 p.

Реферируемая работа основана на анализе двух социологических исследований, проведенных Мадридским центром социологических исследований в 1997 г. Первое из этих исследований — «Граждане и политика» — опирается на опросы 2490 респондентов старше 18 лет обоих полов, принадлежащих к разным социальным группам. Второе — «Парламентские элиты» — базируется на анализе позиций 156 депутатов Генеральных кортесов.

Семья и школа в Испании, как, впрочем, и повсеместно, — два главных агента первичной политической социализации личности, определяющей первоначальное восприятие человеком политических категорий, которые постепенно формируют у него избирательно-индивидуальное отношение к явлениям политической жизни. Первые представления о мире политики складываются у ребенка в раннем детстве под влиянием оценок родителей, их позиций и реакций. Семья, а также школа воспроизводят в представлениях молодого поколения существующие социально-политические отношения. Вторичная политическая социализация, нередко сопровождающаяся пересмотром прежних оценок, происходит у человека уже в зрелом возрасте.

Автор обращается к идеологическим позициям «отцов и детей». Население Испании в последнее десятилетие XX в. квалифицирует себя

как левоцентристское (с. 67). Только 15% считают себя правыми, 5% — крайне правыми и 1% — крайне левыми. По мнению 36% опрошенных детей, их отцы и матери стоят на центристских позициях, 26% молодых респондентов считают своих родителей правыми, 22% — левыми, 9% — крайне левыми и 7% — крайне правыми (с. 31–32). В целом молодые люди полагают себя более левыми, чем их родители.

Влияние семьи зависит от частоты, с которой затрагиваются темы, связанные с политикой, и контекста, в котором происходит общение родителей и детей. Только 14% опрошенных утверждают, что в их детские и юношеские годы в семье много или достаточно много говорили о политике, 37% констатируют, что говорили мало, а еще 49%, что не говорили никогда (с. 33). Примечательно, что чаще всего политические темы обсуждались в семьях тех, кто принадлежит к возрастным категориям от 18 до 25 лет (20,7%) и от 26 до 34 лет (18%) (с. 33). Это во многом объясняется тем, что детство и юность этих респондентов пришлось на период перехода к демократии, и бурные политические события того времени обсуждались в семье. Частота, с которой в семьях говорится о политике, связана с позицией родителей на шкале «левые–правые». Почти 30% лиц, причисляющих своих родителей к крайне левым, и 23% — к левым, отмечают, что в их домах часто или достаточно часто говорилось о политике. Значительно ниже эта доля среди считающих своих родителей правыми и ультраправыми (в обоих случаях — 20%) и еще ниже среди причисляющих родителей к центристам (14%) (с. 33–34).

К двум агентам первичной политической социализации — семье и школе — следует добавить третий — средства массовой информации, выполняющие роль посредников между гражданами и политической системой. Автор рассматривает отношение испанцев к политике сквозь призму восприятия ими через СМИ работы конгресса депутатов — нижней палаты парламента. Опросы показывают, что деятельностью конгресса депутатов интересуются 27% опрошенных. Наименьший интерес к ней, равно как и наименьший уровень политического участия, проявляет молодежь в возрасте от 18 до 25 лет — 17%. Интерес молодых людей к политике возрастает по мере того, как они приходят на рынок труда и создают семьи. В возрастной группе от 26 до 34 лет число интересующихся политикой уже несколько выше — 23%. Еще больше доля их среди тех, кому от 35 до 50 и от 51 до 64 лет — в обоих случаях 34% (с. 36). Политическая социализация этих поколений происходила в годы франкистской диктатуры, они боролись за установление демократии, и теперь значительной части их представителей отнюдь не безразлично, к чему привели их уси-

лия. Значительно меньше интересующихся работой конгресса депутатов среди тех, кому больше 65 лет, — 22%. Многие из них уже не принимают активного участия в общественной жизни и, вероятно, полагают, что решения парламента не затрагивают их интересов.

Интерес к деятельности конгресса депутатов резко возрастает по мере повышения уровня образования. Интересуются этой деятельностью 60% лиц с высшим образованием, 23% — с начальным и средним и только 15% испанцев, не имеющих никакого образования. Различную степень интереса к работе парламента выказывают и представители разных социальных слоев. В этом случае ответы распределились так: представители высшего класса 39%, среднего класса 29%, низшего класса 22%. 60% представителей высшего класса утверждают, что деятельность конгресса депутатов ощутимо или достаточно ощутимо затрагивает их интересы. Что касается представителей среднего и низшего класса, то здесь эта доля примерно вдвое ниже (с. 37–38). Примечательно также, что в большей степени события в стенах кортесов интересуют людей, находящихся на правом и левом флангах идеологического спектра (чуть менее 40% в обоих случаях). Значительно меньше волнуют эти события лиц, занимающих левоцентристские позиции (25%) (с. 38).

В ряду СМИ выделяется телевидение. 38% респондентов получают информацию о деятельности конгресса депутатов исключительно по телевидению, 5% — соответственно из прессы и по радио (с. 38). Использование телевидения как единственного средства получения информации прогрессирует вместе с возрастом респондентов (около 30% ответов в возрастных категориях от 18 до 34 лет и 53% ответов у тех, кто старше 65 лет). Вместе с тем 18% респондентов используют для получения информации и телевидение, и прессу, и радио (с. 39).

Существуют заметные различия в использовании СМИ испанцами с разным уровнем образования. Так, телевидение — единственный источник информации для 70% лиц без образования, 51% — с начальным образованием и всего 10% — с высшим. Телевидение, пресса и радио используются 36% респондентов с высшим, 9% — с начальным образованием и только 3% — лицами без образования (с. 41). Очевидна разница в обращении к СМИ и представителей различных социальных классов. Телевидение — единственный канал получения информации для 45% представителей низшего, 33% — высшего и 30% — среднего класса. Телевидение, пресса и радио используют 23% представителей среднего класса, 22% высшего и 12% — низшего (с. 42).

Отношение испанцев к депутатам парламента отчасти определяется информацией, получаемой ими из различных СМИ. Вот как распределились голоса респондентов при ответе на вопрос о главной, по их мнению, причине, побуждающей кандидатов в депутаты выдвигать свои кандидатуры для участия в выборах: власть и влияние, которые дает депутатская должность (63%), борьба за свои идеалы и идеалы своей партии (21%), возможность участвовать в решении проблем страны (8,3%), защита интересов своей провинции или автономного сообщества (7,5%) (с. 46).

Показательно, что чем ниже уровень образования, тем чаще респонденты считают амбиции основным фактором участия политических деятелей в выборах. Больше всего таковых – 74% – среди опрошиваемых, не имеющих образования, которые полагают, что главная причина участия политиков в выборах – это возможность получения ими власти и влияния. Среди лиц с высшим образованием доля разделяющих данную точку зрения ниже – 55%. Последние, в большей степени, полагают, что политики, участвующие в выборах, руководствуются и коллективистскими мотивами – стремлением заниматься решением проблем страны, защищать интересы страны или автономного сообщества (с. 47).

И все же доля считающих, что политики стремятся участвовать в выборах лишь для получения власти и влияния, доминирует во всех категориях респондентов. Сказывается влияние телевидения, превратившего политику в спектакль и дискредитировавшего образы политиков и кандидатов в депутаты. Основания для этого действительно существуют. Всем памятны скандалы с коррупцией и лоббированием в период правления ИСРП, завершившегося в 1996 г. Скандалы засвидетельствовали, что многие политики порвали с нормами закона и морали. И это значительно усилило недоверие общества не только к политикам, но и к политической системе в целом.

Респондентам был задан вопрос, кого, по их мнению, представляют парламентарии. Ответы распределились так: депутаты представляют всех испанцев (46%); политические партии, к которым принадлежат (28%); избирателей своей партии (19%); электорат своего избирательного округа (2,4%); свой политический класс (2,1%); богатых (1%). Таким образом, примерно половина испанцев считает, что парламентарии не представляют их интересы. И это при том, что в Конституции Испании утверждается: «Генеральные Кортесы представляют испанский народ» (с. 54).

Больше всего респондентов, придерживающихся мнения, что депутаты представляют всех испанцев, среди лиц старше 65 лет — 53% против 41% тех, кому от 18 до 25 лет. Это мнение встречается также чаще среди лиц, не имеющих образования (59% против 34% с высшим образованием), а также среди представителей низшего класса — 49% против 37% представителей высших слоев (с. 55–57).

Значительные различия при оценке того, представляют ли парламентарии всех испанцев, существуют в автономных областях. Больше всего опрошиваемых, отвечающих на этот вопрос положительно, в автономиях с меньшим ВВП на душу населения, а также в регионах, где отсутствуют сильные националистические партии и движения, — Астурии (58%), Мурсии (63%), Эстремадуре (55%), Андалусии (52%). Иная картина наблюдается в экономически развитых Каталонии и Стране Басков, где действуют сильные националистические партии, — соответственно 34 и 31% участников исследования. В этих автономных областях велика доля респондентов, полагающих, что депутаты представляют либо интересы своей партии (35,5 в Каталонии), либо избирателей, голосующих за «их» партию (38% в Стране Басков) (с. 60). В автономных областях с сильными националистическими и регионалистскими движениями также выше, чем в целом по Испании, доля тех, кто считает, что депутаты представляют интересы своего избирательного округа, — 4% в Каталонии и 6% — на Канарских островах. Исключение составляет Страна Басков, имеющая «среднеиспанский» показатель, — 2,4% (с. 60–61).

По мнению автора, понять восприятие респондентами мотиваций депутатов можно с помощью теории рационального выбора. Опрошиваемые полагают, что парламентарии придерживаются рациональной модели поведения, выстраивают иерархию целей, к достижению которых стремятся. Каждая из этих целей оценивается в рамках логики «стоимость затрат — выгода от них». Когда политики баллотировались на выборах, они делают это добровольно, но при этом исходят из того, что должны получить компенсацию от других людей или политической системы.

Большинство испанцев «неудовлетворены» (54%) или «очень неудовлетворены» (11%) тем, как депутаты выполняют свои обязанности в конгрессе депутатов. «Удовлетворены» этим только 34%, а «очень удовлетворены» всего 1% опрошенных (с. 108). Можно предположить, что люди, интересующиеся работой парламента, в большей степени удовлетворены ею, чем те, кто мало интересуется или вообще ею не интересуется. Эта гипотеза подтверждается тем, что средний уровень удовлетворенно-

сти для интересующихся составляет 2,35 балла (по шкале, где 1 — это мало удовлетворенные, а 4 — в большой степени удовлетворенные) (с. 107).

Меньше всего удовлетворены работой депутатов молодые люди в возрасте от 26 до 34 лет — 73%. 70% недовольных среди тех, кому от 35 до 50 лет, 65% — среди самых молодых респондентов (18–25 лет). Степень неудовлетворенности снижается с увеличением возраста участников исследования. Среди лиц в возрасте от 51 до 65 лет — 59% неудовлетворенных, среди тех, кто старше 65, — 55% (с. 108). Объяснить это в определенной степени можно тем, что если представители старшего поколения черпают информацию в основном из телевизионных передач, то более образованное молодое и среднее поколение чаще используют также прессу и радио.

Удовлетворены деятельностью депутатов в большей степени правые и ультраправые — соответственно 55,7 и 59,5%. Среди левых и ультралевых эти цифры значительно ниже — 27,5 и 24,6% (с. 111). Важная причина столь существенных различий состоит в том, что после победы на президентских выборах 1996 г. парламентская фракция правой Народной партии стала самой представительной. Что же касается ультралевых, то они меньше, чем представители других идеологических течений, интересуются политикой и склонны разделять антипарламентские настроения, существующие на уровне массового сознания.

Неудовлетворенность работой парламента выше среди людей со средним и высшим образованием, среди мужчин, а также среди жителей наиболее политизированных районов Испании — Мадрида (68%), Каталонии (71%) и Страны Басков (69%) (с. 109, 111).

Только пять из каждых ста опрошенных вступали когда-либо в контакты с депутатами. 65% их делали это путем личного общения (письма, телефонные разговоры, встречи), 18% — посредством административных инстанций, 14% — через посредство партий или ассоциаций, 3% — другим путем. При этом только 3/4 получили ответ от депутата (с. 113). Основная масса испанцев с депутатами не контактирует. Причины этого следующие: низкий уровень доверия к парламентариям, которых считают далекими от существующих реалий (28%); бюрократизация аппарата управления и проистекающее отсюда незнание, к кому следует обращаться (22%); мнение о том, что «это — потеря времени, это ничего не дает» (19%); личные мотивы (отсутствие причин для обращения или обыкновенная лень); малая значимость проблемы, которую можно решить иным путем (5%) (с. 114).

В монографии затрагивается и такой вопрос, как восприятие испанцами отношений между депутатами различных партий в нижней палате кортесов. 13% полагают, что эти отношения носят «исключительно конфронтационный характер», 42% — «скорее конфронтационный характер». 37% считают, что это «отчасти отношения конфронтации, отчасти сотрудничества», 7% — «скорее отношения сотрудничества», 1% — «исключительно отношения сотрудничества» (с. 70, 72). Таким образом, доминирует точка зрения, что между депутатами существуют плохие отношения. Эта позиция большинства респондентов объясняет и их мнение о том, что парламентарии придают большее значение защите интересов своей партии, чем решению проблем страны. Больше всего тех, кто считает, что отношения между депутатами носят «исключительно конфронтационный характер», среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет; среди респондентов, относящих себя к крайне правым (21%) и крайне левым (18% против 11% центристов); среди представителей низшего класса (17% против 12% представителей среднего класса и 9% высшего) (с. 73–74).

Среди других аспектов исследования — позиция опрашиваемых относительно того, могут ли депутаты совмещать свою работу в парламенте с занятиями своей прежней профессиональной деятельностью. 68% полагают, что парламентарии должны отказаться от профессиональной деятельности любого типа, ибо так они станут более независимыми и не будут испытывать никакого давления при принятии решений. По мнению 32% опрошенных, депутаты не должны отказываться от профессиональной деятельности и посвящать себя исключительно политике. Поступая так, они будут лучше понимать людей и в большей степени будут связаны с обществом. Доля лиц, считающих, что депутаты должны быть профессиональными политиками, больше всего среди тех, кто старше 51 года, меньше всего — среди молодежи от 18 до 25 лет.

Еще один рассматриваемый автором срез «проблемы депутатов» — отношение респондентов к дисциплине голосования в парламенте. 67 ст. Конституции Испании гласит, что депутаты не связаны при голосовании императивным мандатом. В реальной действительности же позиция парламентариев редко расходится с мнением партии. Это объясняется тем, что они нуждаются в партийной структуре, чтобы участвовать в межпартийной конкуренции и выступать как представители партий. По мнению 41% опрашиваемых, депутаты всегда должны голосовать в соответствии с директивами своей партии. 59% полагают, что им следует руководствоваться собственными критериями при голо-

совании, даже если последние не совпадают с партийными директивами. Наиболее склонна признавать право парламентариев руководствоваться собственными критериями при голосовании молодежь (64%). Меньше всего согласны с этим правом представители старшего поколения (50%). Заметные различия существуют также среди людей с разным уровнем образования. За право парламентариев голосовать свободно высказываются 69% лиц с высшим образованием и только 40% тех, кто не имеет никакого образования (с. 75).

Хотя в Испании депутаты в академическом плане лучше подготовлены, чем в других странах Европейского союза (свыше 90% их имеют ученые степени), то, как они осуществляют функции представительства, не отвечает интересам граждан (с. 115). Легитимными для испанцев являются не депутаты, а политические партии, которые наделяют депутатов легитимностью. Можно предположить, что депутаты лишь косвенно обладают легитимностью в глазах граждан, поскольку последние не знают их и не проявляют интереса к их деятельности. На негативное отношение электората к деятельности парламентариев накладывает отпечаток и недостаточный уровень их политической социализации в школе, семье, социальных группах.

Партии в Испании заняли то место, которое в демократических системах обычно отводится гражданам. Демократия предполагает активное участие граждан в политическом процессе. Однако в Испании, как и во многих других странах, этого не происходит. Можно согласиться с авторами, определяющими подобный тип государства как партийный, но не демократический. Важной задачей поэтому является сближение парламентариев с гражданским обществом, преодоление широко распространенной точки зрения, что депутатов интересуют лишь власть и влияние, тогда как насущные проблемы страны они отодвигают на задний план. Впрочем, возможно, что со временем эта проблема разрешится, так как демократия в Испании относительно молода. Бесспорно, изменения в избирательной системе и отборе депутатов способствовали бы возрастанию интереса к их деятельности.

Если к депутатам испанцы относятся негативно, то к партиям — скорее позитивно. 82% респондентов считают, «что без партий демократия невозможна». 76% согласны с утверждением, что «благодаря партиям люди могут участвовать в политической жизни». По мнению 86%, партии «необходимы, чтобы защищать идеи и интересы социальных групп». Наиболее позитивное отношение к партиям у респондентов, возраст которых от 35 до 50 лет. Период их наивысшей общественной ак-

тивности совпал с годами демократизации, когда партии играли особенно заметную роль в общественной жизни. Широко распространены и негативные оценки деятельности партий. 67% респондентов согласны с тем, что «все партии одинаковы». 41% считают, что «они лишь разделяют людей», 18% — что «они непригодны ни для чего» (с. 64).

В целом отношение испанцев к партиям отличается глубокой противоречивостью. Так, 31% молодых людей (от 18 до 25 лет), полагающих, что без партий не может быть демократии, одновременно утверждают, что «они лишь разделяют людей». Еще больше доля занимающих такую же противоречивую позицию среди людей, которым больше 65 лет, — 50%. От 11 до 14% молодых людей, согласных с тем, что «без партий демократия невозможна», одновременно считают, что «они непригодны ни для чего». Среди тех, кто старше 51 года, аналогичной точкой зрения придерживаются 15% (с. 67).

Противоречивость ответов, которые едва ли совместимы, связана с особенностями политической социализации испанцев, равно как и с вполне естественными представлениями о различиях между должным и сущим. После более чем 25-летнего периода жизни в условиях демократии люди убеждены, что без партий последняя существовать не может. Поэтому констатация, что «без партий демократия невозможна», имеет своего рода ритуальный характер и вполне может сочетаться с разочарованием в тех или иных аспектах деятельности партий. Следует также иметь в виду, что утверждение «партии разделяют людей» всего лишь отражает разное распределение предпочтений в каждый данный момент. А мнение о том, что «все партии одинаковы», возможно, мотивировано очевидными изменениями, которые внесли в свои программы ведущие партии Испании во имя соответствия центристским настроениям электората. Да и вообще критический настрой и различия во мнениях относительно социальных и политических реалий необходимы для развития политической системы.

В Испании люди слабо связаны с партиями. Лишь один из трех испанцев идентифицирует себя с какой-либо партией. Причины низкого уровня идентификации с партиями различны. В годы диктатуры все партии (кроме франкистской фаланги) были запрещены. Большинство их являются новообразованиями, и люди, устанавливая связи с ними, проходят процесс ресоциализации. Существенно также, что в ходе демократизации отсутствовали побудительные стимулы для мобилизации населения, поскольку этот процесс осуществлялся путем договоренностей между партийными элитами и исключения массовых групп населения из

процесса принятия решений. К тому же бурное развитие демократизации, желание участвовать в политике способствовали тому, что граждане голосовали в большей степени за демократию и демократических лидеров, чем идентифицировали себя с определенной партией.

Степень отождествления избирателей с разными партиями неодинакова. У левых партий она выше, чем у правых. Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и компартия (КПИ), составляющая ядро коалиции Объединенные левые (ОЛ), — исторические партии с давними и глубокими традициями членства, развитой организационной структурой. Избиратели, определяющие себя как центристы, в меньшей степени участвуют в политике и имеют самый низкий уровень партийной идентификации. Серьезное негативное влияние на формирование привязанностей сторонников центристских и правых партий оказал крах правившего в 1977–1982 гг. правоцентристского Союза демократического центра (СДЦ), оставивший ощутимую брешь в их стане.

Доля избирателей, идентифицирующих себя с партиями, не совпадает с расстановкой последних на политической сцене. Одна из причин этого состоит в том, что большинство испанских избирателей определяют себя как центристов и не имеют твердых партийных привязанностей. Обеспечив в 1982 г. победу ИСРП, центристы принесли ее в 1996 г. и Народной партии (НП).

Вот в какой последовательности распределились голоса респондентов в плане их партийных привязанностей: ИСРП (46%), НП (28%), ОЛ (13%), каталонская партия Конвергенция и Союз (КС) — 4%, Баскская националистическая партия (БНП) — 2%, Националистический блок Галисии — 1% (с. 82).

Анализ по возрастам показывает, что люди до 50 лет идентифицируют себя прежде всего с социалистами и коммунистами. Так, молодежь от 18 до 25 лет в 13 раз чаще считает «своей» коалицию ОЛ, чем представители старшего поколения (свыше 65 лет). Вместе с тем факт идентификации себя с левыми не обязательно означает голосование за них: среди молодежи распространен абсентизм.

С НП идентифицируют себя лица старших возрастов, главным образом те, кому свыше 50 лет: 35% в группе от 51 до 65 лет и 40% лиц старше 65 лет (с. 82). Значительно в меньшей степени ощущают связь с этой партией молодые возрастные категории — 26% избирателей и особенно люди среднего возраста — 19%.

Средний возраст голосующих за различные партии составляет: НП — 49 лет, ИСРП — 46, ОЛ — 36, КС — 54 года, БНП — 50 лет (с. 84).

В плане связи, существующей между уровнем образования респондентов и голосованием их за определенную партию, выявляется следующая картина. Меньше всего связаны с партиями лица, не имеющие образования (24%), больше всего — имеющие высшее образование (38%) (с. 84). 67% лиц без образования идентифицируют себя с ИСРП. Вероятно, им близки некоторые аспекты политики этой партии, окрашенные в популистские тона. Любопытно, что со считающейся более левой КПИ идентифицируют себя только 4% людей без образования. Респонденты со средним и высшим образованием чаще считают «своей» НП — соответственно 41% и 38% голосов (ИСРП — 27% и 30%, ОЛ — 19% и 20%) (с. 86).

А вот как выглядит партийная идентификация испанцев, голосующих за ведущие партии, с точки зрения их принадлежности к определенному социальному классу. С ИСРП идентифицируют себя 56% представителей низшего класса и 32% — высшего. Совершенно иная картина в случае НП. Ее считают «своей» 19% представителей низшего класса и 41% — высшего. Голоса среднего класса делятся между этими партиями в одинаковой пропорции — по 37% (с. 89). ОЛ считают «своей» 14% представителей низшего класса, 12% — среднего и 8,5% — высшего. КС — «своя» для 10% представителей высшего класса и только для 1,7% — низшего. Для БНП соответствующие цифры составляют 0,9% и 2,2% (с. 89).

Любопытно проследить за партийными привязанностями респондентов с точки зрения их самоопределения по 10-балльной идеологической шкале, где цифра 1 соответствует крайне левой, а цифра 10 — крайне правой позициям. Естественно, люди, ассоциирующие себя с левой частью политического спектра, идентифицируют себя с левыми, и наоборот. Вместе с тем примечательно, что большинство центристов (41%) отдает предпочтение НП (ИСРП — только 27%). Таким образом, хотя обе эти партии сдвинулись к центру, НП добилась на этом поле большего успеха, что показали результаты выборов 1996 и 2000 гг. Характерно также, что центристы преобладают в массовой базе КС и БНП (с. 90).

Приводятся и данные о распределении партийных привязанностей испанцев в зависимости от размеров населенного пункта, в котором они проживают. С этой точки зрения ИСРП поддерживает примерно одинаковый процент людей в населенных пунктах численностью менее 10 тыс. человек (46%), в городах с населением от 10 до 100 тыс. человек (47%) и более 100 тыс. человек (45%). НП пользуется большим влиянием в не-

больших населенных пунктах (32%), чем в средних (26%) и крупных (28%) городах. А ОЛ, напротив, популярнее в крупных (16%), чем в средних (12%) и небольших населенных пунктах (7,2%) (с. 92).

С.Фриас анализирует иерархию мотивов, побуждающих избирателей голосовать за ту или иную партию, которая выглядит следующим образом: идеология партии (38% ответов), программа партии (25%), лидер партии (20%), семейные традиции (7,4%), организация избирательной кампании (6,1%), принадлежность кандидата в депутаты к избирательному округу голосующих (4,5%) (с. 95).

Политическим идеологиям и программам партий (эти слагаемые партийного имиджа можно соединить) отдают наибольшее предпочтение молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет (75% против 53% тех, кому от 50 до 65 лет), лица с высшим образованием (86% против 43% без образования и 54% с начальным), представители высшего класса (72% против 56% низшего).

Далее в иерархии предпочтений следует фактор лидера, который ставят на первое место люди старших возрастов (31% против 12% молодежи), не имеющие образования (35% против 5% лиц с высшим образованием), представители низшего класса (24% против 16% высших слоев), жители небольших населенных пунктов, насчитывающих менее 10 тыс. (24% против 18% в крупных городах, в которых проживают свыше 100 тыс.) (с. 95). По результатам данного исследования, фактор лидера оказался на третьем месте в структуре предпочтений испанцев. Автор вместе с тем приводит результаты других социологических исследований, в соответствии с которыми этот фактор играл главенствующую роль в выборе избирателей. Так, изучение парламентских выборов 1986 г. выявило решающее значение именно личностного фактора. Прогрессирующая деидеологизация партий, превращение классовых партий в «партии для всех» изменяют характер их деятельности. Они все в большей степени подчиняются лидеру, на котором сосредоточивается и внимание СМИ. В то же время на выборах 1989 г. избирателей больше занимали конкретные проблемы кампании, оценка роли лидеров была ниже. Вообще же многое в выявлении приоритетов избирателей зависит от того, как сформулирован вопрос.

Отдельно следует упомянуть такой фактор, влияющий на электро-ральный выбор, как семейные традиции. Больше всех их воздействие испытывают люди старше 51 года (12% против 5,5% тех, кому 18–34 года), женщины (9,4% против 5,4% мужчин), люди, не имеющие образования или с начальным образованием (соответственно 13% и 9,1% про-

тив 2,1% лиц с высшим и 2,8% со средним образованием), жители небольших городов (11% против 5,1% в крупных городах) (с. 95, 99, 103).

Распределение электората с точки зрения «географии» свидетельствует о том, что менее развитые регионы в большей степени отдают предпочтение фактору лидера. Это выявляют данные по Кантабрии, Кастилии-Ламанча, Галисии и Астурии (около 30% респондентов). В этих же областях больше, чем в среднем по стране, людей, которые готовы голосовать за ту или иную партию благодаря умело организованной ею избирательной кампании (с. 105). В автономных областях, где действуют сильные националистические партии, избиратели в большей степени руководствуются идеологией – это Наварра (65%), Страна Басков (49%), Каталония (43%). Правда, Канарские острова и Галисия не вписываются в эту тенденцию – там таких избирателей соответственно 29% и 25% (с. 104). В Наварре, Стране Басков и Каталонии зачастую выше, чем в среднем по стране, и доля тех, кто исходит при голосовании из семейных традиций, – соответственно, 15%, 10% и 8% (с. 106).

Отдельный раздел монографии посвящен проблемам политического участия испанцев. С.Фриас на социологическом материале рассматривает разные его формы и показатели: частота, с которой испанцы говорят о политике с членами своих семей и друзьями, электоральное участие, связи с партиями, профсоюзами, гражданскими и религиозными ассоциациями, неструктурированные проявления участия – в митингах, манифестациях и т.д.

Испанцы не выказывают большого интереса к политике и не имеют обыкновения много о ней говорить, полагая, что политические решения прямо их не затрагивают. Только 5,3% опрошенных утверждают, что «часто» или «достаточно часто» говорят на политические темы. «Мало» или «совсем не говорят» соответственно 42% и 29%. Чаще говорят о политике с членами семьи и друзьями люди, которым от 35 до 65 лет. Меньше всего – лица старше 65 лет (с. 118). Последние почти не говорили о политике в годы своей молодости, когда это было опасно, и такое отношение к ней осталось у них на всю жизнь.

В целом, мужчины говорят о политике чаще, чем женщины. Это касается прежде всего лиц без образования (12,7% мужчин против 7,6% женщин). Что же касается лиц с высшим образованием, то в этой группе женщины говорят о политике несколько чаще, чем мужчины (67% против 62%). Существенны различия между мужчинами и женщинами на двух полюсах образовательной шкалы: мужчины с высшим образованием говорят о политике в пять раз чаще, чем мужчины, не имеющие образо-

вания, в аналогичном случае с женщинами различие достигает уже девятикратного размера (с. 120).

О политике чаще говорят люди, находящиеся на ультралевом и ультраправом флангах политического спектра (соответственно по 37%), несколько меньше левые и правые (35%). Заметно уступают им центристы (26%) (с. 121).

Что касается автономных областей Испании, то чаще всего о политике говорят в Наварре (46%), Астурии (41%), Мадриде и Ла Риохе (по 35%). Объяснить, с чем это связано (за исключением Мадрида, где сосредоточены основные государственные учреждения), не просто. Возможно, одно из объяснений состоит в том, что о политике говорят чаще там, где наиболее высок процент людей с университетскими дипломами. «Среднеиспанский» уровень составляет 13%. Там же, где он ниже, например в Галисии (8%) или Экстремадуре (4%), о политике говорят значительно реже (в обоих случаях 20% респондентов). Вместе с тем предположение о том, что в «исторических» областях с сильными националистическими движениями — Каталонии и Стране Басков — о политике говорят намного больше, чем в среднем по стране, неверно. Цифра по Каталонии составляет 29,3%, по Стране Басков — 19,4% (с. 123–124).

В Испании ниже, чем в других странах Европы, и уровень членства в партиях. Правда, выявить этот уровень достаточно сложно. Иногда люди связаны с партией, состоят в ее избирательных списках, но не являются ее членами, иногда эти связи скрываются. В данном обследовании, отмечает С.Фриас, рассматривается лишь номинальное членство.

Только трое из каждых ста испанцев являются членами партий, а двое из ста ранее состояли в них. Больше всего членов партий среди людей от 35 до 50 лет, которые, как уже отмечалось, активнее других участвовали в событиях переходного периода (4,6%). Меньше всего — среди тех, кто старше 65 лет (1%). Что касается молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, то уровень их участия составляет 3,3%. Более привлекательны для них всякого рода гражданские организации, в которых состоят 9% юношей и девушек (с. 131). Очевидна тенденция разочарования молодежи в политике. Молодые видят в партиях закрытые структуры с программами, неадекватными их чаяниям и запросам. Знаменательно, что, по мере того, как жизнь молодых людей стабилизируется — завершение учебы, трудоустройство, создание семьи, их желание вступать в партии не возрастает. Уровень членства в следующей возрастной категории — 26–34 года почти аналогичен предыдущему (3,4%).

В партиях состоит вдвое больше мужчин, чем женщин. Однако женщины более преданы партии, членами которой являются. Только 1% женщин прекратили состоять в той или иной партии (среди мужчин — 3%) (с. 131–133). Что касается представительства в партиях разных социальных классов, то здесь нет очевидных различий — лишь легкий перевес среднего класса. Явные различия состоят в том, что представители низшего и среднего классов вдвое чаще прекращают свое членство в партиях, чем высшего (с. 134). Объясняется это тем, что более образованные и состоятельные в финансовом отношении представители высшего класса имеют больше возможностей для продвижения по ступеням партийной иерархии. В целом анализ показывает, что членами партий все в большей степени становятся люди, занимающие достаточно высокие места в социальной структуре общества, с высоким уровнем образования — руководители управленческих структур и предприятий, представители свободных профессий.

С точки зрения политических ориентаций больше всего членов партий среди представителей ультраправых (8,5%) и ультралевых (8,3%) течений. Значительно меньше их среди правых (5%), левых (3,6%) и центристов (2,2%) (с. 137).

Важное проявление политического участия испанцев — членство в профсоюзах. Вступление в них обусловливается стремлением трудящихся в большей мере контролировать условия своего труда, а также состоять в организации, которая в нужный момент способна придти на помощь. В профсоюзы вовлечено 6% населения. Разные возрастные группы представлены здесь неравномерно. В синдикатах состоят 2,6% лиц в возрасте 18–25 лет, 6,5% тех, кому 26–34 года, 10% — 35–50-летних, 8,1% тех, кому 51–65 лет, 1,2% лиц старше 65 лет. Низкий уровень членства в профсоюзах молодежи объясняется ее поздним приходом на рынок труда, массовой безработицей, сильно ударившей как раз по младшим возрастным группам, и широким распространением временных форм занятости.

В профсоюзах состоит в четыре раза больше мужчин, чем женщин. Во многом это объясняется историческими причинами. В течение многих лет организации трудящихся игнорировали проблемы женщин. Лишь давление феминистского движения и более широкий приток женщин на рынок труда привели к изменениям в составе профсоюзов и их требованиях. Но и сейчас участие женщин в синдикатах сдерживается необходимостью вести домашнее хозяйство и воспитывать детей.

С точки зрения уровня образования в профсоюзах преобладают мужчины со средним образованием — 20% (только 8,7% мужчин с высшим, 10% — с начальным образованием, 1% — без образования состоят в профсоюзах). Примечательно, что мужчины с более низким уровнем образования выходят из профсоюзов значительно чаще (13%), в то время как соответствующие цифры для мужчин со средним и высшим образованием составляют 7,1% и 10%. Что касается женщин, то здесь также преобладают имеющие среднее образование — 8,7% (против 1,6% с начальным и 1% — без образования). Опросы не выявили ни одной женщины — члена профсоюза с высшим образованием (с. 140).

В профсоюзах состоит больше всего представителей среднего (6,8%) и низшего (6,3%) классов (высшего — только 3,9%) (с. 142). Эти различия вполне естественны, так как высший класс состоит из собственников средств производства или лиц, занимающих высокие посты в производственной иерархии.

Членство в профсоюзах и партиях взаимосвязано. Примерно 35% членов партии являются также членами профсоюзов, а 4% были ими ранее. 43% вышедших из партии также перестали быть членами профсоюзов (с. 141). Эта связь особенно заметна среди членов левых партий. На 10-балльной шкале идеологических оценок члены профсоюзов имеют 3,8 балла. Средний балл у людей, вышедших из них, составляет 4,2 балла (с. 143). В синдикатах состоят 14% опрошенных, считающих себя ультралевыми, 9,2% определяющих себя как левых и только 4,6% центристов. Вместе с тем синдикаты не являются чем-то посторонним для приверженцев правых (4,6%) и ультраправых (2,5%) взглядов (с. 143).

В гражданских организациях Испании — «соседских», экологических, пацифистских, спортивных — состоят 11% населения. Еще 4% состояли в них раньше, 85% — не состояли никогда. По западноевропейским меркам это низкий уровень, который сопоставим с существующим в Греции и Италии (с. 123–124).

В ряду организаций выделяются религиозные, которые включают широкий спектр разнообразных ассоциаций — образовательных, спортивных, медицинских, кооперативных. Все они зависят от собственно религиозных учреждений и, соответственно, связаны с католической церковью, игравшей исключительно важную роль в испанской истории, в частности в период франкизма. В религиозных организациях состоит примерно 4% испанцев, т.е. несколько больше, чем в партиях. Наиболее высок уровень членства в них самых молодых — от 18 до 25 лет (4,1%) и самых пожилых — 65 лет (4,4%) респондентов (с. 145). Что касается

юношей и девушек, то их связи с религиозными организациями объясняются тем, что последние охватывают широкий спектр деятельности, привлекательной для молодежи. Высокий же уровень членства представителей старшего поколения (в религиозных организациях состоит больше пожилых людей, чем в любых других) объясняется тем, что их политическая социализация пришлось на времена франкизма, превратившего церковь в один из важнейших своих оплотов. Меньше всего членов религиозных организаций среди тех, кому от 30 до 50 лет, поскольку, как уже говорилось, их политическая социализация совпала с началом процесса демократизации и крахом традиционных ценностей, в том числе католицизма.

В религиозных объединениях состоит больше женщин, чем мужчин (4,5% против 3,2%) (с. 146). Наиболее значительны различия в уровне членства между женщинами и мужчинами с высшим образованием (5,8% против 2,9%). Вообще вовлеченность женщин в эти организации прямо пропорциональна росту их образованности. В них состоят 3% женщин, не имеющих образования, 4,3% с начальным, 5,1% со средним и 5,8% с высшим образованием (с. 146).

В религиозные объединения вовлечены 5% представителей среднего класса, 4,3% среднего и только 3% низшего. Больше всего в них приверженцев крайне правых и правых политических течений. Центристов и левых значительно меньше — соответственно 3,3% и 3,2% (с. 148). Вместе с тем в религиозных организациях состоит неожиданно высокий процент ультралевых — 4,1% (с. 148). Возможно, по мнению автора, речь идет об атипичном случае.

В книге рассматривается и такая форма политической активности испанцев, как участие вместе с другими людьми в решении проблем своего автономного сообщества. Средний уровень участия в данном случае составляет 11,7% (у молодежи 9,1%) (с. 157). Он весьма низок, что, вероятно, связано с высоким уровнем мобильности населения, которое «не сидит» на месте. Человек может жить в одном муниципалитете, работать в другом, учиться в третьем, иметь друзей в четвертом.

Что касается степени участия в спонтанных, неорганизованных манифестациях, то здесь самый высокий показатель у молодежи в возрасте от 18 до 25 лет — 10% (при «среднестатистическом» уровне в 5,8%). В политических митингах участие молодых людей менее заметно — 5,2% (при среднем уровне 5,8%). В митингах активнее всех участвуют 35–50-летние — 9%. Любопытны и следующие цифры. В манифестациях участвуют на 50%, а в митингах на 76% больше мужчин, чем женщин, а

также в 10 раз больше людей с высшим образованием, чем лиц без образования (с. 162). В митингах и манифестациях чаще участвуют люди, живущие в пунктах с численностью населения свыше 10 тыс. человек (соответственно 6% и 7%). В мелких населенных пунктах обследование зафиксировало самый высокий уровень участия в решении локальных вопросов (14%). Люди здесь лучше знают друг друга и местные проблемы (с. 166–167).

В митингах и манифестациях участвуют прежде всего приверженцы левых (8,8%) и ультралевых взглядов (24%). Правые и ультраправые традиционно занимают более консервативные позиции – соответственно 4,6% и 3,7% участников (с. 165).

Участие граждан в политике часто ограничивается голосованием. Это обстоятельство ведет к пассивности людей, которые в определенной степени превращаются в подданных. Людью руководят избираемые ими политики, причем контакты с последними поддерживаются только во время избирательных кампаний.

Уровень электорального участия в Испании один из самых низких в Европейском союзе: 82% испанцев заявили, что голосуют «всегда или почти всегда», 9,8% — что «иногда», 8,7% — что «почти никогда или вообще никогда» (с. 170). Наиболее велика доля абсентеистов среди молодежи — 17%. Голосование для них — дело новое, которое часто трактуется как выполнение обязанности взрослых. Напротив, наиболее активно участвуют в выборах те, кому от 51 до 64 лет (90%). Эти люди, наиболее активный период жизни которых пришелся на годы демократизации, прониклись значимостью ценности участия (с. 170–171).

Данные опросов свидетельствуют, что пол, возраст, принадлежность к различным классам и разным политическим направлениям не оказывают сколько-нибудь серьезного воздействия на уровень электорального участия испанцев.

Наиболее активно в электоральном плане население Мурсии (97%), Эстремадуры (91%) и Валенсии (89%). Меньше всего участвуют в выборах жители автономных областей, расположенных в центральной-северной и северо-западной части Испании, — Наварры (65%), Страны Басков (68%), Ла Риохи и Астурии (71%), Галисии (73%). Автор полагает, что низкий уровень электорального участия отчасти связан с региональным национализмом и аграрным характером некоторых из этих автономных областей (с. 176–177).

Подводя итоги исследованию, С.Фриас отмечает, что демократия не во всем оправдала ожидания испанцев. Как и во многих других стра-

нах, в Испании распространилась апатия, критически оцениваются многие политические институты, наблюдается низкий уровень социального и политического участия. Чрезмерное влияние в обществе приобрели власти разных уровней и политические партии, которые отодвинули на задний план людей, гражданские ассоциации и профсоюзы. Поэтому граждане не понимают, имеет ли вообще какое-либо значение их участие в политическом процессе. В этих условиях необходимо развитие политического воспитания и политической социализации. Если люди получают хорошее политическое образование, демократия будет функционировать, не сталкиваясь с серьезными проблемами. За четверть века существования демократии молодое поколение испанцев обрело практический опыт, отличающийся от того, который имеют среднее и старшее поколения. Вполне возможно, что молодое поколение проникнется сознанием важности политического участия для дальнейшего развития демократии в Испании.

**ХУАН ДИЕС МЕДРАНО
РАЗДЕЛЕННЫЕ НАЦИИ. КЛАССЫ, ПОЛИТИКА
И НАЦИОНАЛИЗМ В СТРАНЕ БАСКОВ
И КАТАЛОНИИ**

MEDRANO J.D.

Naciones divididas: Clase, política y nacionalismo en el País Vasco y Cataluña. —

Madrid: Centro de investigaciones sociológicas, 1999. — 266 p.

Основная цель реферируемой монографии — попытка объяснить принципиальную разницу, существующую между национализмом в Стране Басков и в Каталонии. Автор отмечает, что во многих исследованиях обращается внимание на различия между этими двумя типами национализма, однако причины, объясняющие эти различия, не раскрываются. Между тем подобный анализ представляет бесспорный интерес, поскольку речь идет о двух регионах, являющихся наиболее развитыми в Испании и примерно сопоставимых по экономической мощи.

Практика показывает, что движения периферийного национализма обычно вовлечены в два конфликта — с государством, а также с теми слоями местного населения, которые не согласны с требованиями националистов. Конфликты «второго типа» объясняют, почему нации, на представительство интересов которых претендуют националистические силы, являются разделенными.

Баскский и каталонский «национализмы» выражают всю гамму возможных политических устремлений — от децентрализации до независимости, от расизма до прославления этнического разнообразия, от традиционализма и антикапитализма до активной защиты капиталистического развития. При этом идея политической независимости Страны

Басков и Каталонии имеет в целом скромную поддержку, однако в первом случае большую, чем во втором.

«Различия между баскским и каталонским национализмом состоят в том, что баски хотят выйти из Испании, а каталонцы — управлять ею» (с. 239). Это замечание, сделанное одним испанским аналитиком, будучи очевидным преувеличением, указывает на одно из главных различий между двумя националистическими движениями — большее тяготение басков к сепаратизму. Аналитик, правда, не упоминает еще одно различие: в целом баскский национализм имеет большую антикапиталистическую ориентацию, чем каталонский.

Различия между ними кроются не в соответствующем интеллектуальном развитии их носителей, а в своеобразных политических и социально-экономических характеристиках каждого из этих регионов, определяющих степень влияния сепаратистски и антикапиталистически настроенных социальных групп.

Автор связывает различия между двумя националистическими движениями с принципиально разными моделями развития Страны Басков и Каталонии. В первом случае речь идет о комбинированной модели, основанной на производстве средств производства (в Стране Басков на базе черной металлургии развивалось машиностроение, в частности, судостроение). Комбинированное развитие основывается на сочетании высокоразвитого промышленного сектора со структурами традиционного экономического уклада. Двойная структура экономики типична для регионов поздней индустриализации, где капитализм внедрялся с помощью государства и иностранных капиталовложений. Здесь сформировался немногочисленный, но очень мощный класс капиталистов, контролировавший тяжелую промышленность, производство средств производства и тесно связанный с государством. Развитие этого небольшого слоя экономической элиты предшествовало складыванию промышленной и торговой буржуазии, одновременно затруднив данный процесс. Осуществлявшаяся элитой вкупе с государством и иностранным капиталом модернизация нанесла удар по крестьянству и различным доиндустриальным слоям, в частности, ремесленникам.

Иллюстрируя свою концепцию на примере Страны Басков, автор отмечает, что со времен раннего средневековья баскская знать установила с испанским государством прочные экономические и политические связи. Испытывая недостаток природных ресурсов (за исключением железной руды), торговая и финансовая элита региона была заинтересована в покровительстве монархии. Представители высших деловых кругов

вливались в мадридскую элиту. Так, с 1750 по 1850 г. 62% торговцев Мадрида были выходцами из Страны Басков и соседней провинции Сантандер (для сравнения: только 2% были выходцами из Каталонии). 13% мадридских банкиров являлись выходцами с Севера (Страна Басков, Наварра, Ла Риоха). Выходцев из Каталонии среди банкиров не было вообще. Иммигранты объединялись в закрытые общины, что несколько не противоречило защите ими государственных интересов и приспособлению к кастильской культуре (с. 430).

Лояльность баскской знати, поддержка, которую она оказывала испанским королям, сыграли важную роль в предоставлении Стране Басков специфического режима политико-административного управления, наделявшего регион определенной самостоятельностью. В баскских провинциях Бискайя, Гипускоа и Алава существовали свои органы самоуправления, в ведении местной власти находились сбор налогов, таможенная политика. Права и обязанности басков фиксировались специальными документами – фуэрос. На протяжении столетий «вольности» являлись для басков воплощением их старинных традиций и обычаев, символом национальной самобытности.

Если верхний слой баскского общества был традиционно связан с испанским государством, то многие другие социальные группы не испытывали к нему особых симпатий. Капиталистическая модернизация нанесла сильные удары по зарождавшейся местной буржуазии, средним слоям. Они вытеснялись иностранным капиталом, занявшим господствующие позиции во многих отраслях экономики региона. Модернизация обернулась тяжелыми последствиями и для баскского крестьянства, столкнувшегося с повышением налогов, стоимости земли, заменой долгосрочных арендных контрактов на краткосрочные.

Крестьянство и другие слои баскского общества приняли активное участие в карлистских войнах (1833–1840 и 1872–1876 гг.), которые развязали претенденты на престол от правящей династии. Карлисты – феодальная реакция и клерикальные круги – вовлекали в эти войны широкие слои населения Страны Басков, используя его религиозно-традиционалистские чувства и недовольство условиями существования. Массовая поддержка карлизма среди басков обусловила то, что войны воспринимались многими людьми как противоборство между Страной Басков и остальной Испанией.

В 1876 г. после завершения второй карлистской войны фуэрос были отменены, что вызвало единодушное осуждение в баскском обществе. Однако консенсус оказался недолговечным. В 1882 г. на смену фуэрос

пришли экономические соглашения, предоставившие местным властям некоторую самостоятельность в распоряжении налогами. Баскская элита отказалась от борьбы за восстановление фуэрос. Конфликт между элитой и приходившими в упадок социальными группами в Стране Басков разгорелся с новой силой. Многочисленные группы населения полагали, что крупная буржуазия, несмотря на свое происхождение, чужда баскскому обществу.

Слой басков, выражавшие недовольство индустриализацией и ее последствиями, образовали массовую базу традиционалистского национализма. Его идеологом стал Сабино Арана, полагавший, что спасти басков от «испанского колониального ига» может лишь обретение ими независимости. С его точки зрения основу баскского народа составляла «раса», этническая «чистота крови». Основными слагаемыми концепции Араны являлись независимость, защита католической религии и старого социального порядка, создание конфедерации баскских провинций, развитие языка как символа баскской общности. «Для нашей расы не будет спасения, пока мы остаемся подданными Испании, — утверждал Арана. — Страна Басков, зависящая от Испании, не может обращаться к богу, по существу, не может быть католической» (цит. по: с. XIII). В 1894–1895 гг. Арана основал Баскскую националистическую партию (БНП), постепенно превратившуюся в ведущую националистическую силу в регионе.

Лишь в 1902 г., незадолго до своей смерти, Арана отказался от требования независимости и начал защищать идею широкой автономии Страны Басков. С этого времени как сторонники независимости, так и приверженцы автономии, могли легитимизировать свои притязания, прибегая к авторитету Араны. В годы, предшествовавшие гражданской войне, баскские националисты оказались глубоко разделенными по вопросу о независимости.

Иная (эндогенная) модель развития и, соответственно, иной тип национализма характерны для Каталонии. Эндогенная модель развития основывается на производстве предметов потребления. Источник развития в данном случае — капиталы, накопленные в сельском хозяйстве и вложенные в дальнейшем в промышленность. В рамках эндогенной модели развития формируется влиятельный класс буржуазии и происходит интеграция доиндустриальных классов, в частности крестьянства, в процесс капиталистической индустриализации.

Основной отраслью каталонской экономики в XIX в. стала легкая промышленность, требовавшая меньше капиталов по сравнению с тяже-

лой промышленностью Страны Басков и в меньшей степени зависевшая от государства, банков и иностранного капитала. В отличие от баскской каталонская элита занимала более независимую позицию по отношению к испанской монархии и не стремилась к интеграции с нею. Территория Каталонии значительно больше, чем территория Страны Басков, регион располагает большими экономическими ресурсами. Стремление каталонской элиты сохранить свою автономию лишало ее многих привилегий, которые имели баски, в частности, возможности влиять на политику королевского двора. Поэтому долгие годы ей не оставалось ничего другого, как ограничивать свою политическую активность рамками региона.

Процессы модернизации и индустриализации в Каталонии не сопровождались такими разрушительными последствиями, как в Стране Басков. Здесь довольно успешно развивалось сельское хозяйство. Хотя крестьяне не являлись собственниками земель, договоры о земельной аренде носили долгосрочный характер, позволяя сельским жителям вкладывать деньги в производство «с перспективой» и достигать тем самым более высокой производительности труда. Низкая плотность населения благоприятствовала формированию многочисленных средних по размеру крестьянских хозяйств, способных не только уплачивать налоги, но и вкладывать капиталы в торговую и промышленную деятельность. Последнее было связано с тем, что местные торговцы, приобретая шерсть в Арагоне и Кастилии, наладили в сельских районах производство изделий из нее, продававшихся в городах Каталонии.

Перетоку капиталов из деревни в город, из сельского хозяйства в промышленность способствовала и существовавшая в Каталонии система наследования. При ней недвижимость не делилась (наследуемые земельные участки нельзя было дробить), однако не получавшие наследство имели денежную компенсацию. Деньги вкладывались в торговлю и промышленность.

Все это способствовало относительно плавному переходу от сельского общества к городскому, экономическому и культурному сближению между сельскими и городскими районами Каталонии. В XIX в. многие представители местной крупной буржуазии гордились тем, что вышли из сельских районов. Дистанция между группами, выступавшими за капиталистическое развитие, и представителями традиционного общества была в Каталонии значительно меньше, чем в Стране Басков. Важно также, что каталонская промышленность намного меньше зависела от государственных контрактов, чем баскская. Продукция тяжелой промышленности Страны Басков обычно потреблялась государством или

другими регионами, в то время как продукция текстильной промышленности Каталонии главным образом местным населением, за исключением одежды для военных. Буржуазия была в Каталонии многочисленнее, чем в Стране Басков.

Более плавный и спокойный характер модернизации в Каталонии обусловил то, что карлисты в ходе их войн с центральной властью нашли здесь меньшую поддержку, чем в Стране Басков (в частности, в крестьянской среде).

Быстрая индустриализация Каталонии в XIX в. привела к углублению разрыва в уровне экономического развития между нею и большинством районов Испании. Попытки каталонской буржуазии и интеллигенции перестроить государство в своих интересах не принесли результатов, натолкнувшись на сопротивление центра. Осознав бесперспективность своих планов, каталонские реформаторы прониклись духом регионального национализма.

Первая националистическая партия — Регионалистская лига — была создана здесь в 1910 г. К 1936 г. она превратилась в одну из самых влиятельных партий региона. Регионалистская лига занимала консервативные позиции, ее членами являлись выходцы из рядов промышленной и торговой буржуазии, мелкой буржуазии и интеллигенции. Главная цель партии состояла в достижении большей децентрализации государственной структуры. Лигу возглавлял Франциск Камбо, окруженный ореолом харизматического лидера. Ее успех он объяснял, с одной стороны, поражением Испании в испано-американской войне 1898 г., сопровождавшейся потерей почти всех колоний, а с другой — бурными темпами экономического роста Каталонии, вызывавшими у ее жителей чувство гордости. Каталонский национализм не был сепаратистским, а носил автономистский или федералистский характер. Выступая в защиту каталонской культуры и экономической политики, идеологи национализма вместе с тем полагали, что Каталония должна быть частью Испании. Один из них, Валенти Альмиралль писал в 1886 г.: «Поскольку каталонцы представляют собой национальность, они имеют право на создание собственного государства. Однако нынешний политический порядок и длительное сожительство каталонцев с другими народами Испании толкают к единству, создают идею сообщества, которое эти народы должны сохранять и укреплять» (с. 1).

Если в Стране Басков национализм «отлился» в форму традиционализма и лишь в значительно меньшей степени буржуазного национализма, то в Каталонии это движение выступало в основном в двух основ-

ных обличьях — буржуазного и, если так можно выразиться, прогрессистского национализма. Первый использовался каталонской буржуазией, пытавшейся повлиять на политику испанского центра и достичь определенной автономии для региона. Второй носил республиканский характер, ориентировался на защиту каталонской культуры и улучшение положения трудящихся. Его целью было создание конфедерации народов Испании.

После прихода к власти франкисты упразднили существовавшую в годы республики автономию Каталонии и Страны Басков, подвергли жестоким преследованиям язык, культуру и традиции каталонцев и басков. Диктатура стремилась к унификации общественной жизни, объявив национальную проблему несуществующей.

Нет оснований утверждать, как это делают некоторые исследователи, что репрессии в Стране Басков носили больший размах, чем в Каталонии, представлявшей серьезную угрозу для франкистов. Здесь не только были сильны националистические силы, регион являлся одним из главных очагов республиканизма и коммунизма в Испании. Существуют многочисленные свидетельства применения франкистами в Каталонии суровых репрессий.

В период франкизма и происходивших в это время социально-экономических преобразований программные цели и социальная база обоих националистических движений изменились. Восстановление демократии и утраченных прав стали основной целью борьбы националистических сил. В этой борьбе доиндустриальные социальные группы перестали играть сколько-нибудь заметную роль. Вместе с тем продолжали сохраняться различия между разновидностями национализма, связанные с разными моделями развития Страны Басков и Каталонии, которые основывались в одном случае на производстве средств производства, а в другом — предметов потребления. В годы франкизма баскский капитализм сохранял свою роль лидера испанской экономики. До начала 50-х годов диктатура осуществляла политику автаркии, сопровождавшуюся практическим исчезновением рыночной экономики и превращением государства в главного потребителя средств производства. Эта ситуация была исключительно благоприятна для продукции тяжелой промышленности Страны Басков. Иначе обстояло дело с продукцией легкой промышленности Каталонии. Уровень жизни испанцев в период автаркии был так низок, что особой потребности в ней не существовало.

Как и прежде, баскская элита поддерживала более тесные связи с испанским государством, чем каталонская. Из 104 министров, назначен-

ных Франко в 1938–1971 гг., 13,5% родились в Стране Басков и только 8,6% в Каталонии (с. 157).

Мощь и влияние баскской элиты во многом основывались на банковской системе. Из семи крупнейших испанских банков, предоставивших 60% всех кредитов и контролировавших экономику страны, два были баскскими («Бильбао» и «Бискайя»), а еще два имели самые тесные связи с капиталом Страны Басков («Урхико», «Банесто»). В эту семерку не входил ни один каталонский банк. К тому же франкистское законодательство запрещало создание новых банков, тем самым препятствуя формированию финансово-промышленного сектора в Каталонии.

Что касается буржуазии и средних классов, то в Стране Басков они пользовались значительно меньшим влиянием, чем в Каталонии. Дело в том, что экономика Страны Басков, связанная с банками «Бильбао» и «Бискайя», отличалась высокой степенью монополизации и вертикальной интеграции. Она концентрировалась вокруг черной металлургии, которая в 1955 г. давала 29% ВВП Страны Басков (с. 161). «Альтос Орнос де Бискайя», ведущий концерн Испании по производству продукции черной металлургии был собственником и акционером 11 компаний, которые снабжали его сырьем. Одновременно это предприятие являлось собственником и главным акционером 19 компаний, производивших продукцию из его стали. Таким образом, развитие капитализма в Стране Басков зависело от крупнейших банков и промышленных компаний, руководителями которых являлись люди, лояльные франкистскому режиму. Высокий уровень концентрации капитала ограничивал свободу рук не только буржуазии, но и средних слоев, технической и гуманитарной интеллигенции (инженеры, адвокаты), поскольку эти социальные группы в значительной степени зависели от рабочих мест и контрактов, предоставлявшихся крупнейшими предпринимателями.

Ситуация в Каталонии была иной. Хотя и здесь существовали крупные компании, а многие каталонцы были представлены в самых высоких сферах политики, в экономике региона не наблюдалось такой степени монополизации и вертикальной интеграции. Преобладавшие в Каталонии текстильные и торговые предприятия были раздроблены, в значительно меньшей степени зависели от банковских кредитов и были намного менее привлекательны для банковского капитала. В отличие от вертикальной, негибкой и неконкурентоспособной структуры экономики, доминировавшей в Стране Басков, Каталония имела рыночную эконо-

мику, в которой буржуазия и средние слои обладали большей свободой рук и большими возможностями противостояния диктатуре.

Росту оппозиционно-демократических настроений среди каталонской интеллигенции благоприятствовала также развитая, имеющая глубокие исторические корни система университетского образования (к примеру, Барселонский университет был основан в 1539 г.). Благодаря этой системе здесь сложился слой интеллектуалов, влиявших на формирование национального самосознания. Каталонское студенчество включало представителей различных социальных слоев и проникалось антифранкистскими настроениями. Напротив, в Стране Басков существовал единственный университет Дегусто – частное учебное заведение, принадлежавшее ордену иезуитов и малопригодное для развития оппозиционных настроений.

Сказанное объясняет пассивность в годы франкизма основной массы буржуазии и средних слоев Страны Басков и заметно большую их активность в Каталонии. В подтверждение этого можно привести, в числе прочего, следующий пример. В Каталонии в 1964–1974 гг. штрафы на издания, критиковавшие политическую систему, налагались 44 раза, тогда как в Стране Басков – только восемь раз (с. 226). Показательно также, что в 1991 г. 37% опрошенных басков согласились с тем, что их «высшие классы поддерживали франкистский режим в ущерб интересам региона». Среди каталонцев таким образом оценили позицию своего высшего класса в период франкизма всего 15% (с. 227).

Знаменательно, что в обоих регионах действовали радикальные национал-сепаратистские организации: в Стране Басков – ЭТА, в Каталонии – Национальный фронт Каталонии. На этапе демократизации в Каталонии появились еще две террористические национал-сепаратистские организации – Фронт освобождения Каталонии и «Терра Ллиуре». Их программа и тактика напоминали те, которые были характерны для ЭТА. Однако, в отличие от последней, каталонские сепаратисты столкнулись с нехваткой людских и экономических ресурсов и не нашли широкой общественной поддержки.

Почему же националистический радикализм получил значительно большее распространение в Стране Басков, чем в Каталонии? Объяснением в данном случае не могут служить, по мнению автора, ни репрессии франкистского режима, ни социально-экономические условия существования населения (примерно одинаковые в обоих регионах). Основной причиной Х.Диес Медрано считает место, которое занимали национал-сепаратистские организации в оппозиционном движении обоих регионов.

В Каталонии оппозиция была многочисленной и объединяла разнородные организации — от католических до марксистских. Люди могли выбрать организацию, наиболее близкую им в идейно-политическом отношении. В этой обстановке сепаратистские организации были «обречены» на конкуренцию со множеством других и проигрывали им по популярности среди населения.

Напротив, ЭТА в Стране Басков, в условиях пассивности основной массы буржуазии и мелкобуржуазных слоев, была единственной влиятельной оппозиционной организацией, ставшей решающей силой и символом антифранкистского сопротивления. Ее поддерживали и люди, вовсе не являвшиеся сторонниками насилия и не стремившиеся к отделению Страны Басков от Испании. Просто в ЭТА они видели силу, способную сыграть важную роль в расшатывании и ликвидации франкизма.

В последние годы существования диктатуры ситуация в оппозиционном движении Страны Басков начала меняться. Сформировались или обрели «второе дыхание» партии и организации, занимавшие более умеренные позиции, чем ЭТА, боровшиеся за автономию, а не за независимость региона и стоявшие на позициях защиты капитализма. Многие баски, прежде поддерживавшие ЭТА из-за ее монопольного положения единственной оппозиционной силы, пополнили теперь массовую базу более умеренных сил.

В их лагере главенствовала историческая Баскская националистическая партия, многие годы, по существу, бездействовавшая. Ее возрождение, связанное с экономическим подъемом 60-х — начала 70-х годов, свидетельствовало об активизации в Стране Басков среднего класса, росте экономического и политического влияния местных предпринимателей. В политико-идеологических построениях БНП на смену традиционалистскому национализму пришел национализм буржуазный.

Таким образом, в регионе сформировались две разновидности национализма — умеренный, представленный БНП, и радикальный в лице ЭТА. При этом программные установки обеих организаций в ряде аспектов совпадали. В отличие от Сабино Арана, делавшего в своей трактовке национализма упор на «чистоту расы» и религию, БНП и ЭТА придавали решающее значение развитию баскского языка. Обе организации не считали иммигрантов угрозой для «чистоты баскской расы», как полагал Арана. Последние, по мнению радикальных и умеренных националистов, представляли опасность только для культуры басков, причем лишь тогда, когда они «не ассимилировались» (с. 174). Вместе с тем примечательно, что ЭТА, поддерживая лояльные отношения с умеренными на-

ционалистами, рассматривала высший слой местной элиты, влившийся в правящий класс Испании, как врага баскского народа.

Несмотря на усиление умеренных националистов, их радикальное крыло продолжало играть важную роль в жизни баскского общества и на этапе демократизации, опережая по степени электоральной поддержки сепаратистские силы Каталонии. Хотя в Стране Басков доминировали БНП и ИСРП, собиравшие на всеобщих парламентских выборах от 28 до 48% голосов, от 9 до 13% избирателей региона поддерживали «Эрри Батасуна», политическое крыло ЭТА. В Каталонии же на всеобщих и региональных выборах побеждали, соответственно, Социалистическая партия Каталонии – региональное отделение ИСРП и умеренные националисты в лице коалиции «Конвергенция и Союз». Вместе с тем «Эскерра Републикана» – также сепаратистская партия, но более умеренная и прокапиталистическая, чем «Эрри Батасуна», не могла привлечь более 6% электората.

Существенное отличие баскской ситуации на этапе демократического развития Испании состоит также в большем отторжении местным обществом испанской идентичности, чем в Каталонии. Любопытно, что еще в 1969 г., наоборот, баски в меньшей степени идентифицировали себя со своим регионом, чем каталонцы. Только 36% респондентов считали себя басками (а не испанцами или испанцами и басками одновременно), в то время как среди каталонцев доля подобных ответов составляла 42%. В то же время 32% жителей Страны Басков не считали себя басками, тогда как среди населения Каталонии не идентифицировали себя в качестве каталонцев всего 24%.

Однако за годы демократии в самоидентификации басков и каталонцев произошли радикальные изменения. Доля опрошенных басков, считавших себя таковыми, колебалась между 37% в 1979 г. и 24% в 1998 г. Среди каталонцев в эти же годы соответствующие цифры находились в диапазоне от 8 до 18% (с. 217).

Радикализация баскского национализма проявилась и в большей поддержке идеи независимости, более левом настрое здешних националистов. Если в 1969 г. доля каталонцев, отдававших предпочтение децентрализованной форме правления перед централизованной, составляла 48% (против 40% басков), то в 1976 г. баски в большей степени, чем каталонцы, разделяли идею независимости (9% против отсутствия таковых в Каталонии). Различия возросли к 1982 г. (25% против 8%) и сократились в дальнейшем, когда поддержка идеи независимости стала несколько большей в Каталонии и уменьшилась в Стране Басков. В 1991 г.

за независимость высказывались уже по 15% респондентов в обоих регионах. В дальнейшем, как свидетельствуют опросы, доля басков, стремящихся к независимости, вновь оказалась выше (с. 217).

Размышляя о будущем баскского и каталонского национализма, следует помнить, что существуют две фундаментальные причины, не позволяющие радикальным националистам занять доминирующие позиции в своих региональных сообществах. Во-первых, очень значительная доля населения в обоих регионах идентифицирует себя с Испанией, во-вторых, многие полагают, что достижение независимости не сулит их регионам ничего хорошего в плане экономического благополучия. Поэтому обретение басками и католонцами независимости в ближайшем будущем вряд ли возможно. Лишь серьезный экономический кризис или крах государственных институтов могут дать толчок в этом направлении. Хотя по мере того, как происходит процесс европейской интеграции торговая зависимость обоих регионов от Испании уменьшается, торговля — отнюдь не единственная нить, связывающая их с Мадридом. К тому же политическая интеграция Европы не прогрессирует столь же быстрыми темпами, как экономическая. Можно предположить, что делая выбор между процветанием в децентрализованной Испании и риском экономического и политического упадка при обретении независимости, баски и каталонцы предпочтут первое.

Разумеется, не все люди принимают решения, основываясь исключительно на экономических критериях. Прогнозирование перспектив националистических сил требует также учета того, до какой степени жители Страны Басков и Каталонии ощущают себя испанцами. Уже говорилось, что лишь не слишком значительное меньшинство тех и других идентифицируют себя исключительно как басков или каталонцев. Однако массовое присутствие иммигрантов из других регионов Испании позволяет предположить возможность роста националистических настроений в будущем. Речь при этом идет не об укреплении сепаратистских тенденций, а об усилении националистических партий в обоих регионах.

В политологии существует точка зрения, в соответствии с которой децентрализованные структуры — политические и административные — зачастую усиливают эмоциональную идентификацию людей с автономными сообществами и мало способствуют укреплению их связей в общегосударственном масштабе. Это объясняется тем, что население автономных сообществ в растущей степени зависит от благ и услуг, предоставляемых на местном уровне. Именно так происходит в Испании, где после принятия Конституции 1978 г. поддержка региональных

партий возрастает, даже несмотря на «искусственный» характер большинства недавно созданных автономных сообществ. Следует ожидать постепенного усиления националистической самоидентификации части населения в Стране Басков и Каталонии.

В заключении автор подчеркивает своеобразие испанской ситуации. Региональная децентрализация была необходима, чтобы смягчить национальные конфликты, однако в долгосрочной перспективе она усиливает национализм. Развитие последнего совсем не обязательно ведет к сепаратизму, но делает государственное единство достаточно хрупким. В этой обстановке экономические и политические кризисы общенационального масштаба способны в определенный момент спровоцировать распад государства.

Что же касается принципиальной разницы между баскским и каталонским национализмом, то нет оснований полагать, что в ближайшем будущем она исчезнет. Отсутствуют признаки того, что поддержка организаций, борющихся за независимость Страны Басков, сократится, а поддерживающих независимость Каталонии возрастет. Причина — в том, что при отсутствии социально-политических катаклизмов политические культуры изменяются крайне медленными темпами.

**И. САНЧЕС-КУЭНКА
ЭТА ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА.
СТРАТЕГИИ ТЕРРОРИЗМА**

**SANCHES-CUENCA I.
ETA contra el Estado.
Las estrategias del terrorismo. —
Barcelona: Tusquets editores, 2001. — 271 p.**

В монографии испанского политолога Игнасио Санчес-Куэнки анализируются основные этапы деятельности баскской террористической организации ЭТА, рассматриваются ее взаимоотношения с представителями государственной власти, воссоздается социально-психологический облик террористов.

ЭТА — главная аномалия испанской демократии. Ее действия известны более, чем достаточно — свыше 800 убитых, 2 тыс. раненых и десятки похищенных. К этому следует добавить целые семьи, вынужденные покинуть Страну Басков, предпринимателей и мелких торговцев, с которых взимается революционный налог, и множество людей, которым угрожают террористы, — политиков, журналистов, судей, профессоров. Если в 90-е годы в списке главных проблем Испании значились безработица, потребление наркотиков и незащищенность личности, то в 2000 г. на первое место выдвинулся терроризм.

Как это ни удивительно, несмотря на важность проблемы, феномен ЭТА изучен очень слабо. Разумеется, публикаций об этой организации много, однако большинство из них носят описательный характер. Их авторы — журналисты, которые больше озабочены распространением малоизвестных фактов, чем политическим анализом.

При исследовании деятельности ЭТА встает множество проблем. Можно ли утверждать, что в ее действиях присутствует логика? И если да, то рациональна ли логика, направленная на достижение цели, или это бессмысленные действия психопатов, систематически практикую-

ших убийства? ЭТА – в большей степени организация мафиозная или политическая? Какие цели преследуют террористы? Политические ли это цели?

Всегда ли ЭТА придерживалась одной и той же стратегии для достижения своих целей? Можно ли выделить на протяжении ее существования различные стратегические этапы? Стремилась ли она во время перехода Испании к демократии спровоцировать государственный переворот? Почему она убивала прежде всего полицейских и военных? Почему начиная с 90-х годов ее жертвами становятся и политики? Почему ЭТА не закладывает бомбы в колледжи и не атакует приезжающих в Испанию туристов? Почему в 1998 г. стало возможным перемирие между властями и ЭТА? Должно ли правительство вступить в диалог с террористической организацией или более эффективна позиция полной неуступчивости к ее требованиям?

ЭТА – рациональный актор, ее политическая цель – независимость Страны Басков. Ее действия, какими бы чудовишными они ни казались, обладают определенной логикой – посредством террора добиться отделения Страны Басков от Испании.

Между тем террористов нередко считают психопатами. Действительно, многим из них после посещения психиатра поставили бы диагноз «расстроенная психика». Показательны в этой связи выдержки из письма террориста, арестованного в Севилье за убийство представителя власти и его жены. «Я слежу за всеми сообщениями об акции в Севилье. Мне доставляет удовольствие видеть искаженные болью лица пострадавших... Акция «накормила» меня на месяц вперед. Отлично!» (с. 29).

Действия такого рода (телефонные звонки с оскорблениями после покушения жертвы членам семьи, осквернения могил убитых) носят патологический характер. Казалось бы, террористы способны убить любого, однако они не убивают националистов, священников, друзей и родственников. В приведенном выше письме автор не только восхищается убийством в Севилье, но и одновременно выражает обеспокоенность состоянием здоровья матери своего адресата. Существенно также, что есть множество примеров того, как террористы, отойдя от вооруженной борьбы, начинают вести нормальную жизнь. «Если бы ЭТА была прибежищем психопатов, ее члены, покинув организацию, продолжали бы убивать или продемонстрировали бы другие образцы своего психического расстройтва» (с. 29).

«Патологический момент» в действиях террористов – следствие, а не причина их идеологического фанатизма. Последний состоит в том,

что определенным целям (политическим, религиозным) придается непомерное значение, в то время как другие становятся второстепенными. Более того, «существует только одна цель, которой полностью подчиняется жизнь человека. У большинства людей в жизни много целей, и они стремятся достичь равновесия между ними. Напротив, террорист одержим одной целью» (с. 30). В ЭТА всегда присутствовал фанатизм. Убийства, в том числе бывших соратников, никогда не вызывали споров внутри организации.

Один из самых больших успехов террористов на этапе демократизации состоял в создании «общества внутри общества» — самодостаточной идеологической среды, развивающейся в соответствии с указаниями руководства ЭТА. Лидеры организации навязывают структурам, входящим в комплекс ЭТА, и ее членам, свое видение проблем, далекое от реальности. Разумеется, условия подполья не исключают для членов ЭТА и родственных организаций возможности читать газеты, смотреть телевизор и слушать радио. Однако альтернативные источники информации не оказывают на них влияния. Непререкаемая истина для них состоит в том, что «Страна Басков — покоренная территория без демократии и свобод» (цит. по: с. 32). Террористы и их сторонники не доверяют «вражеским» СМИ, считая, что последние лишь манипулируют фактами и искажают их. Идейные контакты этаровцев ограничиваются людьми, разделяющими сходные взгляды, что только укрепляет их в собственных убеждениях.

Процедура принятия решений в ЭТА носит строго централизованный и иерархический характер. Они принимаются руководящим ядром, массовая база беспрекословно подчиняется его решениям. Отбор руководителей осуществляется таким образом, что в правящую верхушку входят только «непримиримые», выступающие за продолжение террористической борьбы с государством. Сторонники «мягкой» линии либо выходят из организации, либо молчат, зная, что их протест будет подавлен руководством.

Есть немало случаев, когда члены ЭТА осознают бесперспективность вооруженной борьбы с государством. Открытому проявлению недовольства предшествуют сомнения, нарастающие в сознании индивида. Отречение от вооруженной борьбы происходит после долгого периода бездействия, когда члены организации находятся в тюрьме или в изгнании. Дистанцирование от ЭТА позволяет человеку оценить свою деятельность и роль более реалистично. Отказ (полный или частичный) от вооруженной борьбы чаще всего объясняется не моральными соображе-

ниями — противозаконностью убийств во имя достижения независимости Страны Басков, а скорее чисто прагматическими — неспособностью ЭТА разгромить государство. Один из этаровцев, оказавшийся в тюрьме, писал: «Не знаю, осознается ли это, но рано или поздно все мы окажемся в тюрьме. Война для ЭТА проиграна, выхода нет. Нелегальная, подпольная, террористическая организация никогда ничего не добьется путем вооруженной борьбы против испанского государства, интегрированного в Европу...» (цит. по: с. 165).

Показательна и реакция на убийство в июле 1997 г. муниципального советника Мигеля Анхеля Бланко из небольшого баскского городка Эрмуа. Он был простым чиновником, единственная вина которого состояла в принадлежности к правящей партии. ЭТА потребовала в обмен на жизнь заложника перевести 400 баскских террористов из испанских тюрем в Страну Басков. Правительство на шантаж не пошло. Бессмысленность и жестокость убийства потрясли всю Испанию, вызвав массовые манифестации. Шесть влиятельных членов ЭТА потребовали от руководства прекратить подобную практику. В их совместном документе отмечалось: «Мы все более ясно сознаем, что вооруженная борьба превратила организацию в препятствие для достижения единства басков, а также для достижения большей степени самоуправления и объединения усилий для более эффективного осуществления самоопределения. Политическая и военная цена вооруженной борьбы очень высока: отсутствие атмосферы разрядки превращается в непреодолимое препятствие для достижения политических решений путем переговоров. Вооруженная борьба ЭТА отвергается и осуждается в последнее время подавляющим большинством нашего народа» (цит. по: с. 168).

Вместе с тем открытые проявления недовольства политикой организации со стороны ее членов — дело крайне редкое. Руководство ЭТА пресекает любую критику в свой адрес. По словам одного из членов организации, «позиция руководителей в случаях неподчинения отличается жестокостью: во-первых, следует предупреждение, если неподчинение не прекращается, предупреждение превращается в приказ; если же мятежник в очередной раз не подчиняется, организация “арестовывает” его и это — худшее, что может произойти. Диссидента со связанными руками и с завязанными глазами ставят в камеру или колодец и держат там до тех пор, пока не пройдет его “воинственный пыл”, который заставил его встать и не подчиняться» (цит. по: с. 171).

Критически относящиеся к продолжению террористических акций этаровцы чаще всего публично об этом не заявляют из-за боязни под-

вернуться репрессиям. Ситуация может сложиться так, что сторонниками продолжения террора будет лишь меньшинство, состоящее из самых непримиримых. Невозможность сформировать внутри организации оппозиционную группу гарантирует экстремистам абсолютный и неограниченный по срокам контроль над членской массой. Ключ к пониманию положения в ЭТА состоит именно в этом: «порог сопротивления» руководителей организации выше, чем ее членов. Неограниченная власть руководства обуславливает то, что ЭТА практически не реагирует на импульсы, идущие извне. Возможно, если бы существовал какой-либо демократический механизм обсуждения решений, она прекратила бы свою деятельность. Отсутствие демократических норм внутри организации — важнейшее условие для продолжения террористических акций.

Неоднозначен по своим последствиям разрыв отдельных боевиков с ЭТА. С одной стороны, их выход, бесспорно, ослабляет организацию и способен усилить сходные настроения среди тех ее членов, которые находятся в заключении. К тому же бывшие активисты ЭТА, возвратившиеся к нормальной жизни, публично заявляют о своих разногласиях с ее руководством. Такого рода заявления от людей, знающих ситуацию «изнутри», наносят удар по имиджу ЭТА и болезненно воспринимаются этаровцами. С другой стороны, выход из организации укрепляет механизм отбора, в результате которого в ней остаются самые непримиримые.

Иногда ЭТА жестоко карает вышедших из нее. Так, в 1976 г. от рук бывших соратников погиб исторический лидер ЭТА Морено Бергачере. Хорошо известна и трагическая судьба Марии Долорес Гонсалес Катарайн, входившей в руководство организации. Живя в изгнании в Мексике, в отдалении от арены террористических действий, она решила отказаться от дальнейшего участия в деятельности ЭТА. В 1986 г. она возвратилась в Испанию и поселилась в своей родной деревне. В том же году боевики застрелили ее на глазах трехлетнего сына. Похожая история произошла в 1984 г. с Мигелем Солауна, который не только покинул ряды ЭТА, но и был обвинен ею в сотрудничестве с полицией. Своего рода крайний случай фанатизма — история Рамона Баглието, убитого в 1980 г. 18-летним боевиком, которому сам Баглието спас жизнь, когда тот был еще ребенком во время несчастного случая — наезда грузовика, стоившего жизни его матери и брату. Сам боевик, по его словам, никогда не знал, что Баглието спас ему жизнь. Но если бы он это знал, то «поступил бы точно так же, ибо совершил убийство “по исторической необходимости”» (с. 31).

Однако, несмотря на запугивания, десятки боевиков покинули организацию. Только в период 1983–1986 гг. имели место 140 подобных случаев. Чаще всего руководство ЭТА не карает отступников. Как уже говорилось, выход из организации используется для укрепления господства в ней непримиримых.

Испанские власти поощряют практику выхода боевиков из ЭТА и включения их в нормальную повседневную жизнь («reinsercion»). Эта политика была применена в отношении самораспустившегося военно-политического крыла ЭТА. Отношение властей к проблеме делает покаяние привлекательным для некоторых этаровцев. Согласно существующей статистике, бывшие члены ЭТА, включившиеся в нормальную повседневную жизнь, никогда не возвращаются к террористической деятельности. Для ослабления влияния организации на ее членов испанские власти после провала переговоров с ЭТА в Алжире (апрель 1989 г.) начали распределять заключенных боевиков по тюрьмам на всей территории страны. Противодействуя этой политике, ЭТА совершила многочисленные покушения на служащих тюрем.

Распространено мнение, что цели, которые преследует ЭТА, никак не связаны с политикой. Согласно одной из точек зрения, боевики убивают, чтобы зарабатывать деньги, и их действия не отличаются от действий мафиози. Однако терроризм — это достаточно рискованный способ обогащения. По имеющимся данным, активная деятельность террористов продолжается всего 33 месяца, т.е. менее трех лет. Вот как сложилась судьба 200 боевиков ЭТА в 1978–1996 гг.: 19% умерли насильственной смертью, 52% были арестованы, 29% находились «в бегах» (с. 38). Боевики не живут в особой роскоши. Для тех, кто хочет жить безбедно, вступление в ЭТА — не самое разумное решение. Конечно, в ее действиях присутствует очевидный мафиозный компонент — взимание так называемого «революционного налога» и осуществление экономических конфискации, но это вовсе не составляет смысл ее деятельности.

Существует и другое мнение, также отрицающее связь между целями ЭТА и политикой. Боевики будто бы стремятся прежде всего к тому, чтобы обрести в глазах населения Страны Басков ореол «героев», «борцов», жертвующих собой и заслуживающих восхищения тех, кто не способен решиться на подобные действия. «Мистика борца, восставшего против угнетателей, заставляет многих вступать в ЭТА» (с. 39). Между тем репутация «героя» приобретает лишь в том случае, если террорист борется за независимость своего народа. Если же в нем видят того, кто стремится только к славе, то его возможности стать героем сомнитель-

ны. Хотя перспектива обрести социальный престиж делает вступление в ЭТА весьма привлекательным, это не главная мотивация террористов по сравнению с более глубокими политическими причинами.

Те, кто отрицает политические мотивы в деятельности ЭТА, утверждают также, что цель террора — поддержание и сохранение организации. «Инструментальное насилие», предназначенное для достижения политических целей ЭТА, «постепенно заменяется «насилием идентификационным», которое осуществляется не во имя достижения конкретных результатов, а для поддержания сплоченности радикальных националистов» (с. 41). Цель (независимость) становится средством, в то время как средство (вооруженная борьба) превращается в цель.

Однако это утверждение вызывает возражения. «Организация может выжить лишь тогда, когда не ориентируется только на выживание... Организация, члены которой убеждены, что их цели никогда не осуществляются, что бы они ни делали, не сможет существовать длительное время, ибо потеряет социальную опору... Пусть надежды добиться независимости очень невелики, но они все-таки не равны нулю; пока существует небольшая возможность добиться независимости посредством вооруженной борьбы, организация сможет существовать» (цит. по: с. 45).

Существует также точка зрения, что насилие этаровцев — своего рода ритуал, необходимый для самоутверждения баскского радикального национализма. Однако если встать на эту позицию, то трудно понять, почему ЭТА, как свидетельствуют многочисленные документы, стремится усовершенствовать методы своей борьбы, почему ее члены обсуждают различные стратегии борьбы, выбор жертв, перспективы сотрудничества с разными политическими силами, особенности политической конъюнктуры.

Многие люди считают, что действия террористов были оправданы до определенного момента. Рубежом стали — здесь точки зрения расходятся — либо первые демократические выборы 1977 г., либо одобрение Конституции в 1978 г., либо принятие автономного Статуса Страны Басков в 1979 г. Прежде, по мнению этих людей, боровшиеся против франкистской диктатуры этаровцы не были психопатами или мафиози. Однако обстоятельства изменились. Амнистия, предоставленная всем террористам, конституирование в Испании демократического режима, широкая автономия, которую получила Страна Басков, исключают какое-либо оправдание террористической деятельности. Ныне большинство населения действия террористов кажутся чудовищными. Люди по-

лагают, что ЭТА превратилась в мафиозную организацию и действует в силу организационной инерции, ее члены не воспринимают всерьез возможность достичь своих целей.

Знаменательно, что сами этаровцы с их бредово-фантастическим восприятием реальности не придают происшедшим изменениям серьезного значения. Они рассматривают свою кровавую борьбу как форму «справедливой войны», утверждая, что борются против колониального вторжения в Страну Басков и ее угнетателей. В интервью немецкому телевидению 12 апреля 1994 г. члены организации заявили: «Испанское государство подавляет нашу нацию и не признает наших прав. Поэтому у нас те же основания для продолжения борьбы, что и двадцать лет назад» (цит. по: с. 46–47).

В 70–80-х годах основным объектом покушений ЭТА были военные. Принимая во внимание это обстоятельство, многие полагают, что ЭТА предпочитает репрессивный режим демократическому, ибо в условиях диктатуры проще осуществлять стратегию акция–репрессия–акция. К тому же для террористов якобы «чем хуже, тем лучше». В соответствии с данной точкой зрения, ЭТА в настоящее время стремится спровоцировать правительство правящей в Испании Народной партии на принятие репрессивных мер и вызвать кровавую конфронтацию в Стране Басков.

Не ясно, однако, каким образом ЭТА может выиграть от ухудшения политической обстановки в Испании и Стране Басков. Укрепив легитимность организации в глазах потенциальных последователей, ситуация «чем хуже, тем лучше» вместе с тем означала бы потерю «благополучия» и «удобств», вынудила бы террористов действовать в более неблагоприятной обстановке.

24 февраля 1981 г., на следующий день после попытки осуществления в Испании военного переворота в «Zutabe», бюллетене ЭТА для внутреннего пользования, отмечалось, что «организация всегда ясно давала понять, что в ее намерения не входит создавать безнадежные и неконтролируемые ситуации. Мы стремимся беречь силы и не заставлять страдать как весь баскский народ, так и членов организации» (цит. по: с. 68–69). Разумеется, слова ЭТА могут предназначаться лишь для публики и не отражать ее истинных целей. И все же существует очень убедительный аргумент, свидетельствующий о том, что смысл покушений ЭТА — отнюдь не провоцирование военного переворота. Этот аргумент — стратегическая последовательность действий ЭТА. Даже после попытки военного переворота 1981 г., несмотря на то, что угроза его повторения

становилась все менее вероятной, ЭТА продолжала убивать военных и полицейских. Последовательность в выборе жертв из числа служащих аппарата обороны и безопасности имела смысл только в рамках общей стратегии осуществлявшейся тогда войны на истощение с государством. ЭТА убивала, чтобы убедить власти, что покушения прекратятся лишь после признания независимости Страны Басков. Речь шла о логике «накопления жертв», свойственной войне на истощение: убивать до тех пор, пока государство не перестанет сопротивляться требованиям террористов.

Своим врагом ЭТА называла «испанскую буржуазию», вне зависимости от того, доминировали ли в политических кругах реформисты или инволюционисты. Этаровцы стремились убедить ту или иную из этих фракций принять их требования во имя сохранения общественного порядка. Террористов беспокоила не форма правления в Испании. Они стремились к тому, чтобы испанское государство, будь оно демократическим или диктаторским, понесло бы такое количество жертв, которое заставило бы его предоставить независимость Стране Басков.

Хотя ЭТА подчеркивает свою приверженность социалистической идеологии, этот мотив, по мнению автора, не может сравниться по значению с задачей обретения независимости. «В действительности террористов волнует лишь проблема обретения собственного государства. Создание последнего по образцу Албании времен Энвера Ходжи, вероятно, принесет удовлетворение части этаровцев, но это не главное. В необходимый момент ЭТА, безусловно, отбросит левацкую риторику, чтобы обрести независимость» (цит. по: с. 48).

Что представляет собой ЭТА? Это очень сложный конгломерат различных структур, гибкий, с изменчивой конфигурацией. В 1975—1998 гг. весь этот конгломерат назывался КАС (Баскская социалистическая координация). После того, как КАС в ноябре 1998 г. была поставлена вне закона, ее сетевая структура возродилась в 1999 г. под названием ЭКИН. КАС-ЭКИН, руководимая ЭТА, объединяет, в частности, молодежные (Харраи) и женские организации, партии (Эрри Батасуна), профсоюзы. В ее орбите — ряд средств массовой информации, центры обучения баскскому языку. Связи между этими структурами, а также сложные формы их финансирования изучены явно недостаточно.

Образованная в 1959 г. ЭТА заявила о себе как патриотическая, неполитическая и неконфессиональная организация, главная цель которой — «спасение баскской сущности» и «самоопределение Родины» (с. 51). Вскоре националистическую идеологию организации дополнили

различные социалистические и марксистские идеи. На своей третьей Ассамблее (апрель—май 1964 г.) ЭТА определила себя как «революционную организацию, созданную по образцу антиколониальных движений национального освобождения в странах «третьего мира» (с. 51).

С момента образования вплоть до перехода Испании к демократии в ЭТА происходили напряженные дискуссии вокруг стратегии антифранкистской борьбы. Основное противоборство развернулось, с одной стороны, между националистическими тенденциями и социалистическими и «оберристскими» (от исп. *obrero* — рабочий) — с другой. Если речь шла о репрессивной природе франкизма, то «необходимо было единство действий трудящихся всей Испании; если же дело касалось подавления франкизмом национальных меньшинств, то решение было необходимо принимать исключительно в рамках Страны Басков. Иными словами, цели ЭТА могли быть выражены в понятиях либо антиколониальной, либо классовой борьбы. Так как ни одна из этих альтернатив не соответствовала местным реалиям (Страна Басков не колония, а национальные интересы не сводятся к борьбе классов), а ЭТА была неспособна к созданию оригинальной теории, в террористической организации на протяжении 60—70-х годов происходили расколы. Различные группы ориентировались на одну из двух альтернатив (колониализм — классовая борьба)» (с. 52). Дилемма разрешилась в пользу революционных националистов, утверждавших, что Страна Басков — территория, оккупированная Испанией, должна быть освобождена от страны-агрессора (с. 53).

Стремясь распространить свое влияние на все стороны жизни баскского общества, ЭТА создала несколько «фронтов» (групп): политический, экономический, культурный и военный. Позднее к ним прибавился «рабочий фронт».

ЭТА пережила ряд расколов. Серьезное значение имел, в частности, раскол, происшедший в 1974 г. и приведший к образованию двух фракций — военной и военно-политической. «Яблоком раздора» стало отношение к демократизации Испании. Военно-политическая фракция решила поддержать этот процесс. Поддержка эта, правда, была очень непоследовательной: фракция то возобновляла, то прекращала борьбу. Однако в 1982 г. члены фракции объявили о самороспуске. Военная же фракция — сегодняшняя ЭТА — осталась на непримиримых позициях.

Впервые ЭТА кроваво заявила о себе 7 июня 1968 г. В тот день был застрелен 25-летний полицейский, совершавший обычный дорожный рейд. А спустя несколько часов один из лидеров организации полу-

чил в перестрелке смертельное ранение. Так началась кровавая многолетняя борьба баскских сепаратистов с испанским государством. Ее можно разделить на три этапа, в соответствии с теми изменениями, которые вносила ЭТА в свою стратегию: 1968–1978 гг. — курс на развертывание революционного движения против франкистских властей; 1978–1998 гг. — война на истощение с государством; 1998–2001 гг. — ориентация террористов на сотрудничество с националистическими партиями Страны Басков.

На первом этапе ЭТА полагала, что сможет развернуть в Стране Басков революционное движение, аналогичное тем, которые имели место в странах «третьего мира» и завершались освобождением от колониального гнета. Этаровцы стремились вовлечь франкистское государство в противоборство по схеме «акция — репрессия — акция». Суть плана сводилась к следующему: ЭТА, осуществив покушение, провоцирует государство на репрессии, которые усиливают поддержку организации среди населения и позволяют перейти к новым покушениям, вызывающим, в свою очередь, новую волну репрессий. Таким образом, формируется своеобразная спираль — «акция — репрессия — акция», завершающаяся революционным восстанием баскского народа.

В опубликованном в 1964 г. «Письме к интеллектуалам» говорилось: «Можно утверждать, что диктатура генерала Франко бесконечно более благотворна для нашего народа, нежели буржуазно-демократическая республика, губительная для наших стремлений, потому что она не создает той общественной напряженности, которую мы имеем сейчас и которая необходима, чтобы поднять народ на борьбу» (с. 60).

Однако, применяя свою схему борьбы, ЭТА получила от франкистского государства ряд сокрушительных ударов. В 1969 г. и 1972 г. казалось, что с ней покончено. Этаровцы осознали, что франкистское государство действует эффективнее, чем они ожидали. Вместе с тем оказалось, что пользующаяся поддержкой населения Страны Басков организация обладает значительно большей способностью к восстановлению, чем полагали франкисты. Как заявляли сами этаровцы, между «частичным поражением и ликвидацией нашей организации лежит пропасть, которую можно преодолеть, лишь уничтожив весь народ Страны Басков» (с. 61). Обе стороны поняли, что справиться друг с другом отнюдь не просто.

Постепенно ЭТА переосмыслила стратегию борьбы. В отношениях между террористами и государством (теперь уже демократическим)

начался второй этап, который сама ЭТА определила как войну на истощение. Впервые эта идея была выдвинута еще в 1975 г. политико-военным крылом ЭТА, отказавшимся от курса на повстанческие методы борьбы («идея разгрома вооруженных сил испанского государства в Стране Басков в краткосрочной перспективе нежизнеспособна»). В ее документах констатировалось: «Наиболее действенным способом борьбы представляется война на истощение, основанная на признании неспособности нанести противнику военное поражение и ставящее целью вынудить его к политическим переговорам, условия которых определяются соотношением сил» (с. 101). В 1978 г. эту идею восприняла военная ЭТА, в одном из бюллетеней которой отмечалось: «Вооруженное столкновение не ставит целью разгром противника, ибо это утопично. Речь идет о том, чтобы вынудить противника к длительной борьбе на физическое и психологическое истощение, которая заставит его уйти с нашей территории» (с. 101).

Этот этап начался в феврале 1978 г., когда военная ЭТА предъявила ряд требований испанскому государству (так называемая «Альтернатива Баскской социалистической координации» (КАС), и завершился в 1998 г. после начала бессрочного перемирия, объявленного ЭТА. В «Альтернативе КАС» выдвигались следующие требования: амнистия, предполагавшая освобождение всех политических заключенных в Стране Басков; демократические свободы; легализация всех ведущих борьбу за независимость политических партий; вывод из Страны Басков гражданской гвардии, военной полиции и других полицейских сил; принятие мер, направленных на улучшение условий жизни и труда народных масс, в частности, рабочего класса; признание баскского языка официальным и доминирующим; автономный статус региона, предусматривающий, в частности, признание национального суверенитета Страны Басков, права на самоопределение, в том числе на создание собственного независимого государства, создание баскским правительством сил гражданской обороны, подчиняющихся исключительно ему, подчинение армейских подразделений, расквартированных в регионе, исключительно местному правительству. Начиная с 1978 г. ЭТА организует убийства для оказания давления на испанское государство с тем, чтобы ему не оставалось ничего другого, как удовлетворить ее требования. При этом террористы полагали, что «Альтернатива КАС» — это программа-минимум и ее реализации недостаточно, чтобы сложить оружие. ЭТА была готова осуществлять стратегию террора даже в случае удовлетворения ее требований. «Альтернатива КАС» с некоторыми модификациями просущест-

вовала до 1995 г., когда была принята «Демократическая альтернатива». В этом документе КАС отказалась от ряда требований, имевших смысл на переходном этапе, но не 20 лет спустя. В «Демократической альтернативе» также уделялось большее внимание процессу национального строительства, осуществляемого самим баскским обществом.

Для этаровцев стратегия войны на истощение фокусируется в следующей формуле: «сопротивляться значит победить». Смысл ее состоит в том, чтобы отобрать у испанского государства монополию на насилие. Война на истощение исключает военное столкновение между двумя армиями за обладание территорией, так как ЭТА сознает, что в ситуации подобного типа немедленно будет разгромлена испанскими силами. ЭТА практикует убийства, полагая, что в какой-то момент государство решит: лучше уступить требованиям террористов, нежели арестовывать их и подвергаться их атакам. В свою очередь государство отказывается уступить ЭТА, исходя из того, что совокупность предпринимаемых против нее полицейских, военных и юридических мер заставит ее в конце концов уступить. Решающий фактор в войне на истощение — преобладание над соперником в плане способности к сопротивлению. Каждый из акторов стремится сделать ситуацию статус-кво максимально невыносимой для противника в надежде, что он первым пойдет на уступки.

Опыт ЭТА показывает, что террористическая организация всегда терпит поражение в войне на истощение. Для любого, кто исследовал проблему с минимальной объективностью, очевидно, что порог сопротивляемости у государства выше, чем у ЭТА. Для государства в такого рода конфликте слишком многое ставится на карту: ведь Страна Басков — не колония, а составная часть Испании. В то же время примечательно, что во время войны на истощение ни одна сторона не уступала другой. Обе они не уставали повторять, что их способность к сопротивлению беспредельна. ЭТА после каждого удара, нанесенного ей силами безопасности, заявляла, что государство может удержать любую территорию, но никогда не добьется ликвидации организации: всегда найдется баскский патриот, готовый занять место павшего товарища. Центральной власти, таким образом, давали понять, что ЭТА нельзя уничтожить, и центр, если он хочет прекратить волну убийств, должен предоставить Стране Басков независимость. Точно так же государство после наиболее драматических покушений повторяло, что никогда не уступит шантажу террористов. ЭТА, сколько бы убийств она ни совершила, никогда не добьется своих целей и должна распуститься. Все эти утверждения не вполне соответствуют реальности. ЭТА знает, что существует неболь-

шая вероятность добиться уступок от государства, поэтому сама не идет ни на какие уступки. Но и государство знает, что может покончить с ЭТА.

Война на истощение происходила в условиях отсутствия у соперников полноценной информации о «пороге сопротивляемости» друг друга. Этаровцам сложно оценить степень эффективности своих покушений. Известно, что психологический эффект от покушений непропорционален количеству погибших. Хотя все равны перед лицом смерти или лучше сказать, все жизни одинаково ценны, фактом остается то, что летальные исходы различаются по своим последствиям. Одно дело погибнуть в автомобильной катастрофе, а другое — от пули в затылок. Одно дело пасть жертвой уголовного преступника, а другое — погибнуть от руки террориста. «Цена» для государства в значительной степени определяется тем, как общество реагирует на покушения и какую позицию по этому вопросу занимают основные политические силы. Что же касается ЭТА, то трудно определить, как она оценивает свои потери. Это зависит от ее способности к восстановлению: поддержки в обществе, замены погибших соратников, степени фанатизма активистов.

Ведя войну на истощение, акторы ограничены в своих действиях. Государству предписываются действия исключительно в рамках закона. Безусловно, данные ограничения можно преодолеть, что, однако, рискованно и чревато непредсказуемыми последствиями. Обнаружение общественностью факта неисполнения законов государством способно вызвать серьезный политический кризис.

Действия ЭТА на первый взгляд кажутся неподвластными никаким ограничениям. Но если это так, то почему ЭТА не закладывает бомбы, например в детские сады, и не создает обстановку, которую общество может счесть нестерпимой? Или почему ЭТА не осуществляет стратегию террора в отношении иностранного туристического бизнеса? Убийства иностранцев в важных туристических центрах, подобные тем, которые имели место в Каире и Стамбуле и были делом рук исламских террористов, могли бы оказать огромное воздействие на испанское государство.

Можно выдвинуть две гипотезы, объясняющие отказ ЭТА от массовых убийств гражданского населения и покушений на иностранных туристов. Согласно первой, террористы отказываются от подобных действий, поскольку их осуществление способно оттолкнуть сторонников организации, равно как и националистически настроенные группы населения. Поскольку ЭТА нуждается в поддержке сторонников, от самых

преданных до самых колеблющихся, она, возможно, руководствуется именно этим соображением. Взрыв в торговом центре в 1987 г., в результате которого 21 человек был убит и 40 ранены, вызвал массовые протесты сторонников организации, посчитавших, что ЭТА зашла в своих действиях слишком далеко. Точно так же убийство в 1991 г. двухлетнего ребенка, сына гражданского гвардейца, вызвало протесты части боевиков.

Согласно второй гипотезе, этаровцы, несмотря на свой фанатизм, сохраняют определенные моральные критерии на предмет того, что допустимо и что недопустимо в террористической борьбе. Понимая ее как форму «справедливой войны», они не считают, что для истощения государства пригодны любые средства. Существуют методы борьбы, которые не вписываются в рамки «справедливой войны» и отвергаются.

Вероятно, одна из этих гипотез или обе верны. Вместе с тем по мере ослабления организации порог допускаемых ею ограничений в действиях снижается. В этом отношении деятельность «ранней» ЭТА разительно отличается от ее действий в наши дни. Характерен следующий пример. Накануне празднования 1 мая 1968 г. террористы заложили бомбы в разных точках Бильбао, в том числе на почтамте. Бомба здесь должна была взорваться, когда здание опустеет. Но этаровцы неожиданно обнаружили, что в здании осталась уборщица, и вернулись, чтобы обезвредить бомбу. Она взорвалась, лишив глаза и сделав на всю жизнь хромым одного из боевиков (с. 96). Между поведением такого рода и современными взрывами в торговых центрах лежит пропасть.

Прогрессирующее ослабление ЭТА побуждает ее расширять границы допустимого. Так, в 70–80-е годы основным объектом покушений боевиков были представители армии и сил безопасности. Они составляют 58% в общем списке 825 жертв ЭТА (с 1968 г. по 2000 г.). Их главенствующие позиции в этом трагическом перечне не случайны. Во-первых, в глазах ЭТА полиция и армия олицетворяют силы, оккупирующие Страну Басков. Во-вторых, ЭТА придерживается точки зрения, что военные — это истинная («фактическая») власть в Испании, а политические институты демократии — лишь оболочка, за которой скрывается военная власть. В-третьих, убийства военных и полицейских — вызов террористов государству и его монополии на насилие. Нет лучшего доказательства, что государство потеряло эту монополию, чем систематические нападения на силы правопорядка. Наконец, существует важный символический момент: атаки против полиции и военных позволяют террористам создавать у общественности впечатление, что их действия — не

терроризм, а составная часть войны между двумя «армиями», испанской и «баскской».

Во второй половине 80-х годов ЭТА начала использовать машины, начиненные взрывчаткой (так называемые «машины-бомбы»), что приводило во время покушений к гибели многих гражданских лиц (в том числе детей). Применение «машин-бомб» стало свидетельством сужения ограничений, которых первоначально придерживалась в своей деятельности ЭТА. В начале 90-х годов ослабевшая организация еще больше расширила границы допустимого. Боевики пришли к выводу, что потери государства в войне на истощение и, следовательно, эффективность их действий возрастут, если покушения будут направлены против политиков, несущих ответственность «за оккупацию Страны Басков». Эта идея впервые была озвучена еще в 1979–1980 гг. политико-военной ЭТА, боровшейся против стоявшего тогда у власти в Испании Союза демократического центра (СДЦ). Военное крыло ЭТА начинает использовать данный метод борьбы в 1995 г. В январе был убит руководитель правящей Народной партии (НП) в Стране Басков, в апреле предпринята попытка убить лидера НП Х.М.Аснара, а в августе – самого короля Хуана Карлоса. В 1996 г. в Стране Басков начался с убийства лидера ИСРП Ф.Мухики и бывшего председателя Конституционного суда Ф.Томаса и Валиенте. В 1998 г. в месяцы, предшествовавшие перемирию, боевики убили шесть человек, четыре из которых были членами НП. В 2000 г. почти половину жертв ЭТА составляли политики. Нововведения в тактике террора изменили традиционные представления о войне на истощение как столкновении между двумя «армиями». ЭТА продемонстрировала, что атакует не только государство, но также демократию и гражданское общество.

В 1992–1993 гг. государство нанесло ЭТА ряд очень чувствительных ударов. Начало им было положено арестом 29 марта 1992 г. во французском местечке Бидарт руководства организации в лице трех лидеров, – Франсиско Мухики Кармендиа (Пакито), Хосе Луиса Альвареса Сантакрестина (Тхелиса) и Хосе Арреги Эростарбе (Фиттипальди). После захвата руководителей в руки полиции попали документы, позволившие произвести многочисленные аресты членов организации и разрушить значительную часть ее инфраструктуры, в частности, фабрику по производству оружия и взрывчатых веществ.

Острый кризис, переживаемый ЭТА, ярко проявился в заметном снижении числа ее жертв в 1992–1998 гг. по сравнению с предшествующим периодом. Это очень важный показатель, потому что, как уже отмечалось, организация выживает благодаря способности убивать.

В газете «Эль Паис» в августе 1992 г. был опубликован документ ЭТА, написанный 19 апреля, спустя 15 дней после ареста ее руководства, и пронизанный пораженческими настроениями. В частности, в нем откровенно признавалось, что в сложившихся условиях невозможно добиться, чтобы государство первым прекратило войну на истощение (с. 181).

В 1993–1994 гг. действия ослабевшей ЭТА заметно радикализировались. На вооружение была взята стратегия деполитизации, ставившая целью вызвать в стране политический кризис, используя трудности, с которыми столкнулось в это время правительство ИСРП, в частности, коррупционные скандалы. Под прицелом ЭТА оказались теперь, как уже отмечалось, не только военные и полицейские, но и политики. Покушения на них были легко осуществимы и имели потрясающий эффект в обществе.

Свое ослабление как организация ЭТА компенсировала поддерживая борьбу на улицах баскских городов (так называемую «кале барокко»), которую вела ее молодежная организация Харраи. Молодые люди из Харраи, выходя на улицы, поджигали автомобили, громили здания банков и офисы политических партий с целью создать обстановку страха и неуверенности. Уличная борьба ставила своей целью напомнить Стране Басков и всей Испании, что между ЭТА и государством ведется война на истощение. Этаровцы стремились приобщить к этой войне как можно большее число людей с тем, чтобы они оказали давление на государство и вынудили его пойти на уступки террористам. Кроме того, создание атмосферы страха среди населения должно было, по мысли этаровцев, заставить людей отказаться от выражения протеста против действий ЭТА.

Уличная борьба началась с конца 80-х годов и носила преимущественно оборонительный характер, возникая как реакция на появление полиции на манифестациях и других мероприятиях Харраи. Когда же ЭТА в 1994–1995 гг. возглавила уличную борьбу, последняя стала использоваться в наступательных целях для создания всякого рода беспорядков вне зависимости от присутствия полиции.

По данным гражданской гвардии, в 1987–1994 гг. происходило примерно 300 актов уличной борьбы в год. В последующие годы это число резко возросло, что стало прямым следствием стратегии дестабилизации. Так, если в 1993 и 1994 гг. число акций составляло соответственно 416 и 287, то в 1995 г. оно возросло до 924, в 1996 г. составило 1135 (максимальное число), а в 1997 г. — 971. В 1998 г., когда между прави-

тельством и ЭТА состоялось перемирие, их количество сократилось до 489 (с. 185).

В ходе войны на истощение происходили не только убийства и задержание террористов полицией. Между государством и ЭТА имели место многочисленные контакты, диалоги, переговоры. Террористы — не просто уголовные преступники, с которыми государство непосредственно никогда не общается, а группа, имеющая определенное политическое значение. Признание — в определенном смысле, которым пользуются террористы, усиливает их позиции и поддержку в обществе.

Испанское правительство называет свои контакты с ЭТА «измерением температуры». Речь идет о том, чтобы убедиться, «созрела» ли ЭТА для прекращения вооруженной борьбы в обмен на уступки в плане смягчения наказания. Рафаэль Вера, занимавший некоторое время пост министра внутренних дел в правительстве ИСРП и главное действующее лицо в большинстве переговоров с ЭТА, заметил: «Министр внутренних дел обязан быть информированным о том, что происходит с ЭТА и ее окружением. Важно знать о ее планах, психологическом состоянии, равно как и обладать информацией об уровне ее боеспособности. Это “измерение температуры” очень важно» (с. 114).

Контакты с ЭТА преследуют и другую цель — стимулировать разногласия в стане террористов, поскольку предложение о переговорах становится своего рода фильтром, отделяющим сторонников «мягкой линии» от непримиримых. Между обоими лагерями возникает напряженность и усиливается противостояние.

Вместе с тем посредством контактов делается попытка достичь перемирия или, в худшем случае, негласного прекращения террористических действий. Выгоды для властей от перемирия могут быть различными. Оно призвано успокоить общество, страдающее от терроризма. По логике властей, общественное спокойствие отразится на электоральных результатах. И еще одно соображение в пользу перемирия: чем дольше ЭТА будет воздерживаться от террора, тем меньше у нее будет возможностей для сплочения радикально-националистических сил, группирующихся вокруг нее и гарантирующих ее выживание.

Следует иметь в виду, что любое демократическое правительство испытывает желание «поэкспериментировать» с антитеррористической политикой, если надеется покончить с ее помощью с проблемой терроризма. Правительство, которое решит эту проблему, бесспорно, добьется триумфа и в электоральном плане, и в плане последующего упрочения политического имиджа. Поэтому испанские власти никогда не отказы-

ваются от контактов с ЭТА, если полагают, что существует хотя бы небольшая возможность покончить с терроризмом.

Первые контакты между властями и ЭТА имели место в конце 1976—1978 гг. Обсуждались проблемы амнистии и возможность перемирия. В дальнейшем взаимодействие развивалось в пульсирующем режиме, то прекращаясь, то возобновляясь. С 1984 по 1994 гг. контакты имели место постоянно, практически без перерывов. Показательно, что контакты, как правило, не афишировались сторонами.

Наиболее серьезная — и афишировавшаяся — попытка достичь определенного результата была предпринята в Алжире в ноябре 1986—апреле 1989 г. Правительство ИСРП не случайно вступило в переговоры с ЭТА именно в это время. Эффективность антитеррористической деятельности заметно возросла. Испанские силы безопасности, начав действовать в координации с французскими коллегами, лишили ЭТА былых возможностей безнаказанно действовать на территории этой страны. Была арестована большая часть представителей организации. Правительство ИСРП сочло, что ситуация благоприятна для начала переговоров, которые должны завершиться достойной, не слишком травмирующей ЭТА капитуляцией.

Переговоры в Алжире состояли из двух фаз. В первой (ноябрь 1986—февраль 1988 гг.) перемирие не объявлялось. В ходе второй фазы перемирие объявлялось дважды и произошло шесть официальных встреч представителей ЭТА и правительства.

Во время переговоров этаровцы продолжали свою террористическую деятельность. Некоторые из их покушений сопровождались многочисленными жертвами. В ряду покушений такого рода — уже упоминавшийся взрыв в торговом центре Барселоны (июнь 1997 г.) и взрыв бомбы в помещении гражданских гвардейцев в Сарагосе (результат 11 убитых, из них пятеро детей и 40 раненых). Действуя таким образом, ЭТА руководствовалась своей идеей о необходимости путем увеличения числа жертв усилить собственные позиции на переговорах. Единственным возможным результатом переговоров ЭТА считала выполнение властями «Альтернативы КАС». Один из участников покушения в Сарагосе заявил, что его группой был получен приказ «взорвать казарму, чтобы выступать на переговорах с позиции силы».

Тем не менее правительство ИСРП не прекращало контакты с террористами. Позиция властей трактовалась ЭТА как свидетельство того, что их «порог сопротивления» снижается и еще нескольких покушений будет достаточно для реализации «Альтернативы КАС». В целом

переговоры не принесли результатов. 4 апреля 1989 г. ЭТА объявила конец перемирия, а спустя восемь дней застрелила гражданского гвардейца. Правительство, вероятно, могло бы извлечь из этих контактов с ЭТА следующий урок: переговоры бесполезны и лишь усиливают позиции боевиков.

В отличие от ИСРП Народная партия, придя в 1996 г. к власти, прервала все контакты с ЭТА. Нет сведений о том, что в 1996–1999 гг. между ними происходили какие-либо встречи. НП взяла твердый курс на изоляцию ЭТА. В 1998 г. этаровцы признали, что не обладают достаточными силами, чтобы выиграть войну на истощение и провозгласили перемирие с властями.

Поражение ЭТА объясняется рядом факторов. Во-первых, серьезными успехами полиции и гражданской гвардии, которые вкупе с достигнутыми в 1992–1993 гг., чрезвычайно ослабили позиции террористов. Настоящий переполох и панику в организации вызвало проникновение в нее полицейских агентов. Во-вторых, немалую роль сыграли судебные преследования членов ЭТА. Выделяется деятельность судьи Балтасара Гарсона, обвинившего организации, связанные с ЭТА и, в частности, ее легальное крыло Эрри Батасуну, в незаконной деятельности. Угроза стать нелегальной заставила эту партию сменить название. Она стала называться Эускал Эрритарок (ЭН). В-третьих, важную роль в поражении ЭТА сыграли массовые протесты против терроризма. Примечательно, что до наступления 90-х годов манифестации и другие выступления против ЭТА носили спорадический характер. Оставалось неясным, в какой степени баски отвергают насилие. Есть многочисленные доказательства молчаливого и безразличного отношения многих из них к преступным действиям ЭТА (которые, кстати говоря, всегда совершались от имени баскского народа). Ситуация изменилась в 90-е годы, когда молчание вокруг терроризма было нарушено. Массовые манифестации против убийств, диверсий и похищений приобрели постоянный характер. В них участвовали также прежде пассивные граждане. Теперь они выходили на улицы, преодолев свой страх. Манифестации не ограничивались Страной Басков, они проходили по всей Испании. Однако ЭТА, стремившаяся отделить свою автономную область от Испании, не обращала на выступления «небасков» никакого внимания. Если к трем названным факторам добавить четвертый, уже упоминавшийся отказ правительства от установления любых контактов с боевиками, то становится ясно, что в 1997–1998 гг. ЭТА оказалась в наиболее тяжелом положении, по крайней мере, с момента смерти Франко.

В сентябре 1998 г. ЭТА объявила о бессрочном перемирии. В истории ее взаимоотношений с государством наступил третий этап. На этом этапе этаровцы решили сменить стратегию борьбы. Потерпев поражение в войне с государством на истощение, ЭТА вместо самороспуска решила разыграть последнюю карту — наладить сотрудничество с националистическими партиями своей автономной области, которое поставило бы государство перед необходимостью признать независимость Страны Басков. Речь идет о стремлении создать чрезвычайную ситуацию, которая может реализоваться, если националистические силы разорвут все связи с «ненационалистами» и будет достигнут прогресс в деле обретения баскского суверенитета. Уже отмечалось, что еще в 1995 г. ЭТА опубликовала «Демократическую альтернативу» (ДА), которая заменила альтернативу КАС. В ДА, как и в предыдущем документе, говорилось о необходимости признания государством права басков на самоопределение, их территориального единства и предоставлении амнистии всем членам организации, находившимся в тюрьме. Вместе с тем появилось принципиальное новшество: государство должно было признать то, о чем договаряются националистические силы в Стране Басков, в том числе и не обязательно находящиеся в орбите ЭТА. Ставилась задача сочетать прежнюю практику террора с соглашениями между всеми баскскими националистами.

В плане соглашений особенно важное значение имели переговоры террористов с ведущей политической силой Страны Басков — Баскской националистической партией (БНП), многие годы занимающей здесь господствующие позиции. БНП поддерживала контакты, в одних случаях секретные, в других — открытые, с ЭТА, которые в разные годы развивались с различной степенью интенсивности. Зачастую БНП выступала своего рода посредником между ЭТА и властями, пытавшимся разблокировать ситуацию.

В 1998 г. переговоры между БНП и террористами активизировались за несколько месяцев до того, как ЭТА объявила бессрочное перемирие. Курс БНП на сближение с этаровцами допускает несколько интерпретаций:

1) БНП действовала искренне, из лучших побуждений. Она сближилась с ЭТА в надежде, что переживаемый террористами кризис заставит их сложить оружие;

2) БНП сблизилась с находившейся в трудной ситуации ЭТА, поскольку демократически настроенные националисты, по большому счету, извлекают политические дивиденды из существования терроризма;

3) БНП осознает, что создание националистического фронта возможно только тогда, когда ЭТА не имеет достаточно сил, чтобы в одиночку бороться с государством.

Автор является сторонником третьей точки зрения. Существуют общие интересы БНП и ЭТА, за которые они могут бороться, когда одной лишь террористической деятельности недостаточно для изменения статус-кво. Для ЭТА было важно, чтобы БНП разорвала все связи с общенациональными партиями Испании. Что же касается БНП, то в ее представлении лозунг независимости Страны Басков мог бы реализовываться лишь тогда, когда ЭТА заявит о прекращении огня, ибо лишь в этом случае может сформироваться подавляющее электоральное большинство националистов, способное добиться отделения автономной области от Испании. В апреле 1998 г. обе организации подписали соглашение о сотрудничестве, а в сентябре того же года так называемый «пакт Эстелла», к которому присоединились многие другие партии, профсоюзы и ассоциации автономной области. В документах говорилось, в частности, о сотрудничестве этих сил в деле построения баскской родины и защиты ее демократических прав, обязательстве БНП разорвать отношения с НП и ИСРП и намерении ЭТА объявить бессрочное перемирие (с.205-206). Если бы перед этаровцами, проигравшими войну на истощение, были только две альтернативы – отступить или не отступить, скорее всего был бы избран первый путь. Однако поворот в политике БНП – отказ от курса на развитие широкой автономии Страны Басков и переориентация на ее отделение от Испании – создал третью альтернативу, которую не предусматривала война на истощение, – союз всех националистических сил для отделения Страны Басков. Благодаря смене курса БНП ЭТА смогла прекратить войну на истощение, не потерпев полного поражения.

В своих заявлениях и интервью после заключения перемирия этаровцы подчеркивали, что достижение независимости должно быть делом рук националистических сил Страны Басков. К испанскому государству они обращались лишь с одним призывом: не чинить препятствий местным националистам. В одном из интервью руководителей ЭТА отмечалось: «Инициатива ЭТА обращена к баскскому обществу. По нашему мнению, есть условия и критическая масса для достижения независимости» (с. 213).

По существу, в политике ЭТА произошел стратегический поворот. Борьба за независимость стала осуществляться не путем террористических действий и переговоров с государством (которые подкреплялись

увеличением числа жертв), а посредством политической мобилизации всех баскских националистов. ЭТА полагала, что важным шагом к достижению независимости были бы выборы в едином округе, сформированном всеми баскскими территориями, представители которых в дальнейшем разработают конституцию, провозглашающую рождение суверенного баскского государства. В этом плане большие надежды возлагались на региональные выборы, назначенные на 25 октября 1998 г. ЭТА рассчитывала, что их результатом станет формирование последнего парламента в рамках Статуса об автономии Страны Басков и откроется новый этап конституционного развития, на котором будут предприняты шаги, необходимые для отделения региона от Испании.

Однако надежды на выборы не оправдались. Сепаратистские идеи не вызвали прилива энтузиазма в автономной области. Партии, подписавшие «пакт Эстелла», собрали 59,5% голосов, — меньше, чем в 1994 г. (64,4%). Потери понесла БНП (27,6% против 29,3% в 1994 г.) (с. 214). Результаты выборов заставили БНП занять более сдержанную и осторожную позицию по отношению к инициативам ЭТА.

Тем не менее в августе 1999 г. ЭТА обратилась к националистическим партиям Страны Басков, в частности к БНП, с требованием подписать новый пакт, обязывающий их провести конституционные выборы. Парламентарии, избранные на них, говорилось в обращении, должны возглавить процесс преобразования Страны Басков, который увенчается принятием конституции, провозглашающей ее суверенным государством (с. 216). БНП и другие националистические силы отнеслись к предложению ЭТА весьма сдержанно. Это обстоятельство убедило этаровцев в том, что перемирие потеряло смысл. Констатируя «трусость» националистических партий, они заявили 28 ноября 1999 г. о прекращении перемирия и возвращении с 3 декабря к вооруженной борьбе. Однако первое убийство произошло позже, 21 января 2000 г., когда в результате взрыва «машины-бомбы» погиб генерал-лейтенант Антонио Гарсиа Бланко. На новом этапе деятельности ЭТА больше всего жертв приходится на долю политиков.

На первый взгляд может показаться, что ЭТА решила возобновить с государством войну на истощение. Эта трактовка кажется обоснованной, если предположить, что перемирие было своего рода «ловушкой», которую ЭТА использовала, чтобы перестроить свою ослабевшую структуру, а затем, расширив список требований, спровоцировать разрыв с БНП и тем самым оправдать возобновление вооруженной борьбы. Однако данная точка зрения не вполне соответствует реальности. Хотя ЭТА

очень нуждалась в перемирии и использовала его для перестройки своей инфраструктуры, она не отказалась бы от него в случае поддержки ее идей другими националистическими силами. Перемирие не было ловушкой. ЭТА неоднократно заявляла, что речь идет не об окончательном отказе от вооруженной борьбы, а о ее прекращении в зависимости от политических успехов в рамках «пакта Эстелла».

Показательно также, что после отказа от перемирия несколько изменилась цель террористической деятельности ЭТА. Одновременно с давлением на государство нажим стал оказываться и на националистические партии в Стране Басков, хотя террористы убивают не их представителей, а политиков из НП и ИСПП — «врагов басков». По мнению этаровцев, именно националистические партии, заняв более последовательные позиции, способны изменить существующие правила игры, содействовать обретению Страной Басков суверенитета и тем самым положить конец вооруженной борьбе. Такая возможность не предусматривалась в войне на истощение, когда националисты не играли сколько-нибудь заметной роли в конфликте между ЭТА и государством.

Как может быть решена проблема ЭТА? При ответе на этот вопрос необходимо, во-первых, занимать реалистические позиции, четко представлять себе побудительные стимулы участников конфликта и, во-вторых, оставаться на демократических позициях. Проблема не может быть решена путем отказа от действующих в демократии «правил игры».

Между тем эти два условия зачастую отсутствуют в выдвигаемых предложениях о достижении мира. Нередко в этих предложениях не уточняются интересы сторон, равно как и границы возможных уступок, из-за чего трудно определить, насколько они реалистичны и демократичны. Характерный пример — постоянные призывы к диалогу. Многие полагают, что неуступчивая позиция НП в отношении ЭТА и БНП должна быть дополнена или заменена свободным диалогом с националистами. При этом не уточняется содержание этого диалога. Создается впечатление, что сам факт переговоров позволит руководителям НП и БНП найти точки соприкосновения, которых до диалога не существовало. Однако разногласия, разделяющие НП и БНП, — результат не недоразумения или неосведомленности, а непримиримости их позиций. Верящие в чудесную силу переговоров ошибаются, предполагая, что диалог способен преодолеть глубокие различия в интересах.

Не годится и решение проблемы терроризма путем удовлетворения требований ЭТА, ибо оно означает, что меньшинство принудительно навязывает свою точку зрения большинству.

Позиция правительства Народной партии – твердость по отношению к ЭТА, отказ от уступок ей, а также противодействие националистам и, если это возможно, вытеснение их из правительства Страны Басков. Позиция НП объясняется несколькими причинами. Во-первых, есть серьезные опасения, что правительство националистов не делает всего возможного для обуздания терроризма и борьбы на улицах; во-вторых, сам факт существования националистического правительства, разделяющего те же цели, что и ЭТА, дает этаровцам надежду достичь независимости с помощью БНП; в-третьих, ненационалистическое правительство в Стране Басков может содействовать «секуляризации» образования и СМИ, лишив силы националистические мифы, которые содействовали усилению ЭТА. Наконец, потеря контроля над правительством может подтолкнуть БНП к умеренности и возвращению к поддержке прежней идеи автономного статуса Страны Басков.

Сами националисты сознают, что их новый курс на поддержку идеи независимости Страны Басков может обернуться поражением на выборах и требованиями со стороны массовой базы обновить партийное руководство. Правда, в краткосрочном плане этот сценарий не осуществился, как показали выборы в парламент Страны Басков 13 мая 2001 г. БНП в коалиции с другими националистическими силами собрала на них 42,7% голосов (в октябре 1998 г. – 36,7%). Усиление их позиций препятствует НП и ИСРП создать собственную правящую коалицию в Стране Басков.

После региональных выборов 2001 г. БНП стала уделять большее внимание защите прав жертв терроризма и уличной борьбы. Некоторые комментаторы расценили эти шаги как переход партии к умеренной линии и отказ от борьбы за независимость автономной области. Однако БНП не отказалась от идеи сецессии, просто теперь она считает себя более независимой от террористов и не подчиняется их требованиям. Инициатива в настоящее время принадлежит БНП, которая сама может определять пути и механизмы, необходимые для продвижения к независимости.

Следует подчеркнуть, что достичь независимости в соответствии с правилами, устанавливаемыми испанской Конституцией 1978 г., практически невозможно. Согласно ст. 2, Конституция основывается на неразрывном единстве испанской нации, единой и неделимой родины всех испанцев (с. 243). Реформировать эту статью крайне сложно. Для такого реформирования необходимо: одобрение пересмотренных статей более чем 2/3 голосов в обеих палатах кортесов; роспуск кортесов; изучение

нового конституционного текста вновь избранными палатами, для чего необходимо одобрение большинством двух третей членов в каждой из палат; референдум для ратификации проекта.

Осознавая препятствия для достижения целей, которые стоят на их пути, националисты реагируют по-разному. Во первых, они пытаются достичь автономии, максимально возможной в рамках Конституции. Во вторых, утверждают, что окончательное решение о нахождении Страны Басков в составе Испании принимают только баски, в то время как остальные испанцы в этом не участвуют. В-третьих, используют давление, которое оказывает ЭТА на государство, для удовлетворения своих требований. Националисты убеждены, что без деятельности ЭТА многого добиться не смогут. Гипотетически возможен следующий вариант: БНП, обладающая достаточной электоральной поддержкой, сдвинется с помощью ЭТА на позиции, выходящие за рамки Конституции. Ведь, как только что было сказано, по мнению националистов, решение о независимости должны принимать сами баски.

Существует ли возможность объединения БНП с демократическими силами Испании во имя того, чтобы покончить с ЭТА? Путь решения проблемы мог бы быть следующим. Правительство посредством пакта, который связывает ЭТА руки, убеждает ее в том, что если в Стране Басков будет покончено с терроризмом и сформируется явное, готовое к независимости большинство, власти не будут препятствовать обретению этой территорией независимости. Цель пакта — демонстрация того, что главное препятствие для независимости — не Конституция, армия или тяга испанцев к доминированию над национальными меньшинствами, а существование ЭТА, и если БНП будет до конца бороться с терроризмом, то в дальнейшем сумеет поставить перед басками проблему выбора — быть или не быть в составе Испании. Подписание пакта всеми политическими силами, находящимися под пристальным наблюдением общественности, сделает возможной реализацию обещания, данного правительством националистам: достичь независимости после исчезновения ЭТА. Подписание пакта потребует дебатов в испанском обществе: надо будет убедить большинство граждан в том, что такого рода акция станет разумным решением проблемы терроризма. Вместе с тем это предложение будет иметь успех лишь в том случае, если неприемлемые позиции отойдут на задний план.

Пакт между политическими силами Испании не равнозначен признанию права басков на самоопределение. Его подписание стало бы признанием того, что стремление басков отделиться от остальной Испании

должно найти соответствующие формы выражения. Необходимо установить порог для определения решающего большинства сторонников независимости (оптимальным представляется большинство в 2/3 голосов), выявить форму, в какой осуществится отделение. Компенсации и гарантии для тех басков, которые не пожелают отделяться, должны быть предварительно обговорены между всеми политическими силами – басками и испанцами. Референдум можно проводить лишь при условии соглашения по целому ряду проблем. Например, кто должен голосовать на референдуме по вопросу о независимости – только баски или еще и наваррцы? Что делать, если сторонники независимости победят в Бискайе и Гипускоа, но проиграют в Алаве?

Предложение провести в Стране Басков референдум без участия ЭТА ставит многочисленные проблемы и дилеммы с точки зрения теории демократии, но с важными политическими решениями всегда так и происходит. В любом случае, однако, эти неудобства меньше тех, которые появятся, если значительная часть басков захочет отделиться от Испании.

Автор отмечает, что многим его предложение об условиях проведения референдума может показаться слишком сложным для осуществления. Им представляется, что оптимальный путь покончить с ЭТА состоит в том, чтобы провести референдум о независимости в обмен на прекращение террористических действий. Последнее решение представляет собой покушение на основные принципы демократии. Нельзя решать судьбу общества под давлением преступлений террористов. Кроме того, нельзя исходить из сомнительной предпосылки, что ЭТА самораспустится после проведения референдума. Пока существуют опасения, что террористы вновь начнут убивать, решения не будут приниматься свободно, над ними будет довлеть страх. Для того чтобы демократия работала в таком вопросе, как отделение, абсолютно необходимо, чтобы не было никакого рода насильственных угроз. Поэтому единственное решение проблемы ЭТА – ее уничтожение всеми средствами, которые могут предоставить демократия и легальность.

ИСПАНИЯ – ЗАМЕТНОЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

**España, un actor destacado en el ambito internacional //
Coord. Ferre J. M. –
Madrid: Fundacion para el analisis y los estudios sociales,
2000. – 345 p.**

Работа представляет собой сборник статей испанских ученых и политических деятелей, посвященный узловым аспектам внешней политики страны.

На этапе перехода к демократии внешняя политика Испании была ориентирована на полную интеграцию в международное сообщество. Правительства А.Суареса, Л.Кальво Сотело и Ф.Гонсалеса стремились обеспечить международную поддержку процессу демократизации, утвердить западную и европейскую ориентацию Испании и нормализовать ее международные связи. Внешняя политика основывалась на консенсусе, который обеспечивал последовательность и постепенность действий, их скорее реалистический, нежели идеологический характер. Внешняя политика рассматривалась как проблема государства, на деятельность которого не распространяется соперничество различных партий со своими альтернативами. Эта тенденция окрепла в течение 14-летнего правления (1982–1996) Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) благодаря ответственности оппозиции, которая отказалась от использования в качестве инструмента борьбы проблем, возникавших при проведении внешнеполитического курса. Единство действий во внешнеполитической сфере укрепило имидж и престиж Испании. Ныне почти все эксперты признают, что к концу 80-х годов во внешней политике были решены задачи интеграции в Западную Европу и нормализации международных связей.

Однако после краха «реального социализма» и повсеместного торжества демократии западного типа и рыночной экономики международная обстановка серьезно изменилась. Усилились национальные конфликты. Выявились огромное неравенство и противоречия между богатым Севером и бедным Югом. Бедность и слаборазвитость превратились в угрозу для мира, безопасности и стабильности. В этом новом международном контексте Испания должна самоопределиваться заново.

Стратегически приоритетными направлениями внешней политики Испании на этапе демократизации стали Европа, прежде всего ЕС, Латинская Америка, Средиземноморье и США. В монографии специально оговаривается, что «европейское направление» авторы не рассматривают. Вместе с тем подчеркивается, что Испанию, расположенную на крайнем Юго-Западе Европы и долгое время изолированную от нее, бесспорно, можно причислить к европейским государствам. Решения, принимаемые Евросоюзом, все в большей степени становятся внутренним делом Испании, органы управления страны ориентируются на их проведение в жизнь и содействуют формированию соответствующего общественного мнения. Существенно также, что 75% внешней торговли Испании приходится на страны ЕС (с. 321).

Важное направление внешней политики Испании — отношения с Латинской Америкой¹. Их фундамент — общность языка, религии, культурные и человеческие связи, сложившиеся за века, на протяжении которых страны Латинской Америки были колониями Испании. Латинская Америка является для Испании чем-то вроде «хинтерланда», что отличает последнюю от большинства европейских стран, лишенных такого огромного пространства для оказания влияния и реализации своих возможностей.

В монографии приводится мысль С.Хантингтона, который в своей работе «Столкновение цивилизаций» поместил Латинскую Америку в «серую зону», отделенную от Запада. Он допускает, что речь идет о цивилизации, очень близкой к западной, и что в XXI в. возможен их «брак». Однако этого может и не случиться.

Не имея общих границ с этими странами и анклавов на их территории, Испания, тем не менее, в политико-дипломатическом плане — субъект первостепенной важности на Латиноамериканском континенте. Ее «легитимному» присутствию здесь благоприятствовал процесс демо-

¹ Saenz de Buruaga E.G. — Iberoamerica: una opcion estrategica fundamental. — P. 51–70.

кратизации, опыт которого получил распространение в Латинской Америке. «Пакты Монклоа», роль правящего класса, вооруженных сил, предпринимателей и профсоюзов стали примером для подражания, особенно в южной части континента. Укреплению влияния Испании в Латинской Америке способствует также институт монархии и личность короля Хуана Карлоса, пользующегося здесь бóльшим авторитетом, чем любой другой иностранный государственный деятель.

Имеются различного рода критические высказывания по поводу растущей активизации Испании в этом регионе. Латиноамериканские критики выдвигают тезис о патернализме Испании в отношении стран субконтинента, ее «неспособности смириться с обретением нашими нациями полной независимости» (с. 54). Рост испанских капиталовложений заставляет — одних с иронией, других с раздражением, — говорить о «втором испанском нашествии» (с. 55). Европейские же критики стараются игнорировать последнее обстоятельство, отводя Испании (вместе с Португалией) роль статистов при тех европейских нациях, которые традиционно инвестировали в страны Латинской Америки свои капиталы. Отметая критические высказывания подобного рода, следует подчеркнуть, что Испания должна действовать в Латинской Америке как легитимное действующее лицо, без прежнего превосходства — признака слабости, а также без комплекса вины.

По мере того как присутствие Испании на континенте расширяется, она становится все более заинтересованной в решении многих латиноамериканских проблем — нанесении мощных ударов по наркоторговле, организованной преступности и торговле оружием; сохранении окружающей среды; достижении правового режима, гарантирующего стабильность для иностранных капиталовложений и т.д.

Политика Испании, ориентированная на модернизацию латиноамериканских государств и укрепление их институтов, включает, в частности, следующие меры: реформу структур государственной безопасности, ставящую целью достижение большей эффективности их функционирования в условиях нового демократического порядка и обеспечение контроля над ними со стороны гражданских властей; поддержку институтов законодательной власти как движущей силы процессов социальной и институциональной трансформации; реформу судебной системы; укрепление местной власти и муниципальной администрации.

Успешно развивается также экономическое сотрудничество Испании со странами континента. Исторически ее связывают с Латинской Америкой отношения товарообмена — курс, который поддерживают все

постфранкистские правительства. Испания подписала практически со всеми странами региона соглашения экономического характера, ставшие составной частью договоров о дружбе и сотрудничестве, или программ экономического и финансового сотрудничества.

Ныне во взаимоотношениях обеих сторон произошел сдвиг, связанный с мощным притоком в экономику континента испанских капиталовложений. Их рост объясняется политикой латиноамериканских правительств, взявших курс на «открытие» своих экономик для иностранного капитала, волной приватизации предприятий общественного сектора в соответствии с планами Международного Валютного фонда и Мирового Банка, процессами региональной интеграции, улучшением экономического и политического положения континента после «потерянного десятилетия» (80-х годов).

Испанские капиталы направляются в основном в сферу телекоммуникаций, в банки, промышленность и энергетику. Обращает на себя внимание растущий интерес к латиноамериканскому рынку мелких и средних предприятий. В последние годы Испания заняла первое место по объему капиталовложений в страны Латинской Америки. В мировом списке инвесторов она занимает первое место в Перу и второе — в Чили и Аргентине. В 1997 г. испанских капиталовложений в Латинской Америке было больше, чем в остальном мире. Следует отметить, что обратный процесс вложения латиноамериканских капиталов в испанскую экономику пока не происходит (за исключением мексиканских инвестиций). Однако нельзя исключать, что это будет иметь место в будущем.

Роль Испании в Латинской Америке состоит также в активизации связей между Европейским союзом и этим континентом. Можно без преувеличения утверждать, что именно Испания способствовала включению региона в сферу интересов ЕС. Вместе с тем активизация связей — это в значительной мере заслуга и Латинской Америки, которая превратилась в привлекательного партнера, — стабильного, вставшего на демократический путь развития, добившегося подъема в экономике. В исторической перспективе «латиноамериканская ориентация» европейских стран носит стратегический характер. Следует исходить из базовой предпосылки: многополярный мир благоприятствует противостоянию ЕС с США, Японией или Россией. Поддержка латиноамериканской интеграции, расширение связей между ЕС и Латинской Америкой важны для консолидации европейских стран. Испании следует стремиться к преодолению узкоотраслевых интересов европейцев и углублению политического и экономического партнерства с Латиноамериканским континентом.

том, особенно с МЕРКОСУР. Пока уровень отношений ЕС с Латинской Америкой находится на более низком уровне, чем с другими регионами.

В плане укрепления связей исключительно важное значение имеют встречи на высшем уровне. Опыт проведения подобных встреч — их было уже семь — позволяет сделать некоторые общие выводы. Встречи способствуют формированию Иberoамериканского сообщества наций. На них вырабатываются общие политические принципы демократического характера, содействующие консолидации демократии, дается импульс разработке конкретных программ взаимодействия. Они представляют собой единственный форум, на котором может происходить диалог между иberoамериканскими странами на самом высоком уровне. Эти встречи происходят параллельно с процессами латиноамериканской интеграции и способствуют укреплению имиджа стран, которые в них участвуют. Они приобретают все больший резонанс за рубежом благодаря выработке странами — участницами совместных позиций по современным проблемам. Для самих иberoамериканских стран эти встречи предоставляют возможность двусторонних контактов.

Одновременно выявляются недостатки данной модели взаимодействия, которая носит чисто межправительственный характер. В числе этих недостатков следующие: принимаемые документы имеют декларативный характер и год от года повторяются; правительства не следуют четко и неукоснительно принятым документам; отсутствуют результаты, понятные населению. В общем можно констатировать, что заявления, принимаемые на встречах, имели определенное значение на начальном этапе становления демократии, но сегодня они совершенно не соответствуют ни реальности, ни конкретным потребностям иberoамериканских народов.

Проведение встреч зависит от политической воли на самом высоком уровне. Одновременно с саммитами происходят многочисленные и зачастую плохо скоординированные встречи на других уровнях — между министерствами, различными организациями и т.д.

Развитие иberoамериканских обществ в условиях изменившейся международной обстановки диктует необходимость придать встречам на высшем уровне большую эффективность путем внедрения некоторых новшеств (с. 67). В ряду этих новшеств такие, как распространение общего языка и культуры, расширение взаимодействия народов, развитие концепций и практики управляемой демократии, единая внешнеполитическая позиция в сферах общих интересов. Цель реформ состоит в том, чтобы консолидировать Иberoамериканское сообщество наций во благо

граждан, увеличить «вес» сообщества и каждого из его членов в международной жизни.

Другое важнейшее направление внешней политики Испании – страны Средиземноморья, с некоторыми из которых она граничит¹. Этот регион с богатыми демократическими традициями (именно здесь зародились демократия и три великие мировые религии) ныне представляет собой зону глубоких разломов и конфликтов. Различия между Севером и Югом Средиземноморья никогда не были столь велики, как в настоящее время. Возросли экономическая дифференциация, неравенство условий доступа к образованию, медицине и культуре. Уровень ВВП на душу населения относительно высок во Франции и Италии; средние показатели имеют Испания, Греция, Ливан, Израиль, Кипр; низкие – Албания, Турция, Египет, Сирия, Алжир, Тунис, Ливия, Иордания. На средиземноморские страны ЕС приходится 15% мировой торговли, тогда как на остальные страны Средиземноморья – только 3% (с. 80–81). Проблемы существуют и между странами Юга, соперничающими за контроль над месторождениями нефти и природного газа.

Более развитые страны Средиземноморья стремятся сдерживать наплыв эмигрантов из Северной Африки, создавая невидимые, но достаточно эффективные барьеры. Между тем демографические прогнозы (до 2025 г.) свидетельствуют о необходимости развивать сотрудничество. Согласно им, уровень рождаемости в регионе будет резко различаться. В Испании, Франции и Италии он будет низким или нулевым, в Албании, республиках бывшей Югославии, Турции, Израиле, на Кипре – средним, в Египте, Сирии, Иордании, странах Северной Африки – очень высоким (с. 80).

Необходимость сотрудничества между странами Средиземноморья диктуется и огромным давлением на экосистему региона (для ее обновления нужно целое столетие). Так, на среду обитания сильно влияют туризм (страны Средиземноморья принимают 1/3 мирового потока туристов, причем 80% от этого числа концентрируется в Испании, Франции, Италии и Греции), а также индустриализация и интенсивные процессы урбанизации (с. 81). Серьезное воздействие на экосистему оказывает также нехватка пресной воды, необходимой прежде всего для развития сельского хозяйства и индустрии туризма. Проблема водообеспечения носит стратегический характер и может, по всеобщему мнению, привести к новым войнам.

¹ Ferre J. M. El Mediterraneo: Nuestro origen y nuestra proximidad. – P. 71–102.

Отношения Испании со странами Северной Африки складываются по-разному. Например, с Марокко существуют традиционно напряженные отношения, что связано с деколонизацией Западной Сахары, конфликтами вокруг рыбного промысла, наркоторговлей, нелегальной иммиграцией. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счета совместную заинтересованность в высоких темпах экономического роста и региональной стабильности. Между обеими странами происходят встречи на высшем уровне и заключены соглашения по политическим, финансово-экономическим и военным вопросам. Действует Договор о дружбе, добрососедстве и взаимодействии, подписанный в 1991 г. Испания занимает первое место среди стран – инвесторов в марокканскую экономику и второе место как торговый партнер этой страны. Первые визиты Ф.Гонсалеса и Х.М.Аснара в качестве председателей правительства состоялись именно в Марокко.

Между Испанией и Алжиром действует Соглашение от 1996 г., предусматривающее выделение 900-миллионного кредита. Отношения с Тунисом во многом определяются Соглашением об экономическом и торговом сотрудничестве от 1995 г., в соответствии с которым Испания предоставила этой стране крупный кредит на льготных условиях. Цели Испании в странах Магриба состоят в создании системы взаимных интересов, которые стали бы основой для стабильных и прогнозируемых отношений. А это предполагает развитие интеграционных проектов, основанных на взаимодополняемости национальных экономик. Следует подчеркнуть, что арабские страны Средиземноморья тесно связаны с ЕС. Торговля между Евросоюзом и арабским миром намного превосходит отношения с МЕРКОСУР и несколько уступает отношениям с АСЕАН.

ЕС и, соответственно, Испания как его часть, имеют в Средиземноморье различные интересы: геополитические (на долю пяти средиземноморских стран-членов приходится 51% населения и 46% ВВП ЕС), стратегические (связанные с нестабильностью на Среднем Востоке, на Балканах и в других регионах с энергетической зависимостью от ряда стран Средиземноморья), торговые. Их отношения характеризуются политической и экономической взаимозависимостью (миграция, окружающая среда, исламский фундаментализм).

Современная средиземноморская политика ЕС основывается на идее общей судьбы народов этого региона. Средиземноморье должно стать ареалом взаимообмена, сотрудничества и диалога, пространством мира и стабильности. К 2010 г. здесь планируется создать зону свободной торговли. На конференции в Барселоне (1995 г.) была сформулиро-

вана концепция Средиземноморской ассоциации. Конференция стимулировала проведение различных мероприятий – конференции городов Средиземноморья, собраний торговых палат, съездов предпринимателей. Отдельно следует сказать о Гражданском форуме, на котором представители гражданского общества обсуждают проблемы сотрудничества без границ, инвестиций, туризма, передачи технологий, транспорта, защиты окружающей среды, университетского образования, культурного диалога, роли женщин, положения мигрантов.

После Барселоны ЕС определил приоритетные направления своей политики в Средиземноморье, в числе которых – диалог и взаимное уважение различных культур, профессиональное обучение, развитие человеческих ресурсов и образования, укрепление демократии, свобода выражения мнений, защита прав личности и свобод, развитие социальных служб, гармоничное развитие сельских районов, широкое сотрудничество в области рыболовства, совершенствование инновационного и технологического потенциала, административного управления, поддержка органов управления на местах, средств массовых коммуникаций, предпринимательских и профсоюзных организаций, расширение участия женщин и молодежи в политической жизни.

Что касается средиземноморской политики Испании, то ее следует осуществлять как посредством собственных инициатив, так и инициатив ЕС. Она должна быть специфической и вместе с тем согласованной с курсом ЕС. Специфической – для того, чтобы адаптироваться к разнообразным ситуациям и конфликтам (Ближний Восток, Магриб, Кипр, Балканы). Согласованной – для того, чтобы создать общий фронт в условиях растущей политической, экономической и военной важности стран Южного Средиземноморья.

Внешняя политика Испании на средиземноморском направлении должна включать, в числе прочих, следующие аспекты:

- распространение принципов либерализации экономики, укрепление региональных экономических соглашений;
- признание того, что существуют зоны бедности и необходима помощь для их развития, ориентацию на укрепление экономических связей между США и ЕС, являющимися двумя крупнейшими импортерами в регионе;
- укрепление союзов, служащих поддержанию здесь дела мира (НАТО, Лига арабских стран);
- гарантию безопасности малым странам;
- поиски примирения с Израилем;

- поддержку усилий, направленных на разрешение существующих территориальных споров;
- помощь действиям ООН по разрешению конфликтов и операций по поддержанию мира;
- усилия, направленные на прекращение распространения оружия массового уничтожения и ограничение военных расходов, поддержку политических реформ и процессов демократизации;
- содействие демократическим партиям в их борьбе за достижение ими политических изменений мирными средствами;
- соблюдение прав человека и выполнение государствами минимальных стандартов в этой области, принятых в мире;
- поддержку политики ЕС по проблемам иммиграции и визового режима, направленной на борьбу с наркоторговлей и преступностью;
- предотвращение того, чтобы развитие политической и экономической ситуации поставило Испанию перед необходимостью укреплять военными средствами ее южную границу;
- превращение Барселоны в столицу Средиземноморья путем повышения ее статуса как главного испанского и европейского города в регионе;
- защиту окружающей среды.

Юг Средиземноморья должен стать объектом первостепенного внимания со стороны ЕС. Между тем политика последнего не соответствует уровню тех задач, с которыми сталкиваются средиземноморские страны. Уровень развития сельского хозяйства недостаточен для обеспечения населения продовольствием, промышленность только начала развиваться, население сконцентрировано в городских центрах. Пока не сформированы демократические структуры, правовые государства, уважение к правам человека; существует социальная напряженность. Все это – вызовы для ЕС и Испании.

К числу приоритетных направлений внешней политики Испании относятся также отношения с США¹. На протяжении веков география, история, население, богатство и культура превратили эти отношения в клубок сложных и неординарных интересов. Однако политические и экономические изменения за последние 20 лет значительно сократили различия и расширили сферу общих интересов.

¹ Sahagun F. La relacion politica, economica, cultural de España con EE.UU – P. 103–145.

Испанская дипломатия была и остается по своей сути пассивной, реагирующей на импульсы извне. Напротив, дипломатия США, начиная со Второй мировой войны, — одна из самых активных. Интересы Испании носят, в соответствии со средствами, которыми она располагает, региональный характер, в то время как американские — глобальный. Демократическая Испания ограничила свои стратегические приоритеты четырьмя уже названными направлениями. Стратегические приоритеты США, также, как и испанской империи в эпоху Филиппа II, не знают границ.

История внешней политики Испании с конца XVII в. до 1980-х годов была историей зависимости и упадка. История США с момента их образования представляла собой постепенное движение к гегемонии — вначале на континенте, а затем в мире. С конца XIX в. до 1980-х годов Испания была отстранена от активного участия в процессах международных отношений. США проводили политику самоизоляции на протяжении большей части XIX в. и в межвоенный период XX в. Однако после победы над фашизмом Соединенные Штаты извлекли для себя урок и окончательно отказались от политики изоляционизма.

Испания покончила с изоляцией после установления демократии. Страна впервые обрела связную и реалистическую модель внешней политики: цели и средства их достижения стали соответствовать друг другу. Наряду с переходом к демократии этому способствовали экономический рост последних 35 лет и стремление демократических правительств присоединить Испанию к главным международным группировкам, от которых она была изолирована в период франкизма.

Авторы сопоставляют две страны и по другим показателям. Хотя Испания является страной народов, обладающих высокой степенью автономии, а США — федерацией с мощным аппаратом управления в центре (50% расходов здесь приходится на центральное правительство, тогда как в Испании — только 35%), исполнительная власть в гораздо большей степени контролирует внешнюю политику в Испании, чем в США. Парламентская система, существующая в Испании, предоставляет председателю правительства возможность контроля над внешней политикой, которую президент США приобретает лишь в том случае, если его партия располагает большинством в палате представителей и сенате.

Политику США — внутреннюю и внешнюю — невозможно понять, не принимая во внимание постоянную конфронтацию лоббистских групп давления, ведущих борьбу за политический курс, в наибольшей степени отвечающий их интересам. Принимаемые решения обычно являются

результатом давления этих групп, которые представляют различные сферы деятельности в администрации президента, — обороны, сельского хозяйства, торговли, промышленности. На внешнеполитические решения администрации США очень трудно влиять посредством традиционной дипломатии, не имея подходов к каналам лоббистского воздействия, определяющим окончательные решения. Одна из главных проблем Испании в ее отношениях с США традиционно состояла в том, что она довольствовалась нормальными дипломатическими каналами влияния, не придавая значения тому, что политический процесс здесь заметно отличается от аналогичных процессов в ней самой и в других странах с парламентскими режимами. Лишь в последние годы Испания стала использовать для отстаивания собственных интересов, хотя и в очень незначительной мере, влияние своего лобби в самих США.

Политика и общество в США намного более открыты и транспарентны, чем в Испании, и испытывают существенно большее влияние со стороны средств массовых коммуникаций, прежде всего телевидения. Германия, Италия, Израиль, Ирландия, Греция, Великобритания, Китай, Мексика назначают послами в США людей, обладающих журналистскими навыками, способных укреплять дипломатическую активность интенсивными контактами с гражданским обществом. Испания поздно осознала важность подобного подхода.

На рубеже XX—XXI вв. население США в семь раз превышало население Испании (280 млн. человек против 40 млн.). Валовый внутренний продукт в 13 раз превышал испанский (почти 7 млрд. долл. против 0,5 млрд.), но чтобы произвести его, требовалось в 20 раз больше электричества, что отчасти объясняет намного более высокую, чем в Испании, степень загрязнения окружающей среды. Ежегодные расходы США на оборону в 35 раз превосходили расходы Испании (280 млн. долл., или 3,8% ВВП, против 8,5 млн. долл., или 1,5% ВВП).

У обеих стран во многом сходные показатели экономического развития. Отличают испанскую и американскую экономики уровень безработицы, распределение населения по отраслям производства и степень распространения средств массовых коммуникаций. По официальным данным, уровень безработицы в США не превышает 5%, а в Испании колеблется вокруг 20%, хотя мало кто верит, что здесь он так высок. Доля сельского населения Испании в четыре раза превосходит долю американского (12 против 3% в 1990 г.), в то время как в сфере услуг занято только 55% (в США — 71%). США превосходят Испанию по степени распространения (на тысячу жителей) телевизоров — в два раза,

радиоприемников — в семь раз, мобильных телефонов — в девять раз, персональных компьютеров — в четыре раза, по числу пользователей Интернетом — в 25 раз (с. 117). Если добавить к этому военную мощь, число лауреатов Нобелевской премии, преимущество в таких перспективных отраслях, как информатика, телекоммуникации, робототехника, аудиовизуальные средства, генетика, а также влияние, которым пользуется в современном мире английский язык, то различия станут еще более очевидными.

Однако есть и другие показатели, фиксируемые ООН в ежегодном Докладе о развитии человечества (к примеру, число людей, живущих ниже уровня бедности, уровень преступности, помощь в целях развития), исходя из которых можно констатировать, что Испания по качеству жизни превзошла США. Ограничимся только двумя примерами. В 90-е годы в США при родах на каждую тысячу жителей умирали 12 матерей, в Испании — только семь. В 1995 г. в США на одну тысячу человек умер 61 ребенок, в Испании — только шесть (с. 117–118). Эти различия в данном случае говорят в пользу Испании, особенно если сравнить доход на душу населения: 14 тыс. долл. в Испании против почти 28 тыс. в США. Таким образом, вопреки всему, Испания является высокоразвитой страной, более справедливой, с большим равенством возможностей, чем США (с. 118). В 1995 г. Испания потратила на цели развития 0,24% ВВП, тогда как США — только 0,1%. Эта цифра особенно впечатляет, если учесть, что еще в начале 80-х годов Испания была страной — получателем помощи. По оценкам, основанным на более чем 60 политических, экономических, социальных и культурных показателях, Испания сегодня является «седьмой державой» в мире. Слова председателя ее правительства Хосе Мариа Аснара: «Испания развивается хорошо», — это не утопия, не личное пожелание и не реальность лишь последних лет. Это факт, характерный для развития страны за последние 35 лет (с. 118).

Бывший посол США в Испании Ричард Гарднер отметил: «Отношения между двумя странами никогда не были очень хорошими и, к несчастью, нынешнее беспрецедентное политическое, экономическое и культурное взаимодействие не свидетельствует о существовании глубокого понимания между нашими народами» (с. 119). Опросы общественного мнения говорят о высоком уровне скептицизма (большем, чем почти во всех европейских странах) испанцев по отношению к США, их политике и ценностям. Испания сегодня проявляет намного больше интереса к Европе и ЕС. Большинство населения хочет вывода военных баз США

с испанской территории, но оппозиция «смягчается» по мере того, как уменьшается число сторонников выхода страны из НАТО.

Получить представление о восприятии испанцами США можно также через их отношение к внешней угрозе. 77% испанцев и 89% из числа руководителей полагают, что сегодня ни одна страна не угрожает миру в Испании. Что же касается мира вообще, то 9% испанцев и 2,5% из числа руководства видят главную опасность в США, ставя их после России и Ирака (с. 120). Примечательно, что восприятие испанцами США как угрозы для всего мира заметно сократилось после окончания «холодной войны». Вместе с тем на уровне массовых представлений американцы воспринимаются как необразованные, богатые и воинственные, озабоченные лишь погоней за прибылью.

Что же касается американцев, то лишь немногие из них знают о той роли, которую сыграла Испания в истории США, а также о достижениях испанской демократии с середины 70-х годов. Многие американцы полагают, что Испания находится в Западном полушарии и является романтической страной пляжей, быков и фламенко. Образ Испании, господствовавший в массовом сознании американцев во второй половине XX в., описан послом Карлтоном Хайесом в виде следующих вопросов. «Испанцы действительно жестоки и нетерпимы? Варварские корриды — не доказательство ли это их жестокого отношения к животным? Не слишком ли нетерпимы они к евреям и протестантам? Не господствует ли там деспотический режим? Не живут ли массы испанцев в нищете и слаборазвитости? Не ленивы ли испанцы?» (с. 121).

Существует целый ряд факторов, объясняющих негативные оценки в восприятии сторонами друг друга. Среди них: распространенное незнание более чем трехсотлетней совместной истории — от 1492 г. (открытие Колумбом Американского континента) до начала XIX в.; изоляция друг от друга в течение почти всего XIX в.; испано-американская война 1898 г.; нейтралитет Испании в двух мировых войнах; сотрудничество франкистского режима с нацистской Германией и фашистской Италией; идеологическая, экономическая и военная поддержка США франкистской диктатуры; серьезные разногласия — вчера политические, сегодня — экономические и торговые, связанные с проблемами стран Латинской Америки; различные представления о региональных и глобальных угрозах и использовании силы во внешнеполитических действиях; стратегическая ориентация Испании на европейскую интеграцию как первоочередной приоритет, что в ряде важных аспектов

сталкивается с интересами США; имидж, создаваемый СМИ, прежде всего кино и телевидением, американцев в Испании и испанцев в США.

Проведение в 1992 г. Олимпийских игр в Барселоне и ЭКСПО-92 в Севилье, развитие торговых и культурных контактов, увеличение вдвое с 1992 по 1996 г. числа американских туристов, посетивших Испанию, ослабили многие из этих стереотипов. Однако корни антиамериканизма испанцев и незнание американцами Испании слишком глубоки, чтобы стереть их одним росчерком пера. Самое главное — осознавать существование наследия прошлого и не возрождать его, проводя ошибочную политику.

К несчастью, празднование в 1998 г. столетия испано-американской войны возродило некоторые негативные моменты прошлого, проявившиеся, в частности, в телесериалах, выдержанных в шовинистическом духе. Прав сенатор из штата Флорида К.Грэхем, заявивший: «Лучшее, что можно было бы сделать со столетним юбилеем войны 1898 г. — это проигнорировать его, потому что он способен создать взрывчатую смесь, способную взорвать нынешний благоприятный момент в развитии испано-американских отношений» (с. 124). Этот благоприятный момент — не будет преувеличением назвать «медовым месяцем», если исключить неизбежные разногласия вокруг Кубы, — начался в последние годы правления ИСРП и получил новый импульс после победы на парламентских выборах НП.

После завершения «холодной войны» и блоковой конфронтации Испания и США получили возможность превратить двусторонние отношения, которые при франкизме ограничивались почти исключительно сферой военного партнерства (с 1953 г. на территории Испании существуют американские военные базы), в сотрудничество, намного более широкое и динамичное. Ныне контакты развиваются — и зачастую довольно успешно — по целому ряду направлений. Во внешнеполитической сфере испано-американские интересы во многих аспектах совпадают. Накануне своей победы на выборах 1996 г. лидер НП Хосе Мария Аснар, признав глубокие изменения, происшедшие в мире, обязался полностью интегрировать Испанию в Североатлантический альянс и укрепить двусторонние отношения с США. Вместе с тем в годы правления консерваторов США занимают в испанской политике важное, но второстепенное место по сравнению с ведущими европейскими странами — Францией, Германией, Италией и Великобританией.

В сфере экономики интенсификация связей с ЕС сократила относительный вес торговли с США и американских инвестиций в Испанию.

Тем не менее по своему объему торговые отношения с США превышают 10 тыс. млрд. долл. в год. США — главный торговый партнер Испании вне ЕС, причем баланс обмена складывается не в пользу Испании, так как сумма ее импорта из США явно превышает сумму экспорта. В то же время испанские инвестиции в США, составляющие от 300 до 400 млн. долл. в год (5% капиталовложений страны за границей), превышают прямые американские инвестиции в Испанию, которые сыграли очень важную роль в экономическом развитии страны в 60–80-е годы. Свыше 500 предприятий США присутствуют в испанской экономике. Действуют также смешанные предприятия. Больше всего их в телекоммуникациях и банковском деле.

Следует иметь в виду, что важность экономики США для народного хозяйства Испании намного выше, чем свидетельствуют цифры. Каждое повышение ВВП США на 1% вызывает в течение 5-летнего цикла повышение ВВП Европейского союза также на 1%, а ВВП Испании — на 1,5%. В отличие от экономик многих стран Европы, реагирующих на рост и падение производства США в той же самой пропорции, экономика Испании реагирует на это с определенным опозданием, но в усиленной форме (с. 133).

Между Испанией и США развиваются интенсивные научные и культурные связи. В каждой из стран учатся, проходят стажировки, занимаются научно-исследовательской работой тысячи студентов и преподавателей из другой, 38,5% испанцев выбирают США для подготовки докторских диссертаций. Далее следуют Великобритания (20%), Франция (18,3%), Германия (5%), Италия (3,9%). В США насчитывается 30 млн. испаноговорящих (с. 141–142). Это пятая страна в мире по распространенности испанского языка. Благодаря подписанным соглашениям, в США можно слушать некоторые программы испанского радио и смотреть телевизионные программы из Испании.

При всех позитивных моментах сотрудничества в обеих странах, как уже говорилось, существуют серьезные проблемы восприятия друг друга, которые, если не внести существенные коррективы, способны в перспективе негативно влиять на развитие взаимоотношений. Решить данную проблему можно, в частности, путем радикальной трансформации существующих подходов, ибо это единственный эффективный способ уничтожить глубоко укоренившиеся стереотипы: следовало бы создать двустороннюю систему консультаций, возглавляемую специалистами по средствам массовых коммуникаций и общественному мнению, которые имели бы прямой доступ к центрам принятия внешне-

политических решений в обеих странах и могли бы предотвращать кризисы до их перехода в стадию конфликта. Учитывая то обстоятельство, что через поколение в США будет больше испаноговорящих жителей, чем в самой Испании, пришло время включить эту страну в число ибероамериканских стран со всеми вытекающими последствиями.

Внешнеполитическая активность Испании, естественно, не ограничивается четырьмя рассмотренными направлениями. Перспективным партнером для нее являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона¹. Эти страны в самом конце XX в. производили треть мирового ВВП, а в первом десятилетии XXI в. произведут свыше половины (с. 254). Многие утверждают, что маятник истории сдвинулся в сторону АТР. Спустя столетие после ухода из этого региона, связанного с крахом колониальной империи, Испания вновь обратила сюда свои взоры. В 1995–1996 гг. в регионе было продано больше испанских товаров, чем в странах Латинской Америки. Правда, в 1997 г. экспорт в Латинскую Америку вновь превысил «азиатско-тихоокеанский» (с. 256). Адекватное планирование испанской торговой политики, в сочетании с динамизмом экономик стран АТР, их постепенной, но уверенной либерализацией, делают возможным превращение этого региона во второго торгового партнера Испании после Европы, способного опередить Латинскую Америку. Не следует при этом забывать о доходах от азиатского туризма, главным образом японского и тайваньского, а также инвестициях — японских (2,2% от всего объема иностранных капиталовложений в Испанию в 1996 г.) и (меньших по объему) корейских (с. 257).

Политические отношения со странами АТР отличаются дружественным характером, но им не хватает масштабности. Диалог носит спорадический, спонтанный характер, что свидетельствует о недостаточном политическом и экономическом влиянии Испании в регионе. Но это обстоятельство не должно становиться препятствием для интенсификации отношений. Необходимо создавать в регионе образ Испании как страны современной, передовой в технологическом отношении (лозунг «Испания = качество») (с. 259).

Отдельно следует сказать об испано-российских отношениях. Россия, говорится в книге, с начала XVIII в. до наших дней представляет собой страну «расколотую», разделенную на почвенников и западников (исключение составляет советский период). Эта «двойственная ориента-

¹ Aznar E. Revision del concepto de lejanía en un mundo globalizado: Rusia, Asia, Africa y el Pacífico. — P. 249–269.

ция» русского национального характера с новой силой обнаружилась в последние десятилетия XX в. и в решающей степени повлияла на развитие событий в России, самоопределение общества и процесс его включения в международное сообщество, ныне свободное от биполярности времен «холодной войны».

Несмотря на проблемы и трудности новой экономической системы, формирующейся в России, она превратилась в важный рынок для испанских экспортеров. Доля испанских продаж на российском рынке возросла с 0,4% в 1993 г. до 0,8% в 1997 г. (с. 267).

Позиция Испании в отношении России вписывается в общий курс ЕС и развивается по двум основным направлениям. С одной стороны, это поддержка процессов демократизации и экономических реформ и, соответственно, политических сил, которые их осуществляют. Таким путем облегчается интеграция России в институты международного сообщества и прежде всего в новую систему безопасности в Европе. Безусловно, это лучший способ поддержания стабильности в Европе и обеспечения ее прогресса. Иными словами, Испания ориентируется на интеграцию России в западноевропейские структуры и облегчение этого процесса. С другой стороны, интенсифицируются российско-испанские двусторонние отношения, фундаментом которых должно стать широкое присутствие испанских предприятий на российском рынке и развитие политики сотрудничества, ориентированной на создание в России государства современного типа.

Демократическая Испания активно участвует в деятельности международных организаций — ООН, НАТО и др.¹. В составе «многосторонних» организаций стране гораздо легче понять и освоить многие идеи и подходы, чем в том случае, когда она действует в одиночку. Подобная многосторонность для Испании намного предпочтительнее, чем неравноправные двусторонние отношения. Там, где решения принимаются на равноправной основе, снижается влияние великих держав, а малые и средние страны значительно меньше страдают от невыгод своего статуса. Организации с большим составом участников увеличивают влияние Испании, предоставляя «в распоряжение» ее внешней политики экономические и организационные ресурсы, несопоставимые с ее собственным потенциалом. В качестве примеров можно привести Европейский союз с его средиземноморской и латиноамериканской политикой, поддержку,

¹ Rodrigo F. España y las relaciones multilaterales: ONU, OTAN, OSCE. — P. 147–159.

полученную Испанией от ООН при проведении операций по поддержанию мира в Центральной Америке и Африке (Западная Сахара), помощь ООН и НАТО в реализации присутствия Испании в Боснии и Герцеговине. Участие в «многосторонних» организациях позволяет Испании в некоторых случаях определять в качестве приоритетных в общей повестке дня проблемы, которые особенно важны для нее, выступать в роли лидера совместных инициатив, чего невозможно добиться, действуя в одиночку. Разумеется, преимущества организаций с большим числом участников проявляются не автоматически, а зависят от того, как действует страна в рамках этих организаций. И если Испания добилась результатов выше ожидаемых, то это произошло благодаря качеству работы служащих ее управленческих структур и несмотря на острую нехватку человеческих, организационных и экономических ресурсов.

В программе деятельности ООН есть три темы особенно важные для Испании: реформа Совета Безопасности, создание Международного уголовного трибунала и будущее миротворческих операций. Что касается реформы СБ, то Испания заинтересована в том, чтобы он выполнял свою роль по сохранению мира и международной безопасности максимально эффективно. Поэтому Мадрид поддерживает такую реформу СБ, которая усилит его представительность путем включения наиболее влиятельных государств из различных регионов мира. Вместе с тем не должно увеличиваться число государств, имеющих право вето, а численность СБ не следует доводить до количества, затрудняющего его функционирование. Идея состоит в том, чтобы СБ кардинально изменил свой облик и в нем были бы представлены прежде всего экономически наиболее развитые государства, вносящие наибольший вклад в сохранение международной безопасности. Это — идея, безусловно, разумная, однако не имеющая больших шансов на успех. Тем не менее более многочисленный, представительный и транспарентный Совет Безопасности, с тенденцией к исчезновению права вето, наиболее соответствует интересам Испании.

Позитивное значение для Испании имело бы формирование постоянного Международного уголовного трибунала по тому образцу, который СБ создал для бывшей Югославии. С этим трибуналом были бы обязаны сотрудничать все государства, и он мог бы применять санкции против любого гражданина любого государства в случаях геноцида, военных преступлений и других преступлений против человечества.

Что касается будущего операций по поддержанию мира, то Испания заинтересована в том, чтобы ООН укрепила свои позиции в этой

области, развивая организационные связи с НАТО и ОБСЕ. Страна может участвовать в миротворческих операциях — в рамках или вне рамок «многосторонних» организаций, — если они будут одобрены СБ.

Основные средства усиления влияния Испании в мире — ее язык и культура¹. В этом плане особенно следует отметить деятельность Институтов Сервантеса — общественных организаций, подчиненных Министерству иностранных дел и культуры и действующих в целом ряде стран мира. Испанский язык признан великим по своему лексическому и грамматическому богатству, литературе, написанной на нем в прошлом и настоящем, и международному употреблению. Всего в мире ежедневно говорят на испанском 360 млн. человек, а в 2025 г. эта цифра превысит 500 млн. Больше всего испаноговорящих в Латинской Америке — 273 млн., в США — 23 млн., и, естественно, в самой Испании, население которой составляет примерно 40 млн. человек (с. 279). Европейский союз объединяет те страны, где в наибольшей степени изучают испанский язык и культуру. Среди наиболее изучаемых иностранных языков испанский занимает здесь второе место после немецкого. Интерес к нему проявляют французы и немцы, возрастает потребность в его изучении как на школьном, так и на университетском уровнях. В условиях нынешнего революционного развития средств массовых коммуникаций необходимо сохранить значение испанского языка, как одного из ведущих мировых языков, приспособив его к новым условиям и сделав инструментом развития и распространения информационных технологий. Судьба Испании, а в широком смысле слова — всего испаноамериканского мира, связана с судьбой ее языка. И это обстоятельство требует уделять максимально возможное внимание правильному обучению языку в самой Испании и как можно более широкому распространению его в мире.

¹ Robles J.M. La proyeccion cultural de España. El idioma español. — P. 271—289.

СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНИЯ

Реферативный сборник

Художественный редактор Т.П.Солдатова

Технический редактор Н.И.Романова

Корректор Л.А.Емельянова

Лицензия: Серия ИД № 00748 от 18.01.2000 г.

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 7/VIII — 2003 г.

Формат 60x84/16

Бум. офсетная № 1.

Печать офсетная

Свободная цена

Усл. печ. л. 9,0

Уч.-изд. л. 8,4

Тираж 350 экз.

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997.

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий

Тел. /факс (095) 120-4514

E-mail: market@INION.ru

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН

119890. Москва, М.Знаменский пер., д. 11, стр. 3

тел.: 291-28-87

042(02)9
